

Пётр Муратов

ВСТРЕТИМСЯ НА «СКОВОРОДКЕ»

Воспоминания о Казанском университете

ББК 63.3
УДК 94(47)
М91

Муратов П. Ю.

ВСТРЕТИМСЯ НА «СКОВОРОДКЕ». *Воспоминания о Казанском университете / П. Ю. Муратов — Набережные Челны, 2011. — 208 с.*

ISBN 978-585247-470-4

Пётр Юрьевич Муратов, живущий ныне в Новосибирске, выпускает свою первую книгу. Она посвящена воспоминаниям о годах студенчества, проведённых в Казани, на родине автора. Но это не только мемуаристика, в которой выражена ностальгия по ушедшей молодости. Автор размышляет о том, что произошло с каждым из персонажей, да и со всем постсоветским обществом на стыке тысячелетий, когда коммунистическая идеология в России была кардинально изменена на так называемую рыночную. Что приобрели, что потеряли вчерашние студенты в этих непростых условиях? Как изменилось их мировоззрение? Ответы Петра Муратова сугубо индивидуальны, честны и искренни. Читатели могут обратиться к нему с вопросами и пожеланиями по электронному адресу: petermuratov@yandex.ru

© П Муратов, текст
© Татарстанское отделение
Союза российских писателей,
оформление

ISBN 978-585247-470-4

*Моим одноклассникам Андрею Ширшову,
Елене Ильиной, Ирине Скипиной,
Валерии Бойко и Татьяне Клоковой
посвящаю*

Вступление

Я — довольно типичный представитель поколения, чья юность и молодость пришлась на 70-е и 80-е годы минувшего века. Уроженец Казани, выпускник Казанского университета, ныне живущий в Сибири и ностальгирующий по родному Татарстану. Однажды я почувствовал неодолимую тягу рассказать о своей студенческой молодости. И вот пишу, что к этому подтолкнуло?

Известно: «времена не выбирают, в них живут и умирают...» Поэтому описать своё студенчество — значит описать своё время. Тем более, пять моих студенческих лет выпали на самую последнюю пятилетку «развитого социализма». Менее чем через год после окончания мною университета начнётся горбачёвская перестройка, которая похоронит под собой и страну, и строй, затем последуют годы «ельцинских реформ». События тех времён широко растиражированы и общеизвестны. А ведь непосредственно предшествовавшие им годы, наречённые «застойными» и отчасти попавшие в некоторый информационный вакуум, были очень насыщены и значимы, во многом предвосхитив и обусловив события, следовавшие за ними.

Последним и решающим аргументом, заставившим меня напрячь память и взяться за перо, послужил рассказ Андрея Ширшова, моего лучшего друга, единственного одноклассника, связавшего свою жизнь с педагогикой. Оказывается, нынешние школьники свято убеждены, что в нашу молодость, которая пришлась на время «мрачного тоталитаризма», ничего светлого, интересного, содержательного и позитивного не было и быть не могло. Вы согласны? Я — нет! И хочу доказать, что это не так.

Да и просто захотелось вернуться в ту пору, рассказать о времени «из времени» — ведь я в какой-то мере остался в тех годах. И, похоже, буду «проживать» их всю жизнь. Столько воды утекло после окончания звонкого времени студенчества... Но память не подёрнулась пеплом забвения. В памяти остались какие-то туманные ретроспекции и ассоциации, обрывки воспоминаний, отзвуки песен, смеха или грусти, голосов, звуков того удивительного времени... Даже выражения лиц на чёрно-белых фотографиях той поры другие.

И если кто-то из современников, ознакомившись с моими воспоминаниями, скажет: да, это — мы, это — про нас, буду счастлив. Итак...

Вот опять я «еду» на учёбу со своего Танкодрома на шестом или восьмом троллейбусе мимо исчезнувшего ныне Питомника, что был напротив Танкового училища и ВДНХ, где мы, школяры, бегали на лыжах на уроках физкультуры. Обширные земли, на которых когда-то подрастали саженцы горзеленхоза, застроены ныне внушительными зданиями государственных учреждений и депо метрополитена. «Мелькают» перед глазами переименованные ныне в Эсперанто и Петербуржскую улицы Жданова и Свердлова. От Суконной Слободы, сохранявшей в те годы облик столетней давности, деревянно-резной, патриархальной и захолустной, с яблоньками во дворах и классическими бабушками на скамеечках, сегодня остались лишь несколько каменных зданий и церквей да название станции столь непривычного для меня казанского метро.

Вокруг устоявших строений-реликтов Суконки принято решение застраивать освобождённые площади модными нынче новоделами, стилизованными под XIX век. Да и троллейбус, издававший характерный поющий звук, по этим улицам больше не ходит. От перекрёстка улиц Артёма Айдинова и Петербуржской, вдоль фасадов невысоких домов, стилизованных под Питер, и далее по Баумана, протянулась пешеходная зона. А на месте «круга» с диспетчерской, где когда-то разворачивался «рогатый», стоит современный «Гранд отель Kazan», тянущий ввысь свои многочисленные этажи.

Закрываю глаза и мысленно выхожу на конечной остановке «Площадь Куйбышева — Кольцо» и, пройдя мимо большой невысыхающей лужи, взявшейся «по берегам» зелены, на том месте, где с недавних

пор сосредоточенно размышляет о судьбах человечества бронзовый Гумилёв, ныряю в проходной двор. Да-да, того длиннющего, изогнутого, бывшего некогда доходным домом здания, выходявшего одной стороной на Кольцо, бывшую Рыбнорядскую площадь, а другой, с аркой противоположного выхода со двора — на неказистый приземистый кинотеатр «Вузовец». И если «Вузовец» почил в бозе ещё в бытность мою казанцем, то доходный дом, в проходном дворе которого всегда витал характерный запах старины, отхожих мест и щей, приказал долго жить уже без меня. На его месте, на Кольце, сверкает огнями и роскошью современный торговый центр «Кольцо» с огромным, натурально гранёным кольцом на крыше.

Перейдя улицу Пушкина у «Даров природы», я, поднявшись по мощённой булыжником университетской горке, вхожу в старинный двор Альма-матер — мне, постоянно куда-то опаздывающему, зайти в главное здание было ближе именно со двора. По левую руку оставалось небольшое двухэтажное белое, строгое зданьице в стиле классицизма, где на втором этаже, на кафедре почвоведения, «грыз» гранит наук корефан Олег-Насибулла. Мы его называли «почвоедом» или «почвогрызом». Не упомянуть это здание невозможно потому, что оно — самое, не побоюсь сказать, знаменитое в Казани. На восьми пролётах между окнами первого этажа — восемь мемориальных плит: «В этом здании»... Создал основы теории органической химии Бутлеров, синтезировал анилин Зинин, открыл сорок первый химический элемент «Рутений» Клаус, творили знаменитые химики Флавицкий, Зайцев, Марковников и Арбузовы, отец и сын. С лихвой для небольшого флигелька, не правда ли?

Охватив взглядом полукруглое здание анатомического театра мединститута с выложенными на фронтоне золочёными буквами «*Nis locus est ubi mors gaudet succurrere vitae*» («Это место, где мёртвые помогают живым»), я пробегаю через довольно запущенный и неухоженный в те годы, весь в тени от огромных вековых деревьев университетский двор. С другой его стороны, от входа во двор с улицы Ленина, ныне Кремлёвской, всё моё студенчество простояли машин двадцать марки «ГАЗ-66» с пассажирскими будками. Что они там делали, кому принадлежали, почему так долго стояли, я так и не узнал — привык, стоят себе — значит, так и надо.

И, распахнув дверь, по крутым с поворотом направо ступеням поднимаюсь наверх, вдохнув лёгкий запах химреактивов, просачивавшийся из-за двери, ведущей в подвал научной лаборатории кафедры физиологии растений. К гардеробщице Нурие — то ли вечернице, то ли заочнице, не помню, и дальше до аудиторий с высоченными старинными, часто лепными потолками. К овладению науками готов!

Казань-Казань... Казань семидесятых и восьмидесятых. Разлитая в воздухе патриархальная провинциальность, приправленная лёгким восточным колоритом. Смешение архитектурных стилей и укладов жизни, контраст импозантности дворянских, купеческих кварталов города и захолустья трущоб слобод и околотков, зачастую близко соседствовавших друг с другом в самом центре города. Ширь волжского разлива и простор акватории казанского речного порта со снующими туда-сюда «ракетами», «омиками» и «мошками», пахнущими соляжкой. Отдающая сероводородом жаркими летними деньками водяная гладь Нижнего Кабана и захламлённый, поросший камышом узкий Булак — протока от озера к Волге.

Старушки-татарочки в длинных белых платках, серьёзные белобородые бабаи в тубетейках с палочками, в мягких сафьяновых сапожках и русские бабули в традиционных цветастых платочках. Угрюмые гопники в голубых олимпийках, заправленных в широкие, на 2—3 размера больше, штаны и мятые мужички в домашних трико, увлечённо «забывающие козла» в домино за столом под деревьями — обязательном атрибуте любого казанского двора. Городская публика той поры вспоминается мне немного деревенской: сходить до ближайшего магазина в домашних тапочках и даже в майке, почистить рыбу или разрубить мясо около подъезда дома было в порядке вещей. Ещё и ключи от входной двери в квартиру под ковриками на лестничной клетке кое-кто оставлял. А около никогда не запираемых дверей подъездов красовались таблички с поквартирным списком жильцов.

Помню однообразные и заунывные дворовые песни укрывшихся в затемнённых местах группок молодняка под звуки гитары — уметь держать в руках шестиструнную деревяшку, зная всего три аккорда, было тогда очень почётно. Культ хоккея и футбола: пацаны каждого двора заливали зимой свою площадку, иногда и не одну, со снежными,

как правило, бортами, а уж деревянная коробка была особым шиком. Как самозабвенно болели за завсегдатаев вторых лиг — за футбольный «Рубин», ныне чемпион России, и за хоккейный, как тогда говорили, «СКА-Урицкий», ныне «Ак Барс», и тоже чемпион России. Вот только татар в тех командах, в отличие от нынешних, было по половине состава, поскольку это были по-настоящему городские команды, даже мой одноклассник Эдик Маматов дорос до вратаря «Рубина».

Слышу колоритную, немного гортанную татарскую речь, льющуюся отовсюду. И особый, нигде больше не встречавшийся мне казанский акцент русской речи, сохранившийся без изменений до сегодняшних дней.

Представляю, как естественно и органично неслось бы над всей этой безмятежной благодатью переплетение переливов колокольного звона и умиротворяющих напевов сур из Корана! Но, к сожалению, колокольни и минареты слились в едином благозвучии, создающем особую, неповторимую ауру родного города, уже после моего отъезда из Казани.

Сегодняшнюю Казань я почти не знаю, внешне она, разумеется, смотрится лучше той, прежней. Хотя публика казанская, как мне кажется, внутренне особо не изменилась, лишь стала поцелеустремлённей и порезче. Наверное, ни один город России, в том числе, Москва внешне не преобразился столь разительно, как Казань Шаймиева, и я считаю её самым красивым городом в стране. Реконструирован исторический центр города, восстановлены и отреставрированы все городские мечети, церкви и монастыри. В Кремле построена самая большая в Европе мечеть «Кул Шариф», а из папских покоев Ватикана после долгой одиссеи наконец-то вернулась восвояси животворящая икона Казанской Божьей Матери. Снесены трущобы, вычищен осветлённый фонтанами Булак, в Кабане вновь водится рыба. Пущено метро, возведён новый мост через Волгу, а всё ближнее Подказанье застроено такими коттеджками — что твоя Европа. И каждый год я, хоть на пару деньков, стараюсь навестить в родную Казань, чтобы «свои ладони в Волгу опустить».

Но какой город — тот или этот, этот или тот — мне нравится больше, пожалуй, и не отвечу. Скажем так, нравятся оба, и каждый по-своему. Почему? Попробую объяснить.

К 200-летию Казанского университета, ныне зовущемуся Приволжским федеральным, вроде бы всё сделали по высшему разряду: восстановили мемориальный ныне актовый зал, лепнину, реконструировали внутренний двор; стены, потолок и лестницы главного здания сверкают великолепием дорогого евроремота. Одним словом, гостям, особенно из-за «бугра», показать незасорно. Ничего не скажу, всё современно, эстетично и, надеюсь, функционально. Вот только почти полностью выветрился неуловимый дух старого, императорского университета, который я явственно ощущал все пять лет учёбы. Гулкие пустые стены, на которых когда-то была размещена интересная информация о кафедрах биофака и его выпускниках, вывешивалась притягивающая, словно магнитом, студентов и преподавателей длинная факультетская стенгазета «Бигль», по всей видимости, полностью отвечают новой концепции дизайна и композиции внутреннего пространства.

Да и просто так войти в здание, даже мне, выпускнику, не удастся. Потому как пропускной режим, турникеты и бдительные «секьюрити». А ведь я не забыл, что почти ни одно окно универа в бытность мою студентом не было закрыто решётками, даже на первом этаже, и мы нередко лазили в окна аудиторий. Вся «охрана» состояла из старенького седого еврея дяди Бори, старавшегося выглядеть суровым и принципиальным. Его всё равно никто не боялся, и каждый желающий мог свободно зайти в любое здание университета...

Застраиивает ныне Казань помпезными зданиями и дворцами в викторианском и ампир стилях (любая европейская столица позавидовала бы!) и место, где когда-то торчали трущобы Федосеевской слободки, что под стенами Кремля, и где я когда-то дежурил в составе «добровольной» народной дружины биофака. Казань, пышно отпраздновавшая своё тысячелетие и готовящаяся ко всемирной Универсиаде. Казань, сбросившая обаяние патриархальности, но вспоминающая свою историю — город, в котором сделан неплохой «евроремот». И именно это, сдаётся мне, стало самым символичным и знаковым.

Просто другие времена? Конечно. Другие...

ВОСПОМИНАНИЕ ПЕРВОЕ

«Человечный человек» и идейная наковальня университета

I

Казанский государственный (КГУ), в прошлом Императорский (КИУ), университет, основанный в 1804 году — один из старейших ВУЗов страны. Его имя связано со многими научно и исторически значимыми людьми. Это Лобачевский, Зинин, Бутлеров, Флавицкий, Зайцев, Марковников, Лесгафт, Бехтерев, Энгельгардт, отец и сын Арбузовы, Завойский, Альтшулер, Лев Толстой, Аксаков, Джалиль.

Основатель неевклидовой геометрии Николай Лобачевский более 20 лет был ректором КИУ, восстанавливал университет после сильнейшего пожара, уничтожившего город — именно при нём комплекс старых зданий ВУЗа, включая главный корпус, где находился и находится мой родной биофак, обрёл тот архитектурный облик, который сохранился до наших дней. Активно боролся с эпидемией холеры — университет был островком безопасности среди моря страшной заразы — радел за студентов, одним словом, был достойнейшим из людей, настоящим национальным достоянием и гордостью России. И его, и только его имя обязан был носить наш университет — об этом мы, студенты (преподаватели помалкивали), вполголоса говорили довольно часто.

Но университет носил имя вождя мирового пролетариата, «самого человеческого человека» — В.И. Ульянова-Ленина. Семнадцатилетний Володя Ульянов в год казни старшего брата, народовольца Александра,

покушавшегося на царя, был без экзаменов зачислен на первый курс юрфака Казанского Императорского университета. Добавить к этому, что пенсия его усопшего батюшки Ильи Николаевича, губернского инспектора учреждений народного образования, позволяла снимать немаленький двухэтажный дом в Казани, никогда не работать его вдове и матери Ленина Марии Бланк, содержать целую ораву детей. И даже таскать за собой фамильный рояль, на котором исполнялась «Аппассионата» Бетховена, которую будущий вождь так любил по-слушать.

Проучился на юрфаке КИУ молодой Володя Ульянов неполный семестр, потом подбил студентов на бузу, впоследствии названную исторической «сходкой», за что был исключён из университета. Точнее, официальная историография утверждала, что швырнул свой студенческий билет непокорный Володя сам. Начало петиции «сходки» я, впоследствии не раз водивший экскурсии по ленинскому мемориалу университета, помню до сих пор: «Собрало нас сюда не что иное, как сознание невозможности всех условий, в которые поставлены русская жизнь вообще и студенческая в частности...» Стоит отметить, что начало этой петиции универсально и злободневно в качестве вступления к любому протестному мероприятию, как говорится, вне времени и пространства.

За это будущий «гений человечества» получил «страшное» наказание: был выслан под надзор полиции в родовое имение своей матушки, в деревню Кокушкино, позже переименованную в Ленино-Кокушкино, неподалёку от Казани. Надзор заключался в том, что изредка к нему приходил местный урядник, олицетворявший собой, видимо, всю репрессивную машину царского самодержавия, и они-с соизволяли попивать чаёк-с с юным «врагом Отечества», беседуя за жизнь. К тому же Володе в милой уютной деревушке, в отличие от беспокойного губернского центра, уже никто не мешал в беседке, в тени деревьев около речки Ушни изучать «Капитал» Маркса.

А произошёл всё это не при царе-батюшке, а после Октябрьской революции и Гражданской войны, случившихся в нашей истории не без активного участия Владимира Ильича? Интересно, родной брат террориста Александра Ульянова был бы так же гуманно наказан за своё бузотёрство в университете? Вероятнее всего, след Володи

затерялся бы в колымских лагерях. А если бы старший брат был обвинён в покушении на товарища Сталина, то младшего наверняка бы поставили к стенке и без «исторической сходимости»! Вот ведь какая диалектика...

Но вернёмся в пору моего студенчества. Факт кратковременной «засветки» Владимира Ильича в Казанском университете наложил мощнейший отпечаток на всю дальнейшую историю учебного заведения. О том, что нам выпала великая честь учиться в Ленинском университете, твердили кругом днём и ночью, особенно на первом курсе. Дореволюционное существование университета и какие-то непонятные научные достижения в этот реакционный до мозга костей период порой казались нонсенсом, солнце над ним взошло только после учёбы Володи Ульянова, и исключительно после Великой Октябрьской Социалистической Революции. Преподавательский состав университета до революции — почти сплошь ретрограды-реакционеры, один ректор Магницкий чего стоил, татар на учёбу почти не брали. Да и Лев Толстой учёбу здесь бросил! Даже Евгений Евтушенко в поэме «Казанский университет» сумел разглядеть у студенток-комсомолок «глаза народоволок», «обласкав» их при этом ныне дико звучащей аллегорией, как дочерей «наивных террористских бомб».

На мастерски выкованных дореволюционных воротах во двор университета со стороны улицы Ленина (ныне Кремлёвской) у флигеля, где жил когда-то Лобачевский, кто-то очень бдительный потрудились убрать перемычку у буквы И в выкованной аббревиатуре славянских букв КИУ. Ленинский университет по определению не мог быть императорским. Правда, сейчас перемычку к многострадальной букве «И» там всё-таки, слава Богу, приварили, но без славянских завитушек. Говоря шире, возврат на место этой современной перемычки воспринимается мной, как символ, хоть и похвального, но, к сожалению, безвозвратно утратившего органичную преемственность сегодняшнего стремления восстановить хоть какие-то исторические традиции. И не только в Казани, но и во всей России. Тем не менее, за попытку — спасибо. «Кто стреляет в своё прошлое из пистолета, рискует получить ответ из пушки» — кажется, так мудро выразился кто-то из классиков.

Напротив главного здания университета был поставлен памятник в окружении цветочной клумбы: молодой Володя Ульянов, забросив через плечо сюртук униформы КИУ, с книгой в руке идёт на занятия. За памятником полукругом большая скамья со спинкой на мраморном постаменте. Это место неофициально зовётся «Сковородкой» и очень популярно среди студентов: оно никогда не затенено, за ним небольшой сквер, очень удобный для встреч. Фразу «встретимся на Сковородке» я слышал и говорил сам несчётное количество раз. У брачующихся студентов университета стало традицией приезжать свадебным кортежем на «Сковородку» и возлагать к памятнику знаменитого студента цветы с обязательным фотографированием.

1 курс. Автор на «Сковородке»

2

Не сложно догадаться, что преподавание общественных дисциплин, призванных выработать марксистско-ленинское научное мировоззрение у студентов, было особым. Нам предстояло изучать «Историю КПСС» (три семестра), «Марксистско-ленинскую философию» (по семестру на диалектику и истерию), «Политэкономия» (семестр — капитализма, семестр — социализма), «Научный атеизм» (один семестр) и, как вершину познания, «Научный коммунизм» (два семестра). По последней дисциплине сдавался единственный государственный экзамен на пятом курсе. Я давно подметил одну закономерность: если научность

предмета вызывает некоторые сомнения, это особо акцентируется в самом названии дисциплины, его изучающей.

Специфика нашего факультета требовала изучения ещё одной специальной, но фактически тоже почти общественной, дисциплины — «Дарвинизм» (эволюционная теория).

Но начиналось всё на первом курсе с «Истории КПСС», или, как мы говорили, «истории партии», без уточнения какой, поскольку, в те времена количество партий, понятное дело, не могло быть больше одной. Читал лекции и вёл семинары преподаватель Михаил Николаевич Софронов — бывший фронтовик. Он ходил с палочкой, манерой говорить и убеждать напоминал мне незабвенного харизматика, некогда второго после Горбачёва человека в партии, Егора Кузьмича Лигачёва — эдакого «Торквемаду» заката эпохи исторического материализма.

Свою идейную, почти кержацкую крепость Софронов продемонстрировал сразу, на первом же семинаре, на который было задано изучить и законспектировать «Манифест Коммунистической партии» Маркса и «Три источника и три составные части марксизма» Ленина. Была вызвана отвечать Олечка Караулова — спокойная, худенькая, негромкая студентка из нашей группы, носившая для солидности огромные роговые очки. Она стала довольно складно лепетать что-то к тему.

Михаил Николаевич, или Софроныч, как мы его звали, обычно являл собой точный индикатор качества ответа: если звучало то, что надо, он как бы погружался в идеологическую «нирвану», изредка чуть кивая головой, а иногда вообще казался спящим. Но ситуацию он всегда держал под неусыпным контролем, не пропуская ни одного слова отвечавшего, и, если звучало что-то не то, мгновенно сбрасывал ложное оцепенение. Тут уж отвечавшему приходилось несладко — вся группа тоже внутренне поджималась.

Но на этот раз вроде бы всё шло нормально: Софроныч в «нирване», лепет, хоть и слабенький, но верный. И вдруг преподаватель мгновенно выпрямился на своём стуле, вытянув шею: Олечкина тетрадь с конспектами выглядела подозрительно потрёпанной — а семинар-то самый первый! Точнее, второй — на первом мы ходили в ленинский университетский мемориал. Бдительный историк партии прервал её:

- Тетрадочку, будьте добры, подайте!
- Пожалуйста...

Тетрадь содержала все конспекты по истории партии на курс вперёд — Олечкина старшая сестра окончила наш факультет в тот же год. Бог ты мой, что тут началось! Софроныч не поленился встать, и, кашлянув, тяжёлым взглядом обвёл группу — все сжались. Началось его получасовое выступление. Чего в нём только не было: и инкриминирование бедной Олечке нежелания овладевать научным марксистско-ленинским мировоззрением, и заигрывание ею с идеологическим противником, и косвенная поддержка империалистов, ревизионистов, оппортунистов, гегемонистов и прочей нечисти. Поминался недобрым словом опальный в те времена академик Сахаров, непростое международное положение и даже, по-моему, очередной неурожайный год. И в завершение, как приговор: «Вам не место в рядах советских учёных!»

На несчастную Олечку было больно смотреть, но, как выяснилось позже, не из-за тяжести вины и не из-за «осознания и просветления». Ей было до слёз жаль столь безвозвратно потерянной тетради старшей сестры. Понятно, что первокурсницу простят и в месте в гипотетических «рядах советских учёных», безусловно, не откажут. Но, что тоже не вызывало сомнений, «пахать» отныне на семинарах по истории партии Олечке придётся за двоих. Нет, за троих: за себя, за невиную в случившемся сестру и «за того парня». Который на памятнике с сюртучком на плече.

Но она, молодчина, с поставленной задачей впоследствии успешно справилась, заработав своим усердием и прилежанием индульгенцию от Софроныча во искупление «первородного греха». Потом её спрашивали на семинарах не чаще и не реже остальных.

А вот Андриюшу Ширшова Софроныч невзлюбил сразу: тот, доравшись наконец-то до вожденной студенческой вольницы, носил длинную гриву волос, на переменах громко смеялся и имел дурную привычку грызть ногти, в том числе на семинарах. Позже, заделавшись заправским туристом, на занятия в универ он одевался, как в турпоход. Всё это не вязалось с классическим образом студента ленинского университета. Поэтому от Софроныча Андрей всегда имел твёрдое «удовлетворительно», вне зависимости от качества ответов.

Как-то мой глаз подметил ещё одну особенность Софроныча: ему всегда хотелось, чтобы ответ был не просто верным по содержанию, но ещё и убедительным по исполнению. Мои одноклассники, державшие ответ с колотившимся от волнения сердцем, так прозвучать не могли, а я решил попробовать.

Одевался я на занятия в универ традиционно: брючки, пиджачок, правда, галстук не любил, подстригался коротко, солидность придавали очки. Позже, тоже увлечшись спортивным туризмом, я стал часто одеваться как Ширшов: свитер грубой вязки, потёртые джинсы, на ногах туристские вибамы. Одноклассница Нинок Голубева — деканская дочка — мне тогда недоумённо выговаривала: «Петя, ты же нормальный парень! Ну что ты одеваешься, как эти голодранцы-туристы! Тебе же есть, что надеть!» Понятно, что туризму в её шкале ценностей места не находилось.

Однако про предпочтения Софроныча во внешнем виде я знал и поэтому на его семинарах с туристским прикидом «не выставлялся». Когда звучало моё имя с приглашением ответить, я, резче обычного, вставал и твёрдым шагом шёл к кафедре, даже пару раз пинал по пути чьи-то сумки, типа, не заметил, концентрируясь на подготовке к ответу. Подойдя к Софронычу, я резко поворачивал к нему голову, обдавая стальным взглядом, и пару раз давил на желваки. Прелюдия мне всегда удавалась — Софроныч в предвкушении нужного и по форме, и по содержанию ответа блаженно откидывался на спинку стула.

Я начинал: «В своей бессмертной работе *(такой-то)* Владимир Ильич (я никогда не называл одну фамилию «Ленин» — только тёплое, якобы идущее от сердца, имя-отчество) ещё глубже развил неоспоримо подтверждённую временем теорию *(о том-то)*. Давая решительную отповедь оппортунистам и ренегатам, строящим свою линию на бредовых умозаключениях и совершенно извращённых толкованиях и представлениях о бурлящих революционных *(или предреволюционных)* событиях, неправильно интерпретирующим весь ход человеческой истории и извращающим саму логику общественно-исторического развития, фактически предавая дело великой борьбы рабочего класса за своё освобождение, Владимир Ильич... То-то и то-то.

Вместе с этим своей классической работой *(такой-то)* Владимир Ильич заложил незыблемые основы дальнейшего развития теории

(того-то), абсолютно верно объясняющей и доказывающей своё значение в правильном осмыслении происходящего, отражающей всю палитру и многогранность сложных и далеко неоднозначных, а потому неверно трактуемых меньшевиками и прочими ревизионистами насыщенных событий (таких-то). Эта, без сомнения, великая работа стала дальнейшим творческим развитием учения Маркса-Энгельса (о том-то), будучи привязанной к революционной действительности происходящих событий в России, как в самом слабом звене цепи капитализма, и являющейся революционным авангардом всего освободительного процесса уничтожения империалистического капитализма. Владимир Ильич ещё раз со всей убедительностью доказал, что...»

Не утомил, друзья? Я могу ещё долго в таком духе. Говорил я это, как и сейчас пишу, честное слово, из головы, для убедительности убрав левую руку с тетрадкой за спину, а правой рубя воздух. Произносил всё это не торопясь, сухо, чётко, твёрдо, достаточно громко, обдавая время от времени аудиторию и самого Софроныча горящим взглядом (девчонки в этот момент, говорят, любовались мной). Сам Михаил Николаевич в этот момент являл собой чувство «глубокого удовлетворения»: он разве что не урчал от удовольствия.

Но самое главное... Перечитайте ещё раз моё идеологически безупречное и умело исполненное «токование». По сути самой работы Ленина не сказано ни слова! А «отлично» у меня уже, считай, в кармане! Часто в тетрадке, спрятанной за спину, конспекта работы не было вообще, но у Софроныча ни разу (ни разу!) не появилось даже мысли проверить это, настолько я был убедителен!

Трудно ли мне было это делать? Отнюдь. Во-первых, я немножко артист по природе, во-вторых, с детства был напичкан этими фразами, звучавшими отовсюду. Да и в оконченной мною общеобразовательной казанской школе №90, что на Танкодроме, три года уже успел поработать в школьном комитете комсомола, заведую сектором печати. Ну, и, в-третьих, честно говоря, верил во всё это... Первый курс, первый семестр, знаете ли, идеологическая «девственность» пока не нарушена.

Кроме меня в группе мастерски «лить воду» по общественным дисциплинам умела Леночка Лихачёва. Она делала это в своём фирменном стиле. Однажды никто толком не был подготовлен. Оставалось же

всего минут 5-10 до конца занятия, и девчонки просили её вызваться добровольно.

Ленок долго вставала, перемещая какие-то вещи со стола на стул, потом приняла свою любимую многозначительную позу (а ходила она тогда в микровельветках коричневого цвета), затем затиснула руку в карман обтягивающих бёдра брюк и стала отвечать. Не помню, кто был преподаватель, но точно — мужского пола. Сначала он слушал её с интересом: надо же, молодец, начала обстоятельно, издалека, вот-вот подойдёт к сути. Но минуты таяли, а Ленок не только не приближалась, а скорее отдалялась от темы. Препод начал выдавать своё нетерпение мимикой и жестами, но пока достаточно корректно. Минутой спустя, к ним добавились телесные движения, затем он её прервал, попросив отвечать по сути. Ленок флегматично, ничуть не смутившись, обдала его своим знаменитым томным взглядом и... продолжила «лить воду» по второму кругу. И тут прозвучал звонок! Ленок не раз повторяла свой трюк и на других занятиях.

В конце первого семестра произошло событие, которое имело колоссальное значение как для страны и, в целом, будущего системы, так и моего личного мировосприятия: введение «ограниченного контингента» советских войск в Афганистан. На следующий день после обнародования решения партии и правительства об интернациональной помощи братскому соседнему государству в строительстве новой жизни, торжественный Софроныч посвятил этому факту минут пятнадцать лекции в нарушение темы. Он велеречиво поведал нам о том, что международный революционный процесс продолжается, что ещё одно государство, вставшее на некапиталистический, прогрессивный путь развития — тому подтверждение, и что Советский Союз просто обязан помочь в этом нашему южному соседу.

Как на это отреагировали мы, студенты, и вообще народ вокруг? Честно скажу — никак. Люди, насколько мне помнится, неопределённо пожимали плечами, мол, ввели войска — значит так и надо. Мы привыкли к тому, что наша страна постоянно кому-то помогала и в борьбе за свободу, и в строительстве «новой жизни» — видимо, очередь дошла и до Афганистана (такое хлёсткое и одновременно ёмкое по смыслу и символичности сокращение «Афган» появится немного позже). Но никто пока не догадывался, к каким последствиям это приведёт, и что

совсем скоро на долгие десять лет слово «Афган» станет настоящей страшилкой для всех матерей, имеющих сыновей призывного возраста. Мне до сих пор стыдно вспоминать про один факт, но, как говорится, из песни слов не выкинешь. После завершения той лекции Софроньча мы с одним однокурсником-генетиком, два юных «комдолбака», многозначительно пожали друг другу руки.

И вот семестр завершился. Предстоял экзамен по первой общественной дисциплине. Но накануне произошёл обидный казус: я «завалил» экзамен по высшей математике, в экзаменационную ведомость поставили «неуд», но зачётную книжку всё же не испоганили, оставив возможность пересдачи после завершения сессии. Последним как раз и был экзамен по истории партии. Я начал дополнительно заниматься с одним математиком, готовясь к пересдаче, и пустил на самотёк подготовку к истории КПСС: базис, думаю, для её сдачи заложен основательный, выплыву как-нибудь, главное — пересдача математики.

Однако многие запуганные студентки больше всего боялись именно Софроньча. Средний показатель бледности на лицах зашкаливал. Как сейчас вижу сцену: перед аудиторией кучкуются и нервничают студентки-однорупницы. Луиза Галямова в истеричном состоянии трясёт, как грушу, подругу Леру Бойко: «Лерка! Лерок! Я ничего не знаю! Понимаешь ты?! Не знаю я ничего! Лерка! Ничего!!! Лерка-а-а! Что дела-а-ать?!»

Спрашиваю:

— По какому поводу истерика?

— По какому поводу? — Луиза подняла на меня немного помутневшие от перевозбуждения глаза. — Ты-то, конечно, сдашь!

— И ты сдашь! Я тебе говорю!

Немного успокоившись, Луиза, часто дыша, присела, дав возможность Лерке поправить на себе одежду и немного уложить волосы на голове после интенсивной тряски.

Моя очередь заходить. Беру билет: анализ работы Ленина «Империализм — как высшая стадия капитализма» первым вопросом, и что-то про усиление борьбы пролетариата в 1905 году — вторым. Присев на сиденье, я стал изучать обстановку вокруг: никто из студенток не плакал, Ширшов пока не сдавал — это уже хорошо. Погода с утра

приятная: свежевыпавший снежок, солнышко, лёгкий морозец — это тоже хорошо. Экзамен проходил в аудитории на первом этаже, то есть Софронычу не пришлось подниматься по лестнице — и это хорошо. Сам историк в обычном настроении, ничего предвещающего непредвиденную ситуацию не угадывается. К тому же — последний экзамен, сессия, безусловно, надоела и преподавателям до чёртиков. Одним словом, прорвёмся.

Отвечала Розочка Ибрагимова, следующей готовилась Любочка Степанищева. И та, и другая всегда готовились к экзаменам на совесть, сессии сдавали хорошо. Но у обеих был недостаток: когда отвечали, то, волнуясь, тараторили, правда, всегда в тему. А Розочка ещё и красными пятнами шла. Я ей не раз говорил: «Роза, ты ведь нормально отвечаешь, но несчастный вид тебе вредит! Следи за собой». Но она ничего не могла с собой поделать, хотя при сдаче спецкурсов, когда форма подачи ответа не имела значения, излишнее волнение даже играло ей на руку. Преподаватели начинали подсознательно её жалеть, ведь самое главное, отвечает-то девочка хорошо, хоть и сильно волнуется.

А тут Софроныч, убеждённый в том, что настоящий студент-ленинец уверен в себе при любых обстоятельствах! Но Розочка и Любочка получили хорошие оценки. Думаю, и это тоже мне на руку: попробую сыграть на контрасте, тем более, здороваясь со мной, Софроныч даже еле заметно улыбнулся. Однако, упор, сделанный мной на заваленную незадолго до этого математику, помешал полноценно подготовиться к истории партии. Что ж, прорвёмся «на шару», как тогда многие выражались, — не впервой. А тут и мне пора садиться отвечать; между тем, уже готовились к ответу вошедшие за мной подружки — трепещущая Луиза с растрёпанной Лерой.

Отвечать впервые пришлось не стоя, как на семинарах, а сидя, пространство для махания руками было ограничено, поэтому я сразу продумал какой делать акцент: в такт самым веским словам несильно ударять ребром ладони по столу. Я стартовал:

— В фундаментальной программной классической бессмертной работе Владимира Ильича Ленина «Империализм — как высшая стадия капитализма» совершенно справедливо и аргументировано утверждаетс-я: империализм — действительно высшая стадия капитализма! Более

того, империализм — не только высшая, но и последняя (бум!) стадия капитализма! Со всей убедительностью и исторической прозорливостью Владимир Ильич показал также, что империализм — это не только высшая и последняя стадия капитализма, но и загнивающий (бум!), паразитический (бум!) капитализм! Владимир Ильич не устал повторять и неопровержимо доказывать, что империализм — канун (бум!) социалистической революции! Со всей силой и очевидностью утверждалась непререкаемая истина: рабочему классу — гегемону революции — нечего терять, кроме своих цепей (бум!), приобретёт же он весь мир (бум-бум!)! В канун

Петя и Пельше. «Народ и партия едины!»

социалистической революции, как никогда, актуален бессмертный лозунг Карла Маркса «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» (бум!) Классовая солидарность трудящихся всего мира и пролетарский интернационализм неизбежно приведут (бум!) к победе социализма и, в последующем, коммунизма во всём мире!!! (бум-бум!) Учение Маркса, Энгельса и Ленина всесильно, потому что оно верно! (бум!) На смену капиталистической общественно-экономической формации неизбежно придёт социалистическая общественно-экономическая формация (бум!)! Капиталистический, империалистический способ общественного производства с его хаосом (бум!), глубочайшим антагонизмом (бум!) между производительными силами и производственными отношениями, бесконечно повторяющимися кризисами (бум!) неизбежно будет заменён социалистическим плановым, лишённым антагонистических

противоречий способом общественного производства на благо всего общества (бум!)!

И тут я решил устроить Софронычу небольшую провокацию: он во время моего пламенного выступления сидел, привычно откинувшись на спинку стула, с полуприкрытыми глазами, часто кивая головой в такт моим ударам. И я добавил:

— Недаром капиталисты пробуют использовать элементы нашего планирования.

Благодушную истому Софроныча как рукой сняло. Он, очнувшись, мгновенно распахнул глаза.

— И что, это устраняет основные противоречия?

— Нет! Нет, конечно же!!! — я, отшатнувшись от него и раскинув в стороны руки, почти вскричал так, как будто хотел воскликнуть: «Вы что, в своём уме?!»

Моя гневная реакция на подобное еретическое предположение окончательно удовлетворила Софроныча, подведя черту под освещением первого вопроса билета.

Как вы заметили, по существу содержания самой работы Ленина я опять почти ни слова не сказал. Девчонки, кто сидел, готовясь к ответу, в аудитории, прервались и, как замороженные, наблюдали за разворачивающимся перед ними захватывающим действием. Даже из коридора чуть-чуть дверь приоткрыли: что там, внутри, за непонятные гулкие удары?

На второй вопрос про борьбу пролетариата я начал отвечать так: «Развитие революционной борьбы в 1905 году хорошо отражено в романе Горького «Мать». И начал пересказывать содержание романа. Но, поскольку роман был немаленьким, Софроныч, ещё не «остывший» от моего ответа на первый вопрос, потянулся за зачёткой — «отлично»...

Я, выйдя из аудитории после экзамена, обычно никогда сразу не уходил, как бы пытаясь отдышаться. Безусловно, любой экзамен — это, в первую очередь, психологическая дуэль с экзаменатором. И хорошая, тем более, отличная оценка всегда воспринимается маленькой победой. Осознание этого светлого чувства особенно приятно в контрастном сочетании с завистливыми взглядами ещё не сдававших. Заваливших, не сдавших экзамен, конечно же, было жаль, даже некоторую долю вины

испытываешь перед ними за свой успех. Но, как говорится, каждому — своё, ничего не поделаешь. Я и сам чуть больше недели назад выползал из аудитории совершенно раздавленный «неудом» по математике, будь она неладна.

Пока я «отсыхал», из аудитории выскочили одна за другой счастливые Лера Бойко и Луиза Галямова с хорошими оценками и сразу же кинулись меня обнимать: «Ты — молодец! Софроныч после тебя был такой довольный и нас не мучил! Спасибо тебе!» Пожалуйста!

После успешной сдачи экзаменов (математику я пересдал на «хорошо») спокойная жизнь на семинарах по истории партии мне была гарантирована на оба семестра, оставшихся до завершения полного курса её изучения. Правда, я уже не с таким остервенением блистал очами при ответах, перейдя как бы в более спокойное осмысление насыщенной истории партии Ленина. А на втором курсе был избран в комитет комсомола биофака, что, смею надеяться, возвысило меня в глазах Софроныча.

3

И вот на смену курсу истории КПСС пришла МЛФ, точнее, марксистско-ленинская философия. Разница между ней и просто философией, как таковой, есть и весьма значительная. На то она и «марксистско-ленинская».

Основой МЛФ, разбитой на два курса материализма — диалектического (диамата) и исторического (истмата), являлись работы Маркса по дальнейшему развитию теории диалектики Гегеля, распространяющей свои законы на материальный мир, «Антидюринг» Энгельса и «Материализм и эмпириокритицизм» Ленина.

В начале, когда шла классическая философия, было интересно: универсальные законы — отрицания отрицания, перехода количественных изменений в качественные и так далее. Но потом начался плавный загиб в сторону обоснования неизбежности победы коммунизма и уже знакомое по истории партии притягивание «за уши» всего внушительного здания мировой философской науки, начиная с Аристотеля и Сократа, к делу священной борьбы пролетариата за своё освобождение.

Лекции по МЛФ читала немного странноватая преподавательница, выпускница, между прочим, биофака, а не истфака, монотонно бубнящая с кафедры и всегда смотревшая в сторону, а не на аудиторию. Как её звали, каюсь, запамятовал, — будем звать её «философией». Хорошо помню, что она была большой подругой жены нашего декана Анатолия Ивановича, матери Нины Голубевой, о чём последняя поспешила передо мной похвастаться. Поэтому на лекции и семинары Нинок почти не ходила, а на мою реплику, дескать, получишь «неуд», с ухмылкой ответила: «Пусть только попробует!»

Однако мне ходить и на лекции, и на семинары полагалось — заступаться за меня было некому. Ни шатко, ни валко проскочил второй семестр второго курса. Пламенные речи перед «философией» не «прокатывали», наоборот, требовалось изображать вдумчивое, неспешное философское осмысления бытия. Зато постоянные заклинания про «ленинский университет» почти полностью прекратились. В философии меня всегда «убивала» несколько искусственная, на мой взгляд, заумная игра понятиями и специфическими терминами. Впрочем, со временем, как и по истории партии, я научился лить философскоподобную воду, глубокомысленно вздыхая и хрестоматийно поправляя очёчки.

На экзамен по диамату я вызвался идти первым. Привычно журча философской «водой», вдруг ловлю себя на мысли: и не надоедает же несчастной «философии» из года в год слушать околonaучный студенческий бред! Но она неподвижно сидела, привычно глядя в сторону, не выказывая никаких эмоций — видимо, профессиональный навык. Но вдруг прервала меня монотонно заданным вопросом: «Каково значение диалектического материализма для всех общественных наук?»

Что тут ответишь? Большое! Однако просто так ответа не дашь, поэтому опять пришлось начинать блять что-то про гениальную прозорливость классиков марксизма-ленинизма, додумавшихся распространить законы диалектики на процесс познания материального мира. «Философия», подняв на меня глаза, повторила свой вопрос, чуть его переиначив: «И всё-таки, что даёт диалектический материализм для развития всех общественных наук?»

Блин, вот привязалась! Ну, что даёт, что даёт? Много чего даёт! Даже очень! И я опять начал говорить, явственно понимая, что «философия» хочет услышать от меня какое-то ключевое слово, черт бы

его побрал! Минуты через три моего словесного «поноса» она опять меня прервала: «Методологию! Методологический аспект для любой науки!»

Фу, ты, господи! Вот ведь где, оказывается, собака зарыта! Ну, как я мог не вспомнить про «методологию» и вытекающий из неё «универсальный гносеологический аспект познания любого явления»? Хлопнув себя по лбу, мол, как же можно было призабыть об этом, я уже открыл было рот, чтоб подхватить и всячески развить глубочайшую мысль, но «философия», нарисовав в зачётке «хорошо» и поблагодарив за ответ, пригласила следующего мытаря, точнее, мытаршу. И это была единственная моя не отличная оценка по общественным дисциплинам. Остаётся добавить, что профилинившая весь курс МЛФ Нинок Голубева, получила «столько же»: «ах, мама-мама, как же ты была права!».

Исторический материализм, где собственно истории, а следовательно, и разглагольствований за теорию классовой борьбы было намного больше, не оставил в памяти ничего, кроме всё той же бесконечной заумной болтологии.

Это был уже третий курс, подаривший, помимо начавшейся после завершения МЛФ политэкономии капитализма изучение ещё двух незабываемых предметов: «Научного атеизма» и «Дарвинизма».

Курс политэкономии капитализма, как выяснилось позднее, оказался наиболее полезным для меня, ибо, начиная с девяностых годов, я стал заниматься предпринимательской деятельностью. Теоретические познания про циклы производства — простого и расширенного, оборота капитала, товар—деньги—товар, учение о прибавочной стоимости, всего лишь через десять с небольшим лет наполнились практическим смыслом. Но кто б мог тогда об этом подумать! Правда, позднее прибавочная стоимость, созданная наёмным трудом, стала присваиваться мной и моим компаньоном, как владельцами первоначального капитала. Это, согласно теории Маркса, недвусмысленно относило нас в разряд представителей «эксплуататорского» класса капиталистов. А сам факт осуществления нами найма рабочей силы с целью извлечения этой самой прибавочной стоимости трактовался апологетами классовых битв, как почти «смертный» грех. Вот такой парадоксальный исторический «регресс»! Хотя чего парадоксального? Веление времени.

Тем не менее, «Капитал» Маркса я считаю самым дельным трудом из всего, что нам пришлось изучать. Там хотя бы всё логично и понятно. Недаром мировой общественной наукой, даже спустя многие десятилетия, «Капитал» считается самым значимым творением Маркса. Всё остальное, созданное им, согласитесь, было накрепко привязано к той конкретной, давно прошедшей исторической обстановке. Мир безвозвратно изменился, и с его изменением политические взгляды и вытекающие из них суждения герра Карла превратились в историческую статистику, несмотря на потуги некоторых «товарищей» упорно проецировать их во всемирно-историческом масштабе. Призрак коммунизма, бродивший по Европе, сегодня почти полностью растворился, материализовавшись в горстку маргиналов и трепачей. Даже Геннадий Зюганов стесняется говорить «за коммунизм» — сегодня этого уже никто не поймёт, а если и поймут, то совершенно неправильно.

Лекции по политэкономии читал забавный старичок по фамилии Железнов, никогда не снимавший в помещении берета. Видно было, насколько он любил политэкономия капитализма, и как равнодушно относился к политэкономии социализма. Даже оговорился как-то, что политэкономия социализма — это наука, которой, вообще-то, не существует. Правда, тут же исправился: она, мол, пока ещё, «м-м-м, э-э-э», в стадии становления и развития (это на седьмом-то десятке лет «торжества» идей социализма!). Оч-чень интересный кулбит! Зато на экзамене по «соцполитэку» ставил всем только хорошие и отличные оценки.

Неожиданно интересной дисциплиной оказался «Научный атеизм». Впрочем, от собственно атеизма там были только довольно слабо аргументированные и, честно признаюсь, не сильно навязываемые доказательства отсутствия жития и бытия Божия. Это, видимо, из-за того, что к нам на факультет не «забрeдал» главный университетский богохульник, доцент кафедры научного атеизма по фамилии Комаров — духовный внук председателя «Массолита» Берлиоза, погибшего на Патриарших прудах под колёсами знаменитого булгаковского трамвая. Как и Берлиоз, Комаров «крыл» все религии без разбора. Ну, да Бог ему судья, тем более, что пламенные атеисты нередко в случае смены общественного строя или просто «перемены ветра» быстро становятся

рассудительными богословами. Сколько бывших комсомольских вожаков ныне под рясами!

Зато удалось получить много конкретных систематизированных знаний по мировым религиям, ведь познавательной литературы, сжато излагающей суть и структуру основных вероисповеданий, тогда практически не было. И если бы не регулярная апелляция к навязываемой, проходящей красной нитью через весь курс, аксиоме с общим смыслом «Бога нет», то этот предмет можно было бы смело именовать «Основами религий».

«Дарвинизм»! Сперва я думал, что основу этого предмета составит подробное описание путешествия Чарльза Дарвина на легендарной шхуне «Бигль» (так, кстати, называлась наша факультетская стенгазета) и глубокое осмысление открытого им видового разнообразия галапагосских вьюрков*. Но это прозвучало как-то всеу, мимоходом и в самом начале.

Вёл курс доцент кафедры генетики Михаил Стекольщиков — пенсионер довольно адекватный, но не без своих капризов: он тоже мог за что-нибудь невзлюбить студента со всеми вытекающими отсюда последствиями. Андрюше Ширшову, помню, опять не повезло — ну не любили пожилые преподаватели старой закалки нестандартных, колоритных, экзотичных студентов. Зато хоть одним «раздражителем» для «Стекла» (такое у него «погоняло» было среди студентов) стало меньше: густую длинную гриву Андрею пришлось состричь из-за требований преподавателей военной кафедры.

Про Стекло говорили на факультете разное, но самое интересное, что в пятидесятых годах, в пору разгула лысенковщины и травли генетиков, или вейсманистов-морганистов, как их тогда называли, самым «отъявленным» лысенковцем университета был именно он. Стекло слыл главным защитником мичуринского, советского, «истинно материалистического» понимания биологической науки. Но, когда схлынула пена лысенковщины, он преспокойно стал препо-

* Будучи во время кругосветного путешествия на шхуне "Бигль" ("Ищейка") на островах Галапагосского архипелага, Чарльз Дарвин обратил внимание на удивительнейшее видовое разнообразие вьюрков — буквально свой подвид птицы (чуть больше воробья) на каждом относительно маленьком острове (разные формы клювов и т.д.). Это впервые натолкнуло его на мысль о чрезвычайной видовой изменчивости под воздействием различных условий, закреплении новых признаков и, в итоге, о естественном отборе, как движущей силе эволюции.

давателем кафедры генетики — «продажной девки империализма» согласно терминологии того разнузданного для биологической науки времени.

Генетики во всём мире несколько снисходительно, как известно, относятся к дарвинской эволюционной теории происхождения видов. Мои однокурсники с кафедры генетики тоже высокомерно посматривали на всех тех, кто, не поднимая головы, строчил в тетради, внимая речи Стекла. Наиболее одиозные представители его негласных оппонентов демонстративно ничего не писали на лекциях «дарвиниста». А в перерывах между занятиями, многозначительно рассуждали, красуясь перед негенетиками, о резерве мутаций организма, молчащих генах, интронах и так далее.

Стекло на своих семинарах обожал также рассказывать про то, как в героических тридцатых годах он с группой молодых активистов-односельчан создавал комсомольскую ячейку в родной деревне, или про какие-то секты — одним словом, всё это имело такое же отношение к дарвинизму, как учение незабвенного Трофима Денисовича Лысенко к генетике. Недаром, один из студентов-генетиков написал по завершению курса этого предмета едкую эпиграмму: «Был научный дарвинизм — стал Стекланный онанизм».

Да, чуть не забыл! Военная кафедра или «военка», как мы её называли! Она, родная, располагалась в ту пору на впоследствии «срезанных» третьем и четвёртом этажах краеведческого музея, что напротив Спасской башни кремля, и достойна отдельного пера! Но речь в этой главе идёт только об общественных науках. А какие науки могут быть на «военке», кроме, разумеется, главной — науки побеждать! На том же насыщенном событиями третьем курсе была одна дисциплинка, которую можно было бы здесь упомянуть: ППР — «партийно-политическая работа», ведь мы, как будущие офицеры запаса, должны, в идеале, уметь вести и её. Честно говоря, сам предмет «ППР» ничего, ну ничегошеньки в памяти у меня не оставил. Промеж себя мы, студенты военной кафедры, расшифровывали аббревиатуру ППР так — «посидели, по...ли, разошлись».

В памяти остался только преподаватель, который, помимо ППР, вёл также у нас и военную историю — полковник Салов, старенький, седой отставной военный. Запомнился он всего двумя выступлениями. Как,

*На военке. Крайний слева - Даник Мартиросян,
второй справа - Рустем Хайрутдинов*

немного напоминая Софроныча, смачно пенял на уроке тогдашнему президенту США Рейгану: «Он говорит, что у него есть дела поважнее мира! А что (тут он резко сдёрнул с носа очки, чего, впрочем, Софроныч никогда не делал) может быть важнее мира?! И хочется сказать ему по-нашенски, «по-лётчески»: да как же вы дошли до жизни такой, сук-к-кины сыны!!!» И, мгновенно успокаиваясь, переходил дальше: «Следующая тема урока». Или кричал, подводя итог очередной теме, резко выкинув вверх обе руки, в адрес ФРГ: «Да сгорит эта Западная Германия, как свеча! В течение десяти минут!» И так же спокойно продолжал: «Следующая тема урока».

4

«Экваторный» третий курс запомнился мне также появлением на биофаке первых иностранных студентов. Их было пятеро: Чонг Киль Ун и Ли Кым Хэк из КНДР, а также Нильс Дебус, Аннет Фекете и Бетина Либетанц из ГДР. Почему я запомнил их имена? От имени факультета

тетского комитета комсомола мне поручили их проинтервьюировать для стенгазеты «Бигль». Сперва я направился к немцам, но девчонок в их комнате не оказалось, а Нильс, угостив меня чаем, заверил, что я могу не беспокоиться, и завтра ровно в 12-00 нужный материал будет в комитете комсомола. Я согласился. Мы немножко поболтали о том, о сём, и я, уходя, спросил его:

— Ну, как тебе вообще здесь?

Нильс, секунду помолчав, немного сморщил лоб и, кашлянув, дипломатично ответил:

— Я думаю, я ещё привыкну, освоюсь.

Забегая вперёд, скажу — он не только полностью освоился, но и почти натурализовался, увлёкшись самодеятельной авторской песней, спортивным туризмом и побывав, благодаря этому, во многих местах нашей страны. Нильс сумел прочувствовать и понять всю глубину души и искренность наших людей, не заикливаясь на внешней окружающей картинке и не делая из неё далеко идущих выводов. Научился, как говорится, «отделять зёрна от плевел», философски отсекая негатив, неизбежно и нередко выплывающий в различных ситуациях.

Он научился ставить духовное выше материального, читать между строк и видеть «за кадром», отрешаться от официальной трескотни и ценить то сокровенно-трепетное и глубоко затаённое в душах подавляющего большинства людей, что создавало истинную общность и духовность советского народа. Именно то, что помогало нам всё правильно понимать, не унывать и радоваться жизни. Не исчезло ли это в нас навсегда? Нильсу удалось, верно подобрав нужный камертон, получить настоящее наслаждение от общего позитивного звучания нашего времени, столь зачастую незаслуженно сегодня критикуемого.

Добавить к этому дух студенческого братства, особенно зримо проявляемого в общежитиях, радость юношеских взаимоотношений, отличающихся искренностью и романтизмом... Было особенно приятно, когда Дебус встречал меня в универе и, широко улыбаясь, приветствовал неизменной «ловлей краба» и фирменным: «Питег, здогово!», демонстрируя свой неистребимый берлинский акцент.

А у Аннет Фекете («фекете» — по-венгерски «чёрный», её отец, как выяснилось позже, был венгром) вообще случилась большая любовь

с Рустемом Хайрутдиновым, «Рустом», как мы его звали, ставшим нашим одноклассником с четвёртого курса после его выхода из академического отпуска. Руст, будучи главным туристом биофака, поэтом и автором многих песен, вскоре приучил обеих немок, Аннет и Бетину, к туризму: приглашал их на турслеты в «мухотундре» или на Казанке, таскал с собой по марийским лесам, или «в Марийку», как мы выражались, — вотчину казанских туристов. «Маделс» (девчата, по-немецки) быстро освоили основные туристские навыки, пройдя тернистый путь от трогательно-беспомощных «чайниц» до туристок средней руки, чего в Германии достичь было бы весьма проблематично. Они, как и Нильс, влюбились в самодеятельную бардовскую песню под гитару, нередко вслух недоумевая: «Майн готт, сколько у вас чудесных песен! Но почему по радио звучит одна ерунда?!»

Позже мне рассказывали, что Нильс Дебус, окончив университет и вернувшись домой, все отпуска проводил только в СССР, как правило, в походах, заранее списавшись с друзьями и совместив сроки отпусков. Вздыхая, он не раз говорил: «В Германии невозможно представить себе такие отношения между людьми, немцы держат друг друга на расстоянии и в душу к себе не пускают никого».

Рассуждая несколько шире, выражу собственное мнение, которое я никому не собираюсь навязывать. Историческая общность интеллектуально-духовного пространства создаёт общую ментальность, казалось бы, совершенно разных по происхождению народов. Не побоюсь утверждать, что русские и татары, несмотря ни на что, стали по-настоящему братскими народами, что бы мне ни говорили. Общие взаимосвязь, мировосприятие и менталитет — великие вещи. Ведь, как ни крути, но вроде бы славяне — поляки, например, или даже сербы — ментально намного дальше от русских, чем татары, равно как и киргизы или туркмены, от татар, по сравнению с русскими.

Самое парадоксальное — и Нильс не скрывал этого — вернувшись в Германию, он отчётливо почувствовал, что его родина стала ему несколько чуждой именно ментально. И чем больше проходило времени с момента возвращения, тем острее становилось новое чувство. Как ни банально прозвучит, Нильс, наверное, постиг смысл тютчевской цитаты «умом Россию не понять...». Скажу больше, подобное понимание, пусть даже частичное, приводит любого иностранца, а Дебус, к счастью,

в этом не исключение, к тому, что человек навсегда утрачивает двухцветное восприятие окружающего мира. Ведь не всегда «грязно», там, где грязь, как и далеко не всегда «чисто», когда кругом чистота. И я не удивлюсь, если узнаю, что Нильс сейчас живёт в России, учитывая, что восточным немцам с советскими дипломами ой, как несладко в нынешней объединённой, такой правильной, такой демократичной Германии...

А вот с интервьюируемыми северокаорейскими «товарищами», присланными учиться на кафедру генетики, было намного сложнее. И хорошо, что поначалу их оказалось только двое. Помогло то, что я, представившись заместителем секретаря комитета комсомола по агитации и пропаганде, был воспринят ими хоть и небольшим, но всё же начальником, что существенно стимулировало их общение со мной. Русский они знали намного хуже немцев.

Чонг Киль Ун и Ли Кым Хэк поначалу очень настороженно ко всему относились, в их глазах угадывалась какая-то постоянная тревога, они почти не улыбались и были подчеркнута серьёзными. Тем более, они недовольно, с обидой в голосе поведали мне, что им позволено появляться не во всех районах города.

Когда я объяснил цель своего визита, они что-то долго обсуждали, потом один из них подсел ко мне с огромным, шикарно изданным фотоальбомом на русском языке под названием «Гора Пэкту». Нет, это был не сборник горных пейзажей: в горных лесах Пэкту «великий вождь и учитель, ясное солнышко и светоч разума» Ким Ир Сен поднял на священную антияпонскую борьбу весь корейский народ. Здесь он начал создавать непобедимую Корейскую народно-освободительную армию, самую прогрессивную в мире Трудовую партию Кореи (ТПК), а также разработал первые положения бессмертного великого учения «чучхе» — опора на собственные силы.

С портрета «любимого учителя и великого полководца» во весь рост и с перечисления всех мыслимых и немыслимых восторгов в его адрес и начиналась эта книга. Далее шла общая фотография членов Центрального комитета ТПК с их поимённым перечислением. Что меня изумило и умилило одновременно — под фотографиями, перед именем каждого члена ЦК стоял определённый эпитет. Например, «лучезарный» такой-то, «радушный» такой-то, «несгибаемый» такой-то

и так далее — корейский язык, как и русский, видимо, лексически очень богат. Но что меня просто сразило: каждый эпитет был именным! Например, произносится «лучезарный», без конкретного имени — и каждый северный (про южных не скажу — не в курсе) кореец прекрасно знает, о ком идёт речь.

Безусловно, я из вежливости стал смотреть эту книгу, Ли Кым Хэк, словно пятилетнему корейскому ребёнку, всё очень обстоятельно объяснял — я одобрительно мычал и кивал головой. Однако книга была о-очень большой, и, когда мы дошли до середины, я осторожно, но твёрдо напомнил им о цели своего визита — взять интервью для стенгазеты. Тем более, основной смысл демонстрации мне этой книги стал ясен уже страниц через десять: корейский народ — самый героический в мире, Трудовая партия Кореи — самая прогрессивная, а Ким Ир Сен, соответственно, — самый мудрый человек на Земле.

Гордые представители «самой» негибимой в мире страны опять начали что-то обсуждать, по-корейски, разумеется. Ли Кым Хэк (он, видимо, был за старшего), задал несколько неожиданный для меня вопрос:

— А что ты хочешь услышать?

— Ну, — отвечаю, — как что? Кто вы, откуда, какую окончили школу, как оказались в Советском Союзе, почему попали именно в Казанский университет, каковы ваши первые впечатления — короче говоря, всё, что может быть интересно студентам, ведь теперь вы — одни из нас! Понятно говорю?

Они опять принялись что-то между собой выяснять. Наконец Ли Кым Хэк обратился ко мне:

— Давай!

— Давай! — обрадовался я.

В ответ он замолчал, сверля меня своими раскосыми чёрными глазами. Я понял, что, видимо, пора задавать какие-то конкретные вопросы.

— Где, — спрашиваю, — ты родился?

— В Пхеньяне.

— Замечательно. А кто твой отец?

— Рабочий.

— Прекрасно. Сколько у вас детей в семье?

— Семеро.

— Чудесно. Школа, которую ты заканчивал, носит имя Ким Ир Сена?
— Носит.

— Великолепно. Так и запишем: «Я родился в столице нашей страны Пхеньяне в большой дружной семье рабочего. Школа, которую я закончил, носит имя великого вождя и учителя корейского народа Ким Ир Сена». Годится? — предложил я, отчётливо понимая, что при таком раскладе моих сил надолго не хватит.

— Всего корейского народа! — акцентировал Ли Кым Хэк, резко вскинув вверх указательный палец.

— Хорошо-хорошо, «всего корейского народа», — согласился я.

После чего, хмыкнув себе под нос, Ли Кым Хэк опять начал о чём-то рядиться с Чонг Киль Уном. Вскоре я услышал их вердикт:

— У нас так не писут.

— А как, гм-гм, у вас, извините, «писут»?! — подчёркнуто отчётливо спросил я, чувствуя, что начинаю терять самообладание.

Они опять стали держать совет.

— Короче! — бесцеремонно прервал я непонятный для меня диспут. — Вот вам бумага, вот — ручка, пишите, как принято у вас, я через час приду — будем переводить! Ясно?!

— Хоросо-хоросо, — ответил Ли Кым Хэк, сбавив тон. Он почувствовал моё раздражение, а, поскольку я всё-таки был «насяльник», понял, что нужно выполнять моё распоряжение. Понятия о субординации у них были железобетонные.

«Вот ведь, блин, заколебали! Надо было мне раньше на них рывкнуть!» — подумал я, выходя из их комнаты и чуть не бабахнув от злости дверью.

Через часок я вновь постучал к ним в дверь.

— Ну, что, готово?

— Готово. — Ли Кым Хэк, протянул листочек, испещрённый немыслимыми закорючками.

В это время в комнату пришёл третий жилец — Радик Салихзянов, высоченный нехилый первокурсник. Во время исполнения мною художественного перевода с корейского он лежал на кровати и тайком слушал наши потуги, время от времени неслышно сотрясаясь от смеха и накрывая лицо тетрадкой. Почему он столь старательно скрывал свои эмоции, я узнал позднее.

Процесс авторизованного перевода состоял в следующем: я предлагал пять-шесть вариантов перевода каждого предложения, а северо-корейские товарищи после недолгого консилиума выбирали наиболее, по их мнению, точный. Ещё часа через три стало казаться, что корейский мной освоен свободно — сон в ту ночь явился мне на этом колоритном гортанном языке. По окончании «интервью» они написали мне на память корейский алфавит, объяснили слоговую, идеографическую (не иероглифическую!) систему построения корейского письма, научили писать моё имя и фамилию по-корейски.

И вот, наконец, вышел долгожданный «Бигль» с интервью первых на биофаке иностранных студентов. Нильс Дебус не подвёл — их заметка появилась вовремя. Они написали скупое, точно и очень просто, по существу, русским ещё свободно не владели. А рядом... Рядом с их довольно примитивным текстом красовался давший мне потом и кровью текст северо-корейцев. Но, поскольку русский язык я всё-таки знал лучше немцев, «корейский» текст по звучанию и содержанию ярко контрастировал с «немецким» в лучшую сторону.

Студенты, с интересом читавшие статьи иностранцев, с восхищением констатировали: «Да-а, насколько корейцы лучше владеют русским, по сравнению с немцами!», так как обе заметки были подписаны их именами. Однако немногие, уже успевшие пообщаться с приверженцами великого учения «чучхе» вживую, недоумевали: надо же, насколько они умеют концентрироваться именно при написании, бывает же так! Молодцы! Написано-то просто безупречно! Но я помалкивал — пусть говорят.

С тех пор, случайно встречаясь со мной в универе, корейцы (они везде ходили вдвоём) останавливались и самым обстоятельным образом докладывали о своих делах: как успевают, какие оценки получены. Словом, скрупулёзно отчитывались перед «насяльником» — я не возражал, ради Бога.

Каждый раз я подмечал в них что-то новое: на лицах появились улыбки, изменилась походка, манера говорить, во всё более уверенной речи стали проскакивать нестандартные образные обороты, а то и студенческий сленг. И вдруг как-то слышу хохот — оборачиваюсь, вижу: мои «чучхеисты» совершенно непринуждённо болтают со своими однокурсниками, с кем-то из только что подошедших, приветствуя

друг друга, «поймали краба», кого-то хлопнули по плечу. Ну, думаю, процесс пошёл (пока без кавычек, так как знаменитого политического деятеля, обессмертившего последние два слова, тогда знали только на Ставрополье).

Позже мне рассказали забавную историю, как на чьём-то дне рождения в общаге, куда также были приглашены корейцы, кому-то взбрело в голову исполнить дурашливую, популярную некогда песенку про китайцев, подхваченную другими гостями:

*Солнце восходит над речкой Хуанхэ,
Китайцы идут на поля.
Горсточка риса и Мао портрет –
Вот и вся ноша моя!*

Припев: уня-уня-у-ня-ня...

*Солнце заходит за речку Хуанхэ,
Китайцы идут домой.
Горсточка риса уж съедена давно,
Лишь Мао любимый со мной!*

Припев.

*Солнце зашло уж за речку Хуанхэ,
Китайцы давно уже спят,
Только их детишки, сидя на горшке,
Цитатниками Мао шелестят.*

Наследники идей чучхе и славных традиций антияпонской борьбы её не поняли, тем более, пелось как бы на китайский манер: речка — «речка», горсточка — «горстацка», ноша — «носа». Лишь чуть напряглись, услышав и пытаясь понять, причём тут знакомые слова «Мао» и «Хуанхэ».

И тут неистребимый выдумщик Айдар Аюпов выдал экспромт:

*Солнце зашло за общагу номер раз,
Студенты давно уже спят.*

*Только Чонг Киль Ун и Ли Кым Хэк
Цитатой Ким Ир Сена шелестят!*

Услышав святое для всех северных корейцев имя Ким Ир Сена, друзья-чучхеисты перестали улыбаться, потребовав от Айдара подробней объяснить смысл не совсем понятой ими песенки. Все гости немного насторожились: обида могла вспыхнуть смертельная.

Однако никогда не унывающий, находчивый Аюпов, не моргнув глазом, выдал:

— Ну, что тут непонятного? Солнце село, все студенты нашего общежития легли спать, только вы не спите, изучаете труды великого полководца Ким Ир Сена! Ясно?

— А-а! Понятно! Да-а, хорошо, хорошо! — Счастливые улыбки вновь вернулись на лица чувствительных корейцев. Именинник и гости, догадавшись не рассмеяться, облегчённо вздохнули, и веселье покатило дальше.

Тот же Аюпов рассказывал, как на другой вечеринке бедные Чонг и Ли не угнались за нашими разгильдяями в выпивке («литрболисты» из них никакие) и мертвецки «отрубались»: Чонг Киль Ун валялся поперёк чьей-то кровати, тихонечко постанывая в тяжёлом хмельном забытии, а Ли Кым Хэк дрых, сидя за столом и уронив голову на руки. Они остались одни в комнате: все ушли на дискотеку в красный уголок общежития. Айдар вошёл и что-то случайно уронил.

Ли, мотая головой, обдал его мутным страдальческим взглядом.

— Ты трезвый?

— Трезвый, — пожал плечами Аюпов.

— Тогда пошёл на х... отсюда! — И в дупель пьяный кореец вновь уронил голову на руки.

Одним словом, студенты братской Северной Кореи стали всё меньше и меньше отличаться от других наших студентов, как, впрочем, и немцы.

Но следует заметить, что приснопамятный лидер ГДР Эрик Хонеккер занимал в сердцах и умах студентов-немцев космически меньшее место по сравнению с лидером КНДР у студентов-корейцев. На занятия в университет они ходили с одинаковыми большими значками с изображением основоположника чучхе, на полках в комнате общаги

на самом видном месте стояли его труды, которые они действительно почитывали, а тумбочку между их кроватями украшал бронзовый бюст «великого полководца».

Их сосед Радик Салихзянов, сперва обрадовавшийся тому, что жильцов в комнате будет только трое (обычно первокурсников селили по пятеро), позже жаловался, что корейцы его часто достают своей непонятной подозрительностью, излишней строгостью, крайней обидчивостью и каким-то элементарным житейским «недотумкиванием». Тем более, ему сперва было интересно узнать их видение мира, но те, всегда всерьёз воспринимая любую идеологически выдержанную беседу, очень примитивно трактовали события мировой истории, и всё, абсолютно всё, подводили к главному, в их понимании, событию в истории человечества — рождению и деятельности Ким Ир Сена. Он был для них живым божеством. Конечно, Чонг и Ли не могли не осознавать скудость своих миссионерских потуг, но, видимо, какие-то установки они в своём посольстве получали, а потому Радик казался им вполне «по зубам».

Добавить к этому постоянный специфический запах в комнате от их присутствия, а уж когда северокорейцы, не понимая истинного назначения удобной эмалированной посуды с крышкой и большой ручкой, варили на кухне общаги рис в ночном горшке (чистом) — это стало факультетским анекдотом.

Сильно задел за живое Салихзянова один случай. Как-то раз он, в отсутствие корейцев, решил убраться в комнате. Мурлыкая себе что-то под нос, Радик вытирал пыль на их тумбочке, приподняв бюст Ким Ир Сена. В этот момент нелёгкая занесла корейцев в комнату. Увидев бюст «божества» в руках Салихзянова, они подскочили к нему, а Ли Кым Хэк, с силой вырвав священный образ, возопил, округлив глаза:

— Оставь и никогда больше не трогай!!!

Радик опешил:

— Ты чего, упал что ли — я ж пыль вытираю!

— Всё равно, никогда даже не прикасайся к Нему!

Радик затаил злобу. И вот однажды он заметил в кипе журналов немного помятую обложку с изображением Ленина. Салихзянов вырвал её, принёс в комнату и, разгладив руками, прикрепил над своей

кроватью. Лёг, закурил и стал дожидаться прихода высоко идейных соседей. Когда те вошли в комнату, он громогласно изрёк:

— Слышите, вы! Видите этот портрет? Тронете — убью!!!

Корейцы молча пожали плечами, никак не отреагировав на провокационный тон и угрозу Радика — их лица даже немного посветлели: наконец-то и у этого, в их представлении, балбеса и пустомели появилось что-то святое.

Разок, кстати, и мне пришлось на них обидеться. Как-то, сразу после их первой зимней сессии, я, встретив Чонга и Ли, спросил:

— Ну, друзья, как сдали сессию?

— Хорошо!

— А что по истории КПСС получили? — поинтересовался я, ожидая услышать «отлично», будучи уверенным: иных оценок у выходцев из страны, где изучению общественных дисциплин придают решающее значение, быть попросту не может. Но в ответ услышал банальное:

— Четвёрки.

— А чего не пятёрки-то?

— А нам это не нужно!

Как это «вам не нужно»?! Вы что, какое-то непонятное учение вашего Кима ставите выше изучения истории партии великого Ленина — основателя первого в мире государства рабочих и крестьян, уничтожившего классовые антагонистические противоречия в обществе и заложившего основы подлинной социальной справедливости? Создателя большевистской коммунистической партии — боевого авангарда пролетариата, самого революционного класса на земле? Вы же, едрик вашу, тоже иногда кличете себя коммунистами! А?!

И потом. Ваш Ким Ир Сен родился всего-то в 1912 году, когда Ленин уже был признанным вождём мирового пролетариата, за его плечами были и ссылки, и тюрьмы, и изгнания, и первая революция! Да ваш Ким «пешком под стол ходил», когда Ленин осуществил Великую Октябрьскую Социалистическую Революцию, когда исторический залп «Авроры» возвестил всему угнетённому миру о начале новой эры в истории всего человечества, в том числе, и вашей революционной истории!

Весь этот поток моего «революционного» сознания мгновенно пронёсся в голове. Я раскраснелся от негодования и уже открыл, было, рот, но в последний момент остановил себя. Ладно, думаю, «живите».

Во-первых, не хотелось подпадать под «синдром Салихзянова». Вторых, подобная отповедь, несомненно, корейцев страшно бы обидела и уничтожила мои с ними добрые отношения, заработанные столь тяжким трудом, а я, член комитета комсомола, должен был быть выше этого. В-третьих, «хорошо» — это всё же не «удовлетворительно», ведь даже мой друг Ширишов отхватил, в своё время, трояк.

И, в-четвёртых, самое главное. Впереди ещё четыре с половиной года их учёбы в универе, продолжение курса истории партии и других общественных наук — будем работать с ними дальше. Я же видел, как буквально на моих глазах они меняются в нужную сторону, хотя и с небольшими периодическими отклонениями. Но ничего: жизнь полноценна во всех своих проявлениях. Будем следить за развитием ситуации. Время поправит.

Правда, по окончании первого курса, верные последователи теории чучхе расстались с Радиком Салихзяновым. Последней каплей, переполнившей чашу терпения обеих сторон, стала очередная ссора, завершившаяся гневным выпадом Ли Кым Хэка в адрес Радика:

— Если б ты был моим другом, я б тебя убил!

Радик медленно встал во весь свой огромный рост — воинственный кореец оказался чуть выше его живота.

— Попробуй!

Результатом этой стычки стали два заявления от Радика и самих корейцев в деканат с просьбой о расселении корейско-татарского коллектива комнаты, не сумевшего разделить высокие идеалы интернациональной дружбы.

5

Но как же я заблуждался в своих надеждах, что «время поправит»!

Причина неисполнения моих надежд — появление в следующем учебном году на биофаке еще семерых северокорейских студентов во главе с новым лидером их «общинки» — студентом Рим Мен Чхолом.

Как я там сказал про Лигачева? «Торквемада»? Нет, товарищи дорогие, до этого «высокого» звания престарелому Егору Кузьмичу,

как до Луны пешком. Знаменитый безжалостный испанский инквизитор Торквемада — это и есть Рим Мен Чхол, и наоборот, Рим Мен Чхол — Торквемада настоящий. Надо было видеть его лицо: каких-либо эмоций на нём я не замечал в принципе: плотно сомкнутые челюсти, тяжёлый свинцовый взгляд. По чучхейским канонам оно было, по всей видимости, почти иконописным. И как он ходил! Точнее проносил себя — надо было видеть. По-моему, это качество могло быть только врождённым. По слухам, Рим Мен Чхол был какой-то их партийной «шишкой», но это и так не вызывало сомнений: он мгновенно изолировал корейских студентов, добился через деканат их компактного совместного поселения в общежитии, постоянно проводил с ними какие-то политзанятия.

А уж бедным Чонг Киль Уну и Ли Кым Хэку досталось по полной за год их безнадзорной студенческой вольницы — на них было невозможно смотреть без боли, точнее, боль и тоска были написаны на их немного «обрусевших» за год лицах. Наши ребята, их однокурсники, продолжали ещё какое-то время звать их в гости, приглашать на вечеринки и застолья по различным поводам, но те только глубоко-глубоко вздыхали. Впрочем, никто не расспрашивал, почему северо-корейские первопроходцы вдруг стали «невыезд...», пардон, «невыходными»: одного лицемерия Рим Мен Чхоло было достаточно, чтоб всё понять правильно.

По линии комитета комсомола биофака были попытки установить хоть какое-то идеологическое сотрудничество с посланцами северной части Страны Утренней Свежести, но позже, по слухам, был дан сигнал из деканата: оставить их в покое.

Правда, перекидной настенный фотокалендарь в комитет комсомола они подарили — он целый год красовался на стене, я никогда не отказывал себе в удовольствии его лишний раз перелистать. О-о, это «чудо» надо было видеть! О чём календарь? Естественно, о счастливой жизни в КНДР под мудрым руководством великого вождя и учителя Ким Ир Сена и его бессмертной партии. Все до единого лица на фотографиях светились блаженными, немного дурковатыми улыбками — у станков, в кабине комбайна, на улицах, сценах, в аудиториях. От этого участники подобной забавной фотосессии казались классическими восточными фарфоровыми «болванчиками». Мне даже показалось, что их лица малость смазаны маслом или каким-то отсвечивающим

кремом: на всех играл солнечный или световой блик. На канонической территории «чучхейской епархии» уныние, я слышал, вообще запрещено — только песни и радость, здравицы и славословия, плакать и горевать допускается лишь специальными постановлениями партии и правительства.

В футбол около общаги северокаорейские студенты играли только между собой, причём в одно и то же время, по расписанию. Однажды кто-то из наших предложил им сыграть вместе, но Рим Мен Чхол решительно отрезал: «Ми сами!»

Впрочем, выступить на ежегодном фестивале художественной самодеятельности биофака они не отказались. Посланцы севера Корейского полуострова, как сейчас, у меня перед глазами на сцене: все невысокие, черноволосенькие, коротко подстриженные, в коричневых пиджаках и синих штанах — они так и ходили на занятия. И все с одинаковым Ким Ир Сеном на нагрудных значках. Вышли строем в ногу с серьёзными минами, исполнив в унисон несильными басками песню с какой-то бесформенной мелодией «про солнце востока и великого полководца». Надо отметить, что все студенты-северокаорейцы, отслужив в рядах Корейской народной армии, были старше большинства однокурсников, правда, внешне определить это было невозможно: возраст по ним не читался.

Доброжелательные студенты-зрители (на фестивали обычно было трудно достать билетик, давали по несколько штук на группу) от души похлопали, устроив даже небольшую овацию. Впервые, находясь за кулисами, я увидел улыбку «в исполнении» Рим Мен Чхола: уголки его губ чуть-чуть приподнялись.

Как-то раз один их однокурсник то ли по незнанию, то ли для прикола поинтересовался у Рим Мен Чхола:

— Слушай, Рим, а что за человек изображён на ваших значках?

— Это великий вождь и учитель Ким Ир Сен! — отчеканил тот, изобразив на лице некое подобие презрения к вопрошавшему.

— Да-а? Как интересно! А вождь кого и учитель чего, не подкажешь?

Оскорблённый до глубины души Рим Мен Чхол судорожно отшатнулся от «богохульника», как от прокажённого, после чего почему-то просто-напросто прекратил для него своё земное существование. Рим не просто больше никогда не общался с ним, но даже не смотрел в его

сторону, зорко бдя за своими подопечными: на общение с «исчадием святотатства» было наложено жесточайшее табу.

Однако, как правило, их старались не задевать — крайняя чувствительность, доведённая до иступления, была видна невооружённым глазом. Бог с ними — живут да живут, их проблемы. Нам бы со своими разобратся.

Разок, правда, высокоидейный Рим чуть было не «огрѐб». Была суббота, в красном уголке общаги вечером устроили, как обычно, весёлые «скачки» — дискотеку. Понятное дело, это мероприятие северокаорейскую общину не интересовало. Точнее, интересовало или нет на самом деле — никто не знал: Рим Мен Чхол в это время всегда проводил политзанятия в читальном зале общежития, пустующем субботними вечерами. Дискуссий на них я не помню, обычно выступал сам Торквемада в северокаорейской реинкарнации или кто-то другой под его железным приглядом. О чём там шла речь, тоже оставалось неведомым — выступления были, естественно, на каорейском. Только тема ни у кого из наших не вызывала сомнений: теория «каореизированного» коммунизма — чучхе.

Всё шло у них, как обычно, по плану, несмотря на доносящуюся снизу музыку. Но вдруг в читалку заглянули двое наших студентов — кого-то искали. Один из них, здоровенный кабан с кафедры охраны природы был в изрядном подпитии по случаю своего дня рождения. Он окинул каорейцев придиричьим взглядом, кроме них в читалке, ясное дело, больше никого не было.

— А-а, всё сидите... И не надоело вам, — начал «охранник», — шли бы лучше в красный уголок, поскакали бы, развеялись!

Тут он заметил своих изолированных с недавних пор однокурсников Чонг Киль Уна и Ли Кым Хэка.

— О, Киль Ун, Кым Хэк! Заязывают с этим делом, пошли ко мне в комнату, выпьем, закусим, побазарим: у меня сегодня день рождения! Вы что-то вообще перестали к нам заходить!

Услышав это, дуэт каорейских первопроходцев вздрогнул, панически взглянув на своего духовного наставника.

И тут Рим Мен Чхол сделал шаг вперѐд, как бы заслоняя своим героическим телом вверенную ему паству.

А подвыпивший именинник, обдав Торквемаду недовольным взглядом, продолжил:

— Слушай, Рим, а ты-то чё вылез, ёкэлэмэнэ! Тебе не кажется, что ты уже их всех заколебал до крайности? Ты чё такой-то, блин, а? Или думаешь, что если ты иностранец, то, в натуре, в грызло от меня не получишь? Ты, блин, мне давно не нравишься! Ходишь, как этот, всё время, ё-ма!

Наверное, это был высший момент испытания на крепость идейного руководителя местной партийной ячейки Трудовой партии Кореи. Он стоял молча, как скала, с непроницаемым лицом — без сомнения, с такими лицами люди, готовые умереть за свои убеждения, обычно восходят на эшафот. В это мгновение Рим Мен Чхол, скорее всего, представлял себя на переднем краю битвы с идеологическим врагом, за ним плотными шеренгами стоял весь несгибаемый народ КНДР, вооружённый самым передовым в мире общественным учением «чучхе». Да что там народ! Сам Ким Ир Сен, «великий полководец и любимый учитель», незримо вдохновлял его на подвиг!

И «враг» пал! Точнее, отступил! Ещё точнее, более трезвый приятель агрессивно настроенного «охранника», потянув того за рукав к выходу, малодушно, пораженчески, по версии Рим Мен Чхола, промямлил:

— Да ладно, пошли. Чёрт с ними, пусть сидят!

Но было бы весело, если б не было так грустно. Сразу оговорюсь, что пишу я про нижеприведённый факт со слов других студентов, так как в тот период уже жил в Сибири после окончания универа.

Посередине семестра Ли Кым Хэк исчез... Позже балагур Аюпов, ставший в тот момент непривычно серьёзным, поведал однокурсникам вполголоса: к нему поздно вечером заходил Ли, попрощался — его, дескать, срочно вызывают в посольство в Москву, утром — в дорогу. И еле слышно добавил: дядю дома арестовали... «Я ему, мол, не езд, ты что? Сгинешь ведь! Неужели ничего нельзя придумать — ты же ещё здесь, а не там!» Но в ответ Кым Хэк (вообще-то это имя) выпрямился и непреклонно ответил: «Если Родина, Партия приказывают — надо ехать!» Что ж, мы это тоже, в своё время, «проходили». Но как такую утечку информации не пресёк Рим Мен Чхол — остаётся загадкой.

Так или иначе, но приятного, немного несуразного, хотя, в целом, симпатичного парня среди студентов больше не стало... В деканате на все вопросы отвечали сухо: вызван в Москву в распоряжение своего посольства. Точка. Без сомнения, был в курсе Рим Мен Чхол, но он не только не отвечал на подобные вопросы — он даже голову не поворачивал в сторону вопрошавших.

Недаром, позже, уже в разгар перестройки, даже, по-моему, ближе к её завершению, я где-то прочитал, что Ким Ир Сен издал приказ: всех студентов КНДР из Советского Союза — срочно домой! Понятно почему: чтоб не только не подхватили заразу инакомыслия, но и вообще не имели понятия о том, что возможно, в принципе, инако мыслить.

6

А на четвёртом курсе начался новый предмет — «Научный коммунизм», сокращённо «научком» или просто «научка». По нему предстоял, напомним, единственный государственный экзамен на пятом курсе.

И если доселе изучавшиеся общественные дисциплины имели всё-таки предмет исследования, то каково было высокое предназначение «коммунизма», пусть даже «научного», я так и не понял. Какая-то умопомрачительная заумь, тавтология, набор заклинаний и благих, но сомнительных, намерений. Какой-то несусветный замес, «попурри» из всего, что мы уже изучали с добавлением новых умозаключений про совершенствование и развитие всенародного государства от стадии диктатуры пролетариата до высот развитого социализма. Или про структуру современного бесклассового общества, лишённого всяческих антагонизмов, состоящего из двух родственных классов трудящихся — пролетариата и колхозного крестьянства с прослойкой-интеллигенцией. Опять зазвучали во весь голос привычные фразы-напоминания про «ленинский университет», как передовой край овладения марксистско-ленинским научным мировоззрением, про «студентов-ленинцев», которые должны являть собой маяки для всей советской молодёжи.

Взять, к примеру, «развитой социализм». Во-первых, я так и не добился вразумительного ответа на вопрос: почему он именно «развитой»,

а не «развитый»? Во-вторых, почему социализм таковым считался только в Советском Союзе? Скажем, с Польшей с её «мелкобуржуазной стихией» (85% земли были не в государственном пользовании) всё более-менее ясно. Другие братские страны социалистического лагеря тоже постоянно вызывали подозрения в неискренности своих коммунистических убеждений, несмотря на признания в любви, публичные лобызания и даже горячие засосы в губы дорогого Леонида Ильича с их лидерами. Особенно с Эриком Хонеккером — лидером «витрины социализма». Кстати, о ГДР, где порядка было побольше, обильнее и сытнее жизнь, чем в СССР — об этом не только в один голос говорили все без исключения, побывавшие в Восточной Германии, но даже справедливо не отрицалось на одном из семинаров по «науке». Там-то почему социализм «развитым» не считался?

Вспомнил! На прямой вопрос ответ всё-таки был дан. Как говорит Задорнов, готовы? Тогда слушайте: «Дело в том, молодой человек, что в СССР достигнут более высокий уровень развития отношений между производительными силами и производственными отношениями». Ну-у-у! Вот теперь — всё понятно, какой может быть разговор! Автор ответа — препод, который вёл у нас семинары, Фарид Фильзович, фамилии не помню, с кафедры научного коммунизма, что на историческом факультете. Боже мой, даже специализированная кафедра имелась!

Но позвольте, уважаемый преподаватель! Хотя и была отчасти понятна опаска наших вождей относительно кержацкой крепости чучхейской «интерпретации» социализма, но если мера оценки «развитости» идёт от обратного, то «самый развитой», или, скажем так, «развитейший» социализм должен иметь место в Северной Корее? По логике-то так? Ведь там и кушать особо нечего, а, воистину, «народ и партия едины»? Правда, признаюсь, что в задавании вопроса в такой формулировке я стал храбрым только сейчас. Нет, конечно, и тогда его вполне можно было бы задать — жив-здоров остался бы точно. Но я же был членом комитета комсомола, да ещё заведовал агитсектором, а значит, сам должен был уметь отвечать на такие вопросы. Могли также возникнуть сложности при сдаче госэкзамена, если бы я чересчур часто задавал их. Отсюда напрашивался закономерный вывод: извольте, товарищ «студент ленинского

университета», овладевать марксистско-ленинским мировоззрением, не задавая лишних вопросов! Всё ясно?

Или ещё один «перл». Вопрос. «Почему в Чили не смогла удержать-ся у власти компартия во главе с пламенным марксистом Сальвадором Альенде?» Ответ. «Главная причина поражения Альенде заключалась в нежелании и неумении осуществить установление власти диктатуры пролетариата». Блеск!

Тут я сразу вспоминал приснопамятного Софроныча, который при обсуждении перспектив мировой революции, закатив глаза, мечтательно-сладостно выдохнул: «Эх, какими бы шагами зашагал мировой революционный процесс, если бы пролетариат США взял власть в своей стране!» И ведь это говорилось не в шутку, не для прикола. А сейчас даже Зюганов стесняется рассуждать о мировой революции — засмеют в приличном обществе.

Одним словом, утверждение «пролетариат, рабочий класс — гегемон революции» на занятиях зазвучали опять. Слева — направо, справа — налево. Но дело-то уже было с четвёртого курса на пятый, поэтому провести нас на мякине было уже сложнее. Тем не менее, какие-то совершенно абстрактные, фантастические положения и утверждения звучали и звучали от имени некоего выхолощенного, мифического, как сейчас говорят, виртуального, безликого существа по имени «Пролетариат». Мне всё время хотелось с ним познакомиться и потолковать о жизни. С отдельными встречающимися якобы его представителями всё время не везло, ау-ау — где же вы, настоящие?

Тут уместен рассказ про случай, произошедший, правда, уже после моего окончания университета и отбытия по распределению в Сибирь. Расселили нас, молодых специалистов, в общежитии на койко-местах, как поначалу полагается. Общежитие было смешанной по социальному составу проживающих в ней работников — некоторые представители рабочих профессий жили с нами в одних комнатах. В целом, абсолютно нормальные, работающие ребята, со своими, конечно, закидонами и недостатками, но во многих вопросах с ними даже легче можно было найти общий язык, чем с научными сотрудниками.

Как-то слышу со стороны: «Ну, ты чё, в натуре, такой, а? Ты точно, в натуре — гегель!». Это электрик Вован что-то недовольно высказывал корешу шофёру Коляну.

Эта фраза настолько меня сразила, что я решил «обкашлять» её при случае с Вованом. И такой случай, не помню уже где, представился.

Спрашиваю:

— Слышь, Вован, а за что ты назвал Коляна «гегелем»?

— Да он, прикинь, в натуре, оборзел! Говорю ему как-то... — эмоционально начал Володя.

Однако мне было неинтересно, за что тот получил такое ёмкое определение, поэтому я прервал недовольного электрика.

— Да, нет, Володь, Бог с ним, с Коляном! Откуда ты взял это слово «гегель»?

— Ну, откуда, откуда? Ну, «гегель», «гегемон»... — он прищурил один глаз. — Вы ж сами нас, работяг, так иногда обзываете!

— Вова, когда это я обзывал тебя «гегемоном»?

— Ну, не ты — другие!

— Володя, а вообще ты знаешь, что так говорил Ленин: «Рабочий класс — гегемон революции»? — Я решил пододвинуть разговор ближе к интересующей меня теме.

Однако обсуждаемая тема Вовану не нравилась решительно.

— Слышь, Петро, ты чё, в натуре, до меня докопался? Гегель, гегемон... Я, блин, просто знаю, что это — стрёмно и всё тут! Мы ваших «ленинов» не читаем, понял?!

— Да ладно, Володь, не парься! — одной фразой он мне всё объяснил сполна. — Пойдём лучше пивка хлебнём!

Да-а... Вот так вот. Не отнять и не прибавить. В самую точку: «мы ваших «ленинов» не читаем...»

Ещё до этого знакового диалога, окончательно подведшего черту под целым пластом понятий, я понял одно: чтоб правильно воспринимать теорию «научного коммунизма», нужно родиться северным корейцем. Или стать им, но почему-то не хотелось...

Можно даже ввести в научный обиход, обосновать и градировать новую переменную: «коэффициент северокареистости». И тогда всё, абсолютно всё встанет на свои места: у этого коэффициент повышен, у этого — понижен, а у этого счастливчика — отсутствует вообще. Даже градацию стран, и, в целом, любых явлений, можно провести по этому показателю, введя новую единицу измерения — севкор. Один севкор, два севкора и так далее. Шкалу оценки — какую

пожелаете: можно десятибалльную, можно стобалльную, это не принципиально.

Справедливости ради, стоит заметить, что по количеству севкоров я значительно опережал средний уровень студентов Ленинского университета, чего уж там скрывать? Более того, до поры до времени, всемерно старался повысить коэффициент северокареистости у всех, с кем имел дело или даже просто общался — был такой грешок. Успокаивает одно: оный коэффициент у меня перманентно убывал. Или, выражаясь математическим термином, стремился к нулю.

Вспомнился ещё один эпизодик, связанный с корейцами. На ежегодный фестиваль самодеятельности пригласили иностранных студентов, усадив их на первый ряд. Я был занят во втором отделении, поэтому тоже находился в зале. В первом отделении всегда исполнялась какая-нибудь литературно-художественная композиция, мы называли её «монтаж», на патриотическую тему. В тот раз она строилась от отправного тезиса Маяковского «Отечество славою, которое есть, но трижды — которое будет!». Корейцы, тогда их ещё было двое — значит, это был мой третий курс — с интересом наблюдали: было видно, что подобные мероприятия для них как родные.

И вот, в кульминации композиции при звучании громких мажорных аккордов величественной торжественной музыки, игры света, выхода всех участников монтажа зазвучали стихи Маяковского, исполняемые одним из лучших декламаторов факультета, студентом-генетиком Резниковым: «Одна советская нация будет!»

Я краем глаза глянул на корейцев — они от этих слов вздрогнули. Мне захотелось им сказать, что это — аллегория, что имелось ввиду не поглощение одной страной других. С таким же успехом могла прозвучать фраза «одна корейская нация будет». Подразумевалось как раз то, о чём часто толковалось на занятиях по «научке»: возникновение, в случае победы коммунизма, на всей земле некой новой всемирно-исторической общности человечества... Вот только ой, как не хотелось мне становиться «северным корейцем».

Наконец, подошёл к концу первый семестр последнего пятого курса. Завершался курс научного коммунизма, неумолимо близилось время госэкзамена. Для комиссии готовились характеристики из деканата. Перед этим я, как политинформатор, вместе с комсоргом (Ширшо-

вым, кстати!) готовил послужной список на каждого студента группы: какую работу вёл, каких успехов добивался в общественной жизни, в чём участвовал, ездил ли в колхозы и так далее. Потом что-то добавлялось от научных руководителей, дополнялось от кафедры и, в итоге, визировалось в деканате. Одним словом, экзамен предстояло сдавать не просто какому-то преподавателю или даже комиссии. Экзамен «наш человек — не наш человек» принимала как бы сама система.

И вот госэкзамен настал! Взяв билет, я ознакомился с содержанием вопроса: «Тенденции и направления осуществления ленинской национальной политики при развитом социализме». Хорош вопрос? Нет? Вы не правы: билет просто замечательный. На самом деле ответ на него умещался в одной единственной фразе: «Тенденция заключается в следующем: дальнейшее всемерное развитие национальных культур при их одновременном взаимопроникновении и взаимообогащении под мудрым руководством КПСС». Всё. Садитесь: «пять».

Но это слишком упрощённо. Требовалось «налить воды», минимум, — минут на пять-семь, максимум — на десять-пятнадцать, уж кто как сумеет. Я привычно открыл рот и... Уф, друзья, что-то я и сам уже устал от этой «списфисской» риторики, да и вас, наверное, успел ею притомить, сколько можно? Одним словом, как говорил главарь банды «Чёрная кошка» Горбатый в исполнении Армена Джигарханяна — «завонил складно», как надо.

Слежу краем глаза: ага, достали мою характеристику, ага, читают — ну, что, в ней всё гладко, как-никак сам на себя писал. И бессменный политинформатор группы в течение всех пяти лет учёбы, и три года заведовал агитсектором в факультетском комитете комсомола, и неоднократный победитель конкурсов лекторов и политинформаторов, и активный участник художественной самодеятельности, и горный турист. Ещё и учился без троек. Одним словом, «наш человек». По лицам экзаменаторов стало видно: «система даёт добро». И точно: «достаточно, спасибо, вы свободны!» Уже про себя, не волнуясь за итог, я заранее промолвил: «Садитесь, пять». Так оно и вышло: «система» меня отметила на «отлично».

Однако стоит заметить, что госэкзамен по научному коммунизму с первого раза сдали не все студенты. Несдавших оказалось трое: Андриуша Ширшов (он лишь пару раз был на лекциях по «научке»), Фарид

Габдуллин — самый большой, хоть и скрытый, антикоммунист на курсе и студент из Дагестана — Шамиль Омаров. Андрюша-наглец как-то на ремарку преподавательницы «что-то я вас на лекциях не припомню» ответил взаимностью: «Я вас — тоже». Они сдавали «научку» аж после военных сборов, когда все остальные уже получили на руки дипломы. Сдавали так себе, почти не готовясь, что-то промямлили преподам и заработали свои заслуженные «достойные» оценки. Зачем, спрашивается, только людей муржили?

Но «система» не только отметила меня положительной оценкой по научному коммунизму, но и «заметила», к тому же, ещё раньше госэкзамена.

На третьем курсе секретарь комитета комсомола биофака Валера Князев, впоследствии преподававший на кафедре охраны природы, спросил меня: как ты относишься к перспективе твоего дальнейшего секретарства на моём посту?

Спрашиваю:

— А почему именно я?

— Видишь ли, — ответил Валера, — во-первых, ты мне симпатичен. Во-вторых, мы, партийно-преподавательский состав факультета, всё время анализируем студентов на предмет «подходит нам — не подходит». Ты по всем признакам подходишь.

— Ну, — немного опешил я от неожиданности, — я пока не готов к этому.

— А тебя никто и не торопит. Время есть, учись, работай. Всего доброго!

Конечно, в тот момент мне было приятно услышать это. Незыблемость существовавшей в те годы системы не вызвала сомнений, и правильно «вписаться» в неё с самого начала было весьма важно. К тому же, фраза «по окончании университета оставлен на кафедре» была магической, истинным символом твоего преуспевания по жизни — очень и очень многие к этому стремились всеми силами, хотя, не стану скрывать, не все.

А в конце четвёртого курса, когда я уже приступил к выполнению дипломного проекта, о чём речь впереди, разговор «в тему» продолжил мой шеф Борис Михайлович Куриненко — руководитель проблемной лаборатории №7. Говорил он тоже предельно откровенно: «Мы

подыскиваем нужных нам людей, а Вы, Петя, производите приятное впечатление, не хотелось бы нам в Вас ошибиться!» Похоже, «верным курсом иду, товарищи». Что ж, добро...

7

Почему я объединяю понятием «система» оба компонента: и профессорско-преподавательский состав, и функционеров от комсомола и партии? А как иначе! Если хочешь преподавать или просто работать в ВУЗе, то, в большинстве случаев, требовалось доказать свою верность «системе», поучаствовать в комсомольской работе, повибегать на собраниях, выявлять недостатки и бороться с ними, принимать личные комплексные планы, проходить Ленинские поверки, сдавать Ленинские зачёты. И только попробуй хоть раз оступись! «Система» заметит и запомнит всё.

Ну, а хочешь расти, возглавить кафедру, а тем более, факультет — пожалте в Ленинскую партию. Даже просто доктором наук без партбилета стать было весьма затруднительно. Но вступить туда представителю презренной, не имеющей чёткой классовой ориентации «прослойке» было ох как непросто, хоть на завод к станку топай! В партии уже другие правила игры, совсем, между прочим, не смешные — это вам не комсомольские игрища. И, как смычка двух составляющих системы на местах — партийно-хозяйственный актив, сокращённо, «партхозактив» или ПХА.

Однако чтобы наверняка попасть в настоящую обойму, гарантирующую превращение из функционера общественного в элиту системы — функционера номенклатурного, необходимо было стать членом университетского, или, как мы его называли, «большого» комитета комсомола.

Члены «большого» комитета слыли ребятами подчёркнуто принципиальными и бескомпромиссными — к этому обязывало их положение, необходимость подачи личного примера всем остальным комсомольцам. Время от времени ими устраивались «публичные порки». Например, за одну единственную, совершенно невинную, на мой взгляд, фразу («студенты едут в стройотряды, чтобы, в первую очередь, заработать»)

был немедленно исключён из комсомола один из командиров стройотряда. Это вызвало недоумение многих студентов: командиром тот был сильным, просто, увлёкшись спором на одном из заседаний «большого» комитета, не «профильтровал свой базар» в нужном месте. Необходимость постоянного оправдания высокой ответственности накладывало на членов комитета определённый отпечаток: лица у них были чуть-чуть «римменчхоловскими».

Безусловно, звание члена «большого» комитета комсомола ко многим обязывало. Однако, глядя на них, мне было интересно: бухают ли они на чьих-нибудь днях рождения, орут ли во всю глотку песни, умеют ли хохотать, держась за живот, «скачут» ли на дискотеках, матерятся ли, «подкатывают» ли к девчонкам. Что надевают на себя вне стен университета — в Альма-матер они всегда ходили в костюмно-галстучной униформе. Но спросить об этом я стеснялся. Хотя, в целом, ребятами они были вполне адекватными, не в пример своему северокорейскому коллеге. Я знал и работал с некоторыми из них.

Одно время работой университетского комитета комсомола руководил Мурат Гадыльшин — ленинский стипендиат, студент то ли мехмата, то ли ВМК (факультета вычислительной математики и кибернетики). Он после окончания универа стал одним из секретарей горкома комсомола города, то есть осуществил желанный для многих переход в стройные ряды партийной номенклатуры. А дальше уж, как кривая тернистой карьеры вывезет. Взлетишь — не взлетишь, зависело от очень многих факторов. Главное, понять и принять следующий немаловажный факт: комитет комсомола ленинского университета — потенциальный трамплин в серьёзную карьеру.

Величиной номер два в «большом» комитете комсомола был руководитель идеологического сектора Алексей Снашков — худой, высокий, всегда несколько утомлённый, спокойный молодой человек с печальными глазами. Ему посчастливилось в последующем даже закончить ВПШ (Высшую партийную школу) при ЦК КПСС, что гарантированно обеспечивало достойный карьерный рост. Однако, в разгар горбачёвской перестройки, уже после моего выпуска, я, случайно заглянув как-то в «большой» комитет и увидев Лёшу, был озадачен. Глаза у него стали ещё более печальными: новый курс на «обновление социализма, демократизацию и гласность» спутал карты очень многим,

в том числе, похоже, и ему. Больше я со Снашковым не встречался, и какова его дальнейшая карьера, не ведаю.

Ну, а моим непосредственным куратором был заведующий агитсектором «большого» комитета, студент юрфака Игорь Шевцов — парнишка деятельный и беспокойный. Он, обрисовывая мне «планов громадьё», с горечью, но, тем не менее, совершенно искренне, говорил: «Ну, почему, почему в тридцатых годах люди несли последнее, чтоб наша промышленность развивалась, страна сильнее была, а сейчас такого нет? Значит, надо работать, чтобы люди стали такими же!» Мечтатель Манилов, чёрт возьми! Или ещё один его перл: «Что значит — не хотят? «Хочу — не хочу» для них кончилось, когда они подали заявление о вступлении в комсомол!»

Вообще же, организационно сектор агитации и пропаганды вместе с культмассовым и военно-патриотическим входил в состав идеологического сектора — структура организации была одинаковой и для «большого», и для «малых» (факультетских) комитетов комсомола. Но многочисленная армия политинформаторов академических учебных групп университета была в ведении факультетских агитсекторов. Я сам ежегодно проводил на биофаке конкурсы политинформаторов групп, их победители соревновались далее уже на университетском уровне.

К тому же я продолжал регулярно проводить политинформации в группе. Вспомнилось, как на первом курсе ещё не «выдрессированные» мною одnogруппники, не дождавшись окончания очередной политинформации, ринулись на выход, но я, встав грудью, не дал открыть дверь. Мне удалось усадить несознательных студенток обратно лишь с помощью подоспевшего на выручку Ширшова, заставив их дослушать политинформацию до конца. Больше такого безобразия в нашей группе не повторялось. Кстати, Нинок Голубева тогда решительно встала на нашу с Андрюшей сторону, что нам весьма помогло справиться с нестандартной ситуацией. Интересно, на сколько севкоров это потянет?

На пятом курсе девчонки уже сами с удовольствием приходили на мои политинформации: все студенты, выполняя дипломные проекты, разбрелись кто-куда, поэтому политинформация стала единственной возможностью встретиться всей группе. Некоторые мои

одногоруппники до сих пор с удовольствием вспоминают: «Все-таки здорово ты нам про политику «затирал»!..

И вот, на третьем или на четвёртом курсе я победил на факультетском конкурсе (победитель определялся голосованием), пройдя на университетский этап. Решил выпендриться: вместо беспроигрышной темы про польский кризис начала восьмидесятых годов, с которой одержал победу на факультетском этапе (естественно, его причиной был отход от ленинских норм и принципов), я выбрал более чем спорную тему: «Мода, престиж и собственное «я».

Доложилс я уверенно, народ слушал с интересом, но, по завершению своего выступления, нарвался на довольно жёстко заданный вопрос Снашкова, сидевшего в президиуме:

— И в чём же, Вы считаете, причина увлечения буржуазной модой у определённой части советской молодёжи?

— Ну, — отвечаю, — причин несколько: и в усилении идеологической войны против нас со стороны капиталистического Запада, и в заметном улучшении условий жизни в нашей стране, и в ослаблении работы с молодёжью со стороны партии.

Снашков и Шевцов, тоже находившийся в президиуме, как по команде, резко обернулись в мою сторону и одновременно раскрыли рты. Однако, согласно табели о рангах, энергично парировать подобное еретическое утверждение, точнее, его последнюю часть, да ещё прозвучавшую прилюдно, полагалось главному идеологу универа — Снашкову.

— Партия! Никогда! Не ослабляла! Работу! С молодёжью! — отбил он, как молотом, и, повернувшись к аудитории, добавил. — Следующий участник конкурса.

Я, ещё не осознавая всей тяжести содеянного, довольный сел на место, не сомневаясь в том, что уж в тройку-то призёров попаду обязательно — выступление мне и самому понравилось. Но моё имя нигде не прозвучало.

На следующий день я, случайно встретив Шевцова, поинтересовался:

— Ну, как моё выступление?

Он посмотрел на меня, как на дурачка.

— И у тебя ещё хватает наглости спрашивать?! Как ты мог сказать «партия ослабила работу с молодёжью»?!

Ну и дальше, в том же духе. Я стоял, краснея не от стыда, а от злости: а что, Игорёк, разве я не прав? Если под «работой» ты подразумеваешь официальную трескотню, мероприятия «для галочки», шефскую помощь селу и прочую фигню, пусть и активно навязываемую, то докажи мне, в чём я не прав! Наверное, такие, как ты, только рангом повыше, запретили ежегодный Грушинский фестиваль бардовской песни или приказывали вылавливать силами БКД и ОКОД (сможете вспомнить расшифровку этих аббревиатур?) студентов около храмов Божьих во время служб. Но я не стал развивать тему — с Шевцовым спорить было бесполезно. Кстати, «Груша», пережив комсомол, по-прежнему проводится под Самарой и становится большим культурным событием теперь уже всероссийского и даже международного масштаба.

Стоит попутно отметить, что многие шли в ОКОД, чтоб заниматься каратэ, тоже официально запрещённым в те годы видом спорта. Не буду заставлять вас напрягать память: БКД — это «боевая комсомольская дружина», а ОКОД — «оперативный комсомольский отряд дружинников», или, по-иному, «юные дзержинцы». Чем они отличались друг от друга, уже не помню. Эдакие немного военизированные формирования из комсомольцев, правда, на добровольной основе, призванные помогать милиции участвовать в патрулировании улиц, в проведении массовых мероприятий, в работе с недисциплинированной молодёжью. Многие активисты БКД и ОКОД впоследствии сделали карьеру в рядах МВД и даже КГБ. Так вот, каратэ для них было «разрешено», поэтому некоторые шли туда, чтобы получить полезные навыки, а потом «слинять». Но не путать с ДНД — «добровольной народной дружиной», куда нас также «гоняли» на дежурства в добровольно-принудительном порядке, — в то время возникло и широко бытовало подобное иронично-философское определение стимула. Отдельные несознательные уклонисты от ДНД могли за это даже лишиться стипендии — за этим следил главный ДНД-шник факультета студент Чертопьятов.

Не стану утверждать, что система поставила мне «на вид» за крамольный ответ на вопрос на конкурсе политинформаторов, но «шаров» не добавилось точно. О! Попутно вспомнил градацию взысканий по комсомольской линии по нарастанию строгости наказания: поставить на вид, объявить выговор, строгий выговор, выговор «с занесением»,

строгий выговор «с занесением». «С занесением» — в личное дело комсомольца: система учитывала всё. И как «высшая мера», — исключение из рядов ВЛКСМ. После этого вполне возможно было и из университета вылететь.

Нетрудно заметить, что пострадавший некогда на «большом» комитете командир стройотряда одним махом проскочил по всей лесенке наказаний всего за одну только крамольную фразу про истинный стимул студентов работать в стройотрядах. Итог: «Анафема! «Сожгите» его!» Рим Мен Чхо-о-ол? Где ты, родной? Тут «севкоры» зашкаливают!

Радовало одно: настоящих «римменчолов» среди наших комитетчиков я не встречал ни разу — так, небольшие вывихи в сторону, и то лишь у отдельных из них.

Весной 1984 года мой друг студент-«почвояд» Олег Волков, по кличке Насибулла, происходившей от его прежней фамилии Насибуллин, крепко «въехал» в свою будущую жену Светочку Пешкову с генетики, оба они были курсом младше меня. Светка была удивительной девчонкой: доброй, отзывчивой, непосредственной, обаятельной — от неё шёл как бы внутренний свет. Весёлая, юморная, компанейская, стройная, симпатичная, артистичная — участница очень популярного у нас на факультете театра миниатюр «Динь-динь».

Как-то жарким деньком идём мы: я, Ширшов, Насибулла и Света из столовки, что на физфаке. Точнее, «идём» — мягко сказано: весело хохоча, скачем, как козлики, стреляя друг в друга шариком от настольного тенниса из игрушечного пластмассового пистолета с широким стволом. На Светочке надеты лёгкая футболочка, озорные штанишки-бананы, светлые волосы на голове собраны немного вбок «конским хвостиком».

Проходя мимо открытых окон помещения «большого» комитета комсомола (он был на первом этаже главного здания), мы заметили, что там идёт какое-то очередное, очевидно, очень важное, собрание — выражения лиц «комитетчиков», резко контрастируя с солнечным приветливым деньком, красноречиво свидетельствовали об этом. Председательствовал на нём тогдашний секретарь, «сухарь» Олег Горянин — по национальности то ли якут, то ли алтаец.

Светочка, смеясь, предложила нам:

— А давайте в них стрельнём, чего они сидят, как эти!

Фестиваль биофака. Театр «День-день». В центре (стоит) — Светочка Пешкова

Мы, комсомольцы-добровольцы, немного опешили:

— Как — так, стрельнём?

— А вот так! — Светка «пальнула» в открытое окно: вытолкнутый пружиной пистолетика шарик пролетел вдоль длинного стола, за которым угрюмо заседали комсомольские вожаки. Мы, заржав, убежали от окна прочь.

Вволю нахохотавшись, я с грустью сказал:

— Но шарик-то жалко, «боеприпасов» у нас больше нет!

Светуля совершенно не смутилась:

— Да я сейчас его принесу!

— Из «большого» комитета?!!

— Ага! Откуда ж ещё?

Мы вместе зашли в главный корпус и пошли к «большому» комитету, держась от Светки на некотором расстоянии — было страшно интересно, как отреагируют на её визит строгие комитетчики. Она

запросто без стука, без всяких там «можно войти?» заскочила в мрачное помещение, где шло утрюемое заседание, и улыбнувшись, весело чирикнула:

— Привет, ребята! Тут у вас шарик не пролетал?

Лица комитетчиков тут же озарились улыбками, даже Снашков залыбился — я наблюдал за этим незабываемым зрелищем из-за угла. Только официальный зануда Горянин медленно встал со своего кресла в голове стола с возмущённой миной.

— Какой ещё ш-ш-шарик?! Что за шарик?! Это что за безобразия такое?! Девушка?! А?!

Светочка, держа игрушечный пистолетик обеими руками, направила его на Горянина, и, обдав возмущённого функционера очаровательной улыбкой, хихикнула:

— Поговори ещё у меня! — и, подняв шарик с пола, упорхнула в дверь.

Через пару секунд мы услышали дружный, немного приглушённый гоготок комитетчиков, оценивших шутку студентки — уж не знаю, как дальше пошло заседание.

Меня же снедал вопрос: а интересно, возможно ли такое в Северной Корее, особенно если бы шарик чмокнулся в бюст или изображение «великого полководца»?

Мда-а... Очень бы хотелось узнать, как сложилась дальнейшая судьба и карьера самых «больших» университетских комсомольцев — Гадыльшина, Минзарипова, Горянина, Снашкова, Шевцова... Где они сейчас работают, где живут, какие взгляды исповедуют? Согласно статистике, не более 10% бывших коммунистов подтвердили свои убеждения в виде членства в различных российских компартиях после впечатляющего обрушения всего здания государственной партийности, глобального идеологического доминирования КПСС. Тогда как, по всей видимости, остальным девяноста процентам на всё на это было глубоко... Но кто бы в то время мог это предвидеть?!

Сейчас, конечно, многие «вякают»: я предвидел, я чувствовал, я знал, что... Да ни хрена вы, господа «провидцы», не чувствовали и не предполагали! И я — в том числе.

И последнее. Удивительно, но факт: практически никто не может назвать мне две основные фундаментальные работы Ленина. Не пере-

сказать содержание или привести какие-то цитаты из них, а всего-то — назвать. Назвать! Ведь любой образованный человек выдаст, не задумываясь, главные произведения, скажем, Толстого, Достоевского, Шолохова или Булгакова. Даже старику Марксу, в этом плане, повезло почему-то больше, чем «дедушке Ленину», ибо вопрошаемые мною бодро выдают: «Капитал»! А как же самый массово изданный за всю историю человечества и переведённый на все языки мира «литератор», как сам себя именовал Владимир Ильич? А вот так, значит, выходит... Почему? Не знаю. Получается, за все время учёбы где-то с семестр, по моим прикидкам, всех затрат учебного времени было потрачено на изучение общественных дисциплин практически впустую.

8

«Я — мост!» — аллегорически утверждал Евгений Евтушенко в поэме «Казанский университет», написанной к столетию со дня рождения Ленина. «Мост», естественно, между прошлым и будущим. Вот только где искать опоры для моста истории, пусть даже в лице знаменитого поэта? Евтушенко в 1970 году перекинул его между «сходкой» студента Володи Ульянова и современным собирательным образом студентки Казанского университета «с глазами народоволки». Позвольте, поэт, позвольте!.. Ваша метафора напоминает мне кое-где сохранившиеся до сих пор, возведённые ещё при товарище Сталине мосты в тайге и тундре для так и не построенной Трансполярной железной дороги. То есть мост есть, а путей в ту и другую сторону — нет. И никогда не будет. То есть это — мёртвый мост.

«Мост» ли я сам? Полноте, милостивые государи, — так, хлипкая дощечка. Вот только опоры, думаю, у меня будут надёжней: славное дореволюционное прошлое Казанского Императорского университета и нынешний универ, восстановивший первоначальный вид исторического актового зала и приваривший ту пресловутую перемычку буквы «И» в кованной некогда на совесть славянскими буквами аббревиатуре «КИУ» на воротах. Да и название улицы, на которой стоит моя Альма-матер, изменили с Ленина на Кремлёвскую, хотя до революции она именовалась Воскресенской.

Конечно же, для прочности конструкции «моста» нельзя не поставить между конечными опорами несущий бык в виде научных достижений моего универа и многих известных имён советского времени: физиков Завойского и Альтшулера, математиков Четаева и Чеботарева, химиков отца и сына Арбузовых, биологов Самойлова и Ливанова. Да много ещё кого. Даже нас — простых студентов, пусть и бывших.

Только не «преподов» научного коммунизма и истории КПСС, вкупе с комсомольско-номенклатурной братией, с которой когда-то я и сам тоже был ассоциирован. Кто их кроме меня сегодня припомнит? Но совсем забывать их тоже не стоит: всё же некоторые из них, получив хорошее образование и будучи в целом умными людьми, занимаются, надеюсь, нужным делом.

Понятно ли то, что я пытаюсь донести нынешней автомобилизированной, компьютеризированной, интернетизированной, телефонно-мобилизированной, блогизированной, скайпированной и ай-си-кьюированной молодёжи? Не знаю, надеюсь на это, ведь в любом случае историю отцов стоит хотя бы уважать. Тем более, левые идеи нынче опять в моде, особенно у той же молодёжи. Сейчас популярно порассуждать о социальной ответственности бизнеса, о социальной направленности государственной политики. Но — и тут проходит водораздел — стану настаивать: левые и коммунистические идеи — совсем не одно и то же! Кстати, в Северной Корее Интернет запрещён — есть, я читал, только один дохленький провайдер внутри страны, да и автомобилей в личном пользовании единицы, и то с разрешения ЦК ТПК и исключительно в порядке поощрения перелетов производства.

Мне возразят: когда коммунисты были у власти, люди были добрее и человечнее, да я и сам об этом упоминаю! Но тогда, и в этом я тоже не оригинален, народ «доедал» остатки исконной, богоугодной духовности и морали; в те времена ещё жили и здравствовали миллионы патриархальных бабушек, овдовевших, в большинстве своём, во время Великой Отечественной войны. И по мере того, как их становилось всё меньше, нарастал пассионарный, по Гумилеву, разлом между «тем» народом и «этим».

Безусловно, огромную роль в этом нарастающем процессе сыграло какое-то маниакальное стремление вождей и идеологов двигаться

к достижению некоего неясного общего состояния: «от каждого — по способности, каждому — по потребности». Не забывая при этом, приносить обильные обрядовые жертвы из тех, кто «не вписался» и «не догнал». Вот только не понятно, во имя чего сложили головы наши ребята в Афгане, во исполнение какого «интернационального долга»...

И скажите на милость, КАК определить уровень «потребности», и КТО его сможет определить? Рим Мен Чхол и «римменчхолы»? По всей видимости — да. Тогда понятно... Уж они-то сумеют правильно навязать его, они-то научат радоваться каждой пайке, лишь бы не промокало и не жало. Как пел, в своё время, «Наутилус Помпилиус»: «нищие молятся, молятся на то, что их нищета гарантирована...».

Обожаю телесюжеты из Северной Кореи. Как они маршируют, какие грандиозные массовые парады и мероприятия проводят! Это сколько же нужно времени, чтоб так всё отточить? Поднята рука — и тысячи людей плачут от умиления в адрес Ким Ир Сена или его сыночка, раздаётся команда «Фас!» в адрес проклятого американского империализма — и поднимается дружный «лай». А впрочем, в адрес любого, на кого укажет «земное солнышко». Что ж, технологии зомбирования, подобно ремеслу гаитянских шаманов — бокоров Вуду, их северокорейскими «коллегами» освоены в совершенстве.

Со временем даже внешне южные и северные корейцы стали отличаться: первые — щекастые, розовенькие и кругленькие, вторые же — худые, грустные, в каких-то серо-тёмных одеждах убогих фасонов, и у каждого на лице какая-то неистребимая печать от изнурительного нескончаемого процесса штудирования «бессмертного учения «чучхе». Космическая фотография корейского полуострова в ночные часы вторит этому: южная часть залита светом, тогда как над северной его частью — беспросветная мгла с одиноким, сиротливо мерцающим огоньком на месте Пхеньяна.

Нет, товарищи дорогие, это не абстрактная картинка — это мы в нашем несостоявшемся «коммунистическом» будущем. Смотрите и наслаждайтесь! В словосочетании названия страны — Корейская Народно-демократическая Республика (КНДР), правдиво только одно слово — «Корейская». Нет, я решительно не хочу быть «северным корейцем»!

О-хо-хо! Было, было, было... Оттρεщало и ушло. В последующие годы мне довелось близко познакомиться ещё с одним элитным университетом страны — Новосибирским. Я сдавал на его базе кандидатские минимумы по английскому и философии, НГУ окончили мои дети. Фраза «Ленинский университет» не звучала в его стенах никогда, и вообще съехавшиеся в хрущёвскую оттепель со всей страны признанные и непризнанные учёные создали особую неповторимую атмосферу тогдашнего Новосибирского Академгородка.

Под стать им были воспитаны и студенты: бытовало высокомерное, и даже несколько пренебрежительное отношение к общественным дисциплинам, а существование комитетов комсомола как «больших», так и «малых», никто особо не замечал. Зато памятен исторический концерт Галича незадолго до его высылки из страны, вольнодумство, научная деятельность академиков-экономистов Заславской и Аганбегяна — «акушеров» Перестройки...

Но не хочется мне в связи с этим кидать камень в огород моего родного университета, ведь если бы Ленин учился не в Казани, а в Новосибирске, пардон, в Новониколаевске... Правда, в пору молодости «дедушки» Ленина Новониколаевска ещё не существовало.

Гимн биофака Казанского университета, написанный ещё до моего студенчества, даже не упоминал имени Ленина. Потому-то он созвучен мне и сегодня...

*Друзья, хочу открыть я вам секрет,
Быть может, я — не первооткрыватель,
Что не случайно университет
Зовём родною нашей «Альма-матер»!*

*Впервые в этих стенах познаём
Любовь, открытие, творчества порывы,
И если к этим стенам вновь придём,
То чувствуем во времени прорывы.*

*Вот «Сковородка», что такого в ней?
Она не просто место для сиденья —*

*Катализатор памяти моей,
Свободного во времени движенья.*

*Попробуй вспомнить всё, что было тут,
Чего никто не помнит и не знает,
Тогда и грусть, и старость отойдут,
И чувствуешь, как время отступает!*

*Стряхните пыль с забытых лиц и дней,
С улыбок, старых грёз и поцелуев,
Найдите память, обратитесь к ней –
Она вернёт вам молодость былую!*

ВОСПОМИНАНИЕ ВТОРОЕ

*«И всё круюм колхозное,
и всё круюм — моё!»*

I

Студенческая пора помимо учёбы, сессий, практик, каникул, веселий, любовных историй, походов включала в себя и трудовую созидательную деятельность в студенческих стройотрядах и сельскохозяйственных работах — на благо «горячо любимой социалистической Родины».

Сразу после вступительных экзаменов мы, вчерашние абитуриенты, повизжав от восторга у доски объявлений приёмной комиссии при виде своих фамилий в списках зачисленных в университет, тут же наткнулись на скромное объявлениице, гласившее «быть там-то во столько-то» для отправки в сельскую местность.

И если о студенческих строительных отрядах (ССО) писано-переписано, сказано-пересказано, пето-перепето, то о таком распротранённом явлении студенческой (и не только) жизни, как осенние сельхозработы или, как тогда говорили, обобщая понятие, «колхозы», лично мне ничего познавательного не довелось прочесть ни тогда, ни в последующем.

Кто спорит? — Стройотряды — это круто! Романтично! Возвышенно! «По-социалистически»! «По-нашенски»! Я всегда завидовал молодым, весёлым, загорелым ребятам и девушкам с рюкзаками, в стройотрядовской униформе с эмблемой ССО, с мастерком на рукаве. А если к ним добавлялись эмблемы строек с обширной географией, стройотрядовские

значки и прочие атрибуты, я чувствовал, как моё «торопится сердце, сердце волнуется». И звали студентов гордо — бойцы стройотрядов!.. А ещё гитары! Пишу, и в голове звучит популярная тогда песня, блистательно исполнявшаяся Александром Градским:

*Яростный строй гитар,
Яростный стройотряд,
Словно степной пожар,
Песен костры горят!*

Недаром нынешний президент Дмитрий Медведев, сам бывший боец ССО, не так давно собирал ветеранов советского стройотрядовского движения, поминал добрым словом патристический порыв и трудовой энтузиазм студенческой молодёжи, указав на необходимость правительству проработать комплекс мер по возобновлению этого движения, с учётом, конечно же, современных реалий...

Помню, как комитет комсомола направил меня на встречу с делегацией студентов из ФРГ, и как они, после рассказа (не моего) о движении ССО были впечатлены полученной информацией. Заморские гости восхищались передовой формой организации труда студенческой молодёжи, признавая, что ничего подобного в ФРГ близко нет.

Но не всё было однозначным в движении стройотрядов — «хлеба не надо, работу давай!» Конечно же, ехали в ССО, чтобы, в первую очередь, заработать. Но говорить об этом было не принято. Я уже упоминал, как один командир ССО на заседании университетского комитета комсомола, в запале озвучил эту мысль и был немедленно исключён из рядов ВЛКСМ. Это вызвало возмущение со стороны студентов. И я тоже недоумевал по поводу подобного решения «большого» комитета комсомола, хотя мне, как члену факультетского комитета, сомневаться, а тем более осуждать правильность мер вышестоящей инстанции, не полагалось.

Однако вернёмся к «колхозам»: существовало одно принципиальнейшее их отличие от стройотрядов — участие в ССО было строго добровольным. Ещё и не каждый желающий мог попасть в тот отряд, в который хотел, в некоторые даже были конкурсы. Вот она — соль вопроса, вот где «собака зарыта»! Ибо «в колхозы», «в деревню» —

посылали или, как выражались многие, «гоняли». Какая там, к чёрту, добровольность?! Иди давай, помогай стране собирать урожай, выполняй Продовольственную программу, исторически начертанную мудрым решением КПСС, исполняй свой патриотический долг! В добровольно-принудительном порядке.

Не скажу, что никто не пытался роптать. Но принародные громкие возмущения могли привести к многозначительно заданному вопросу со стороны как общественных, так и номенклатурных функционеров: вам что — порядки наши не нравятся?

А в моём случае можно было запросто «допрыгаться»: как минимум, до исключения из комсомола; как максимум — до отчисления из универа, а там и до «стройной колонной рота идёт» — рукой подать. Посему от публичных высказываний останавливала даже мысль о возможности задавать вопросы. Совсем ничего не бояться мог, наверное, только беспартийный работяга, отслуживший в армии, но Его Величество Рабочий Класс и так в колхозы не гоняли.

Безусловно, вопрос «откашивания» от колхозов вполне можно было решить, без огласки, в частном, так сказать, порядке. Не стану говорить про блат, это понятно и так: блатные в колхозы не ездили. В принципе, если ты хорошо учился, занимался общественной работой и вообще считался хорошим мальчиком (или девочкой) — можно было поставить перед деканатом вопрос о нецелесообразности твоего участия в сельхозработах. Освобождение от «колхозов» иногда предоставлялось в качестве награды за что-то или за участие в чём-то, например, в выступлениях университетской хоровой капеллы или в каких-то соревнованиях. Разумеется, не ездили на сельхозработы иностранные студенты, хотя в стройотрядах, бывало, работали.

Противопоказания по состоянию здоровья тоже принимались во внимание: в конце августа перед деканатом всегда наблюдалось скопление студентов со страдальческими лицами: кто держался за бок, кто за живот, а кто просто подволакивал ножку. Для освобождения от сельхозработ требовалась аргументированная причина. Но и веские аргументы не всегда срабатывали.

Как-то мой кореш Рудаль, студент биофака, действительно жестоко «загибался» от обострения аллергии. Однако он так и не получил освобождения от колхоза. Его ещё и в симуляции обвинили. Но

ничего, выжил: осенние дожди прибили пыль и пыльцу, и аллергия утихла.

Поэтому понятно, что никакой патетики в вопросе «добровольно-принудительных» сельхозработ не могло быть по определению, и если какая-то информация в СМИ (правда, тогда такого понятия ещё не было) редко и бессистемно просачивалась, то как-то всуе, мимоходом и исключительно, как «шефская помощь селу». Собственно говоря, почему — шефская, и почему — помощь? Такими вопросами в то время никто не задавался.

Сложилась преинтересная ситуация: работаешь в стройотряде — тебе почёт и уважение, поехал «в колхоз» на сельхозработы — гы-гы-гы! Хотя, по большому счёту, неужели работа на селе — неполноценна изначально? Позвольте, позвольте... Однако спор о равном статусе бойца ССО и посылаемого в колхоз разбивался о железобетонный аргумент в пользу первых: стройотрядовцев ВСЕГДА освобождали от сельхозработ. По сему вопрос о равноправии закрыт, да и подобный спор, справедливости ради, никогда не возникал. Конечно же, боец стройотряда мог изъявить желание поехать по осени в колхоз, но я о таких «идиотах», честно говоря, не слышал ни разу.

Как следствие, кроме язвительной песенки Владимира Высоцкого «Товарищи учёные...», советская культура на тему «колхозов», точнее, «шефской помощи селу», в отличие от тематики стройотрядов, ничего не создала. Так и хочется лишний раз процитировать классика:

*Товарищи учёные, доценты с кандидатами!
Замучились вы с иксами, запутались в нулях,
Сидите, разлагаете молекулы на атомы,
Забыв, что разлагается картофель на полях!*

Однако эта песенка не то, чтобы была запрещена, но, скажем так, не приветствовалась...

Вполне вероятно, у читателя может возникнуть вопрос и ко мне, мол, ты такой умный, а сам-то работал в стройотрядах или «тянуло к земле»? Отвечу. На нашем факультете учебный процесс был организован так, что ежегодно в июле у нас проходила практика. Основной же период работы стройотрядов выпадал именно на июль-август. Поэтому

ССО из студентов биофака никогда не формировались. В августе — каникулы, ну, а в сентябре пожалте в деревню. «А гамма-излучение денёк повременит!» Справедливости ради нельзя не отметить, что студентов выпускного пятого курса от колхозов освобождали, как-никак — дипломники.

Щекотливым был вопрос участия в сельхозработах членов «больших» и «малых» комитетов комсомола. Во-первых, комсомольских комитетчиков разных уровней было многовато. Во-вторых, поголовное освобождение их от колхозов породило бы нездоровую реакцию у менее сознательных рядовых студентов, вести которых за собой к светлым идеалам коммунизма стало бы намного сложнее. Плюс априори считалось, что комитетчик будет служить личным примером в работе для остальных.

Ну, и в-третьих... Хотя это, скорее, относилось ко мне или таким же, может быть немногим, как и я... Дело в том, что поначалу я считал своё личное участие в сельхозработах святым патриотическим, комсомольским долгом, поскольку искренне верил в идеалы коммунизма и не сомневался: колхозно-совхозный уклад — вершина организации сельского хозяйства в масштабах всего человечества, первая ступень перехода к коммунистическому труду на земле. И истинность ленинской цитаты «Мы придём к победе коммунистического труда!» у меня не вызывала абсолютно никаких сомнений... Словом, фразу известной песенки из сталинской киноагитки «И всё кругом колхозное, и всё кругом моё!» я, признаюсь честно, воспринимал в буквальном смысле. И верил: нужно лишь немножко помочь труженикам села ввиду неурожайного года или сложной международной обстановки, или просто по случаю новых повышенных трудовых обязательств, принятых ими в обстановке единодушного одобрения в преддверии (или по итогам) очередного исторического Пленума ЦК КПСС. Я уже не говорю о «судьбоносных» для всего человечества съездах КПСС, из коих на время моего студенчества выпал только один — в 1981 году — XXV, начертавший новые грандиозные планы по строительству коммунизма в нашем обществе. А также поведавший миру, что «общий кризис капитализма еще более углубился». Только не смейтесь надо мной, пожалуйста...

Вы можете не верить, но мне нравилось ездить в колхозы. Почему? Ну, отчасти понятно — смена обстановки, свежий воздух, золотая осень, бабье лето, парное молоко... Но и ещё кое-что. Скажем так — нетривиальная возможность дальнейшего познания действительности во всех её проявлениях. Я считал себя пытливым исследователем.

Однажды Вера Тимофеевна — преподаватель кафедры ботаники и член комиссии по организации и проведению сельхозработ, предложила, питая ко мне уважение, воспользоваться правом не ехать в колхоз. На что я совершенно искренне ответил: «Ну, как я не поеду? Как без меня наши девчонки? Кто о них позаботится, кто их защитит?» Чем вызвал к себе новый прилив добрых чувств преподавателя.

А защищать девчонок приходилось. Наша группа микробиологов состояла из 24–25 человек. Парней в группе было двое — я и Андрей Ширшов. Переиначив классика, я говаривал: «А группа большая, да два человека всего мужиков-то: Андрей мой да я».

И посылали на работу нас по принципу: одна академическая группа — одна деревня. Безусловно, приезд такого количества студенток был настоящим событием для деревенских «жегетля» (в переводе с татарского — «парни, молодцы»). Тут нам с Андреем приходилось выбирать правильную модель поведения, некую золотую середину во избежание конфликтов. Говорить о соотношении сил было просто смешно, а перед своими девчонками падать лицом в грязь не хотелось. Как правило, мы заводили дружбу с кем-то из местных, всегда публично и радостно приветствовали их и, конечно же, никогда ничем не показывали своего интеллектуального превосходства — всё на равных. Этим удавалось сбивать агрессивные намерения у кого-то из местных: дескать, ребята, мы тут все — свои.

Такая тактика работала достаточно эффективно. Но бывали и напряжённые моменты, которые преодолевались усилиями обеих сторон. Да и «жегетля» был вменяемей, трезвей и менее озлобленной, чем городской молодняк. К тому же старших в деревнях слушались. Хотя у других студенческих групп, где и ребят-то было побольше, иногда доходило до мордобоев с местными, даже милицию привлекали.

А наши девчонки, честь им и хвала, во время колхозных работ почти беспрекословно слушались нас: «Лицо не мазать, причёски не делать, глазки никому не строить!» К тому же «жегетляр» нередко неважнецки владели русским, потому общения с нашими одноклассницами не получалось. Да и девчонки сами всё прекрасно понимали, хотя их повиновение нам резко контрастировало с постоянно шедшими на младших курсах, неформальными диспутами на тему «кто умней: мужики или бабы».

Приглашения на дискотеку в «Культура йорты» («Дом культуры») поступали постоянно, и даже обиды со стороны местных случались, когда мы отказывали. На дискотеках обычно были банальные «скачки» под «Синий-синий иней» или под более продвинутых «Бони М», «Чингис-хан» и итальянцев. Но в конце концов, зачастую кем-то приносила гармошка, и молодёжь с удовольствием начинала отплясывать родные «Эпипе», «Закария» и другие танцы, что мне нравилось куда больше их неистребимого желания «косить» под городских.

Но наши девчонки отказывались ходить на деревенские дискотеки ещё и по другой, чисто женской причине — нечего надеть. В деревнях мои одноклассницы всё время умиляли меня: маленькие (слезли с каблуков), в резиновых сапогах, облепленных жирной осенней грязью, в каких-то замызганных куртёшках, в платочках. Глазки не «нарисованы» и личики такие смиренные-смиренные, послушные-послушные — прелести! Конечно, уставали, бедняжки, на полях-токах, привычных удобств нет, а хочется к свету, в город, к маме. Ну как не заботиться о них? Правда, студентки из деревень чувствовали себя, в отличие от городских, вполне нормально. Хотя специфика нашего факультета предполагала определённую полевую подготовку студентов, да учебные станции в лесах под Казанью, на Волге широкой, кое-чему научили, поэтому к деревенским условиям жизни мы были немного подготовлены.

Как-то наш декан Анатолий Иванович попросил меня лично посмотреть за своей дочкой — Ниной Голубевой. Отец решил её не баловать, из группы не выделять и, видимо, из общепедагогических соображений, послать вместе с нами, посоветовав дочери «держаться Пети». Но патронажа с моей стороны не получилось: на следующий день, после нашего «расквартирования» в деревне Верхний Налим

Заинского района, мне пришлось переехать с половиной группы в соседнюю деревню Сармаш-баш. Однако Нинок ехать отказалась — больно глянулись хозяева, радушно принявшие её с подругами на постоя. Поэтому она осталась с другой половиной группы под началом моего боевого друга Андрюши, возглавившего «верхненалимский филиал».

Но любовь к хозяевам быстро прошла. Начались дожди. Нинок простыла и, когда я время от времени ходил в гости к Андрею, подолгу плакалась мне в жилетку, смахивая горячую слезу потемневшей от вьевшейся грязи рукой.

Особенно Нину одолевал шестилетний, не понимавший по-русски хозяйский сынок. И однажды она не выдержала: последней каплей терпения стали гастрономические эксперименты пацанёнка. А дело было так. Отец-хозяин привёз из райцентра лимонад «Буратино», сынок смешивал его с густой домашней сметаной, в которой могла стоять ложка, и долго полоскал полученной смесью горло, «гырча» на весь дом. Потом выплёвывал всё добро обратно в стакан. После этого что-то добавлял ещё, встряхивал стакан, как шейкер, чтоб образовалась пена, и с наслаждением пил получившийся «коктейль», подолгу растягивая удовольствие. Бедная Нина, бледнея, отворачивалась, зажимала уши, чтоб только не слышать и не видеть изыски мелкого «бармена». Но после третьего стакана не выдержала: её замутило, и она, опрокинув стул, стремглав метнулась прочь из избы. Однако выскочить не успела, «метнув харч» на пороге.

Да, товарищи дорогие, каюсь, виноват: когда, сочувственно покачивая головой, слушал от Нинка эту историю, еле сдерживался от хохота. Надо было видеть её глаза, горящие от негодования и праведного возмущения! А в завершении рассказа прозвучала «добившая» меня коронная фраза, как квинтэссенция протеста и мести: «И не убрала за собой!» И я, всё-таки не выдержав, взорвался гомерическим хохотом... К счастью, это был последний для Нины колхоз — папа-декан стал в августе «сажать» дочку в канцелярию приёмной комиссии, что давало законное право на каникулы в сентябре.

Не скажу, что «вошедший в историю» хозяйский пацан-шестилетка ставил перед собой какие-то цели в отношении Нины. Нет, ведь он был обыкновенным деревенским мальчишкой. Я и сам в Сармаш-баше

в тот год проживал в доме, где было четверо детей, плюс нас, расквартированных, столько же. Да-да-да, размещали нас обычно по домам колхозников. Представляете? И ничего — почти месяц уживались под одной крышей. Наверное, в это сейчас трудно поверить, но тогда такой был народ — в большинстве своём простой и радушный.

Помню, младшенький хозяйский сынок по имени Самат, перво-классник, привязался ко мне настолько, что даже спал вместе со мной. Приходя домой, он первым делом спрашивал домочадцев: «Петя Иванович (так он меня звал) кайда (где)?» И мы, если я в тот момент не работал на току, сразу начинали с ним бороться. Потом он обедал, затем мы вместе делали уроки, разучивали песенку «Братишка Саматка теперь первоклашка» на мотив «Сестрёнки Наташки» — больно ему нравилась эта песня.

Часто Саматик недоумевал по поводу того, что «Петя Иванович» еле-еле говорит по-татарски, но умеет читать (правда, почти ничего при этом не понимая) и писать, что для него самого тогда ещё было заоблачной мечтой. И, несмотря на то, что мы иногда не понимали друг друга (мальчик поначалу совсем не говорил по-русски), друзьями стали закадычными. Мать-хозяйка, Гульсина-апа, не могла на меня нарадоваться. И видя, что мне, ударно вкалывавшему на свежем воздухе, жрать хотелось постоянно, часто подкармливала, угощала чем-нибудь вкусным.

У Саматика были три сестры. Старшая, Гулюза, мне очень нравилась — спокойная, налившаяся соками статная молодая женщина. Выпускница Казанского института культуры работала директором местного «Культура йорты». Краем уха я слышал, что ей пришлось пережить какую-то сердечную драму, но это и так было видно невооружённым глазом — Гулюза всегда была тиха и печальна, что ещё больше придавало ей загадочности и шарма. Видать неспроста ей, специалисту с высшим образованием, пришлось вернуться из города домой, где и без неё было — мал-мала меньше.

Я рассказал о своей симпатии девчонкам из группы, проживавшим со мной в этом же в доме, и они, «редиски», «сдали» меня её отцу — Суфияну-абый. И тот с радостью воскликнул: «Гулюза, кил монда (иди сюда)!.. Питкя (так меня звали в татарских деревнях), забирай её, а?!» Понятно, всё это было в шутку. Но выдавшие мой

секрет одноклассницы-соседки, не доверяя полностью шутовществу ситуации, на всякий случай увещевали меня: «Как ты не понимаешь, ей нужен работающий деревенский татарин, зачем ей учёный муж типа тебя?!»

А позже выяснилось, что пристальный интерес я вызывал у средней дочери — восьмиклассницы Ильсии. Не стану самообольщаться, скорее всего, я был просто первым молодым человеком, так не похожим на местных «жегетляр», студентом университета, который оказался в непосредственной близости — под одной крышей. За день мы с ней перекидывались парой фраз о чём-то несущественном, иногда я шутил, а она стеснялась. И как же я удивился, когда буквально за день до моего отъезда, Ильсия подошла ко мне и, опустив глаза, еле слышно пригласила на дискотеку. Моя ты матурым (красавица)! Но после трудового дня я был замёрзшим, мокрым, голодным и уставшим, и идти никуда не хотелось. С другой стороны, я понимал, чего ей стоило такое приглашение. «Сходить, что ли? — терзался я. — Но зачем?..» До сих пор, вспоминая этот эпизод, мне становится немного грустно и светло...

С Саматиком и его младшей сестрой четвероклассницей Гульсам мы часто ходили в осенний лес, что на пригорочке сразу за деревней. Снимали с цепи «за компанию» пса Шарика — он с лаем носился туда-сюда, как угорелый. Летняя практика по зоологии и ботанике ещё была свежа в памяти, поэтому я много рассказывал им про лесных животных и растения. Кстати, к моему отъезду Саматик самостоятельно стал складывать русские слова в довольно осмысленные предложения — в школе начались уроки русского языка. Мне приятно было осознавать, что именно со мной он закреплял свои знания на практике. Впрочем, и я немного улучшил свой татарский, общаясь с детворой.

Суфиян-абый всегда был серьёзен и суров. В колхозе он числился передовиком, работал трактористом, в уборочную — от темна до темна. Частенько за ужином, приняв «с устатку» стопочку, рассказывал про потрясшую его воображение Болгарию, поездкой в которую был премирован: «Эх, Питкя, если б не дети, остался бы там!» Так он обычно заканчивал своё повествование. И мой вопрос, какой город лучше — Казань или София, воспринял почти оскорблением, чуть не ругнувшись, ибо ответ изначально угадывался не в пользу родной Казани той поры.

Ко мне Суфиян-абый также питал тёплые чувства: из-за Саматика, а сына он боготворил — пацан родился аж с четвёртой попытки; из-за того, что «я — не баба»; а ещё и потому (если это не самое главное), что я, как и вся их семья, был рыжим. Иногда Суфиян-абый, находясь в благостном расположении, обняв меня, говорил: «Вот Питкя — мой родственник — тоже рыжий!»

Кстати, когда мы квартировали в деревне Молвино, меня к себе в родственники радостно «записала» ещё одна хозяйка — Альфинур-апа: в девичестве она была моей однофамилицей.

Вообще, было интересно понаблюдать, что называется, изнутри, за укладом жизни в деревенских татарских семьях. Да, без сомнения, мужчина в них — величина величин! Мне, взрослому молодому человеку, импонировал высокий авторитет мужчины в татарском доме. Спокойствие и уверенность хозяина, послушание ему домашних. Всё-таки у нас в русских деревнях (и не только) женщины любят «потюкать» и «попилить» своих мужичков. И не всегда за дело, зачастую просто так, для порядка. Ничего подобного в татарских патриархальных семьях я не заметил. Однако подобное подчёркнуто-уважительное отношение накладывало на мужчин больше ответственности, что отражалось на самом подходе к жизни. Поэтому, видимо, детей в татарских семьях больше, чем в русских. Меньше разводов. И алкоголь среди татар менее популярен, особенно в деревнях...

Мне любопытно было наблюдать, как ужинал Суфиян-абый. Подав пищу, Гульсина-апа не уходила, а стояла рядом. Закончив трапезу, он приглушённо отыгивал — лицо супруги светлело: муж родной наелся! Нет, друзья, честное слово, нам, мужикам, вне зависимости от национальной принадлежности, такой уклад не может не нравиться! И я не сказал бы, что женщина в татарских семьях ущемлена в правах. Нет. Конечно же, она — равноправная хозяйка дома в полном смысле слова, только придерживается векового уклада.

Я тоже, несмотря на молодой возраст, ощущал уважение к себе со стороны прекрасной половины деревни. После августовских горных походов моя физиономия была украшена густой рыжей бородой. В сочетании с очками и крепким телосложением я внешне «тянул», если не на начальника, то на молодого преподавателя — точно.

Когда приходила пора затяжных, изнурительных осенних дождей, улицы деревень превращались в непролазную грязь, регулярно взбаламучиваемую снующими туда-сюда тракторами и грузовиками. Вдоль каждой стороны улицы, ближе к домам, натаптывались тропиночки. Но они были такие узенькие, что встречного приходилось пропускать, отодвинувшись чуть в сторонку. Так вот, местные женщины, не говоря уже о девочках и девушках, всегда уступали мне дорогу, не забывая приветствовать:

— Исенмесез (здравствуйте).

Со временем, я «обнаглел» настолько, что позволял себе отвечать:

— Яхшы (хорошо)!

Так и ходил по деревне: «исенмесез» — «яхшы», «исенмесез» — «яхшы». Даже привык.

Если быть точным, «исенмесез» дословно переводится — «здоровы ли Вы». Вроде, как вопрос. Принято отвечать на подобное приветствие также: «исенмесез» или просто «исенме» («здоров ли ты»), если приветствуемый младше или хорошо знаком приветствующему. А «яхшы» — «хорошо», согласно этикету, отвечая и не интересуясь в ответ здоровьем вопросившего, может позволить себе только пожилой или просто уважаемый (не зависимо от пола) человек, а не «щегол», типа меня. Ну, уж не судите строго выпендрёжника в моём лице. Просто приятно было чувствовать себя уважаемым человеком.

Не сложно догадаться, особым уважением пользовались начальники и другие власть предержащие в деревне, в первую очередь, председатель колхоза или директор совхоза. Особенно запомнился случай в деревне Молвино Зеленодольского района. Приехав, я сразу заметил двух «жегетляр», постоянно болтавшихся по деревне, часто в нетрезвом виде. Выяснилось, что двое местных друзей, недавно вернувшихся из армии, никак не могли завершить празднование долгожданного «дембеля». Как-то раз, во время обеденного перерыва, их «подшофе» занесло в колхозную столовую. Недавние армейцы-кореша «докопались» до командированных из города на уборочную шофёров. Водилы не хотели развития конфликта. Но тем что-то не нравилось, и они явно лезли на рожон. Чем бы это закончилось — вопрос. Ситуацию разрядил внезапно подъехавший местный бригадир — здоровый, суровый с виду мужик. Он, мгновенно оценив положение, молча, двумя грамотными

ударами свалил дембелей-односельчан на пол, после чего вышвырнул обоих на улицу. «Дембеля» приняли это как должное, мгновенно уткнувшись, и быстро ретировались.

3

С 1980 года, когда я был на втором курсе, нашему факультету поручили шефство над колхозами двух районов Татарии, соседствующих друг с другом — Заинского и Сармановского. Доставляли туда нас тихоходными речными кораблями типа «Ом», зовущимися в народе «омиками», до пристани Красный Ключ, что неподалёку от Нижнекамска. Оттуда уже колхозными автобусами — по хозяйствам. Один колхоз — одна академическая группа.

Отплывали мы днём. К утру были на месте. Честно говоря, такой, менее затратный способ доставки был для нас, студентов, очень неудобным. Если погода стояла хорошая, то было вполне терпимо: народ «растекался» по всему «омику» — по крышам палуб, трапам, шлюпкам. Но в дождь и ветер все, как пчёлы в улей, набивались в помещения верхней и нижней палуб. На середине Камского устья нас обычно покачивало, и некоторых девчонок тошнило. Ночью мы спали, в буквальном смысле, вповалку друг на друге, а потому приплывали в Красный Ключ полуразбитыми и не выспавшимися. Но всё списывалось на молодость. Позже, когда я уже окончил университет, узнал, что доставлять студентов из Казани на места стали автобусами. Что ж, порядок восторжествовал!

Заинский и Сармановский сельскохозяйственные районы оказались почти в центре промышленного треугольника между нефтеперерабатывающим Нижнекамском, автостроительными Набережными Челнами и нефтедобывающим Альметьевском. Кстати, Набережные Челны в 1982 году были переименованы в «Брежнев» в честь почившего в том же году генсека. Многие тогда с сарказмом произносили новое название города, переименовав в «Набережные Челны». К счастью, позже городу было возвращено историческое имя. В те же восьмидесятые велись многочисленные разговоры о предстоящем строительстве в недалёкой Елабуге — родине пейзажиста Ивана Шишкина, месте упо-

коений поэтессы Марины Цветаевой и кавалерист-девицы Надежды Дуровой — огромного тракторного завода, так и не появившегося на свет Божий. Нетрудно догадаться, что народ в поисках лучшей жизни активно переезжал из деревень в эти города, поэтому на селе был кадровый голод, частично утоляемый в уборочную многострадальными студентами.

Тем не менее, оба района были хорошо освоены и плотно заселены: пустующих, заброшенных, зарастающих бурьяном земель я не видел. В Заинске, на реке Зай вращала турбинами построенная в шестидесятые годы ГРЭС, снабжавшая электроэнергией местные предприятия и населённые пункты, а также подключённая к единой энергосистеме. Помню, одна моя одноклассница, разочарованно разглядывая небольшое водохранилище и невысокую плотину станции, недоумённо изрекла:

— И чего разговоров — «Зейская ГЭС, Зейская ГЭС»? Я ничего грандиозного тут не вижу!

И я, осознавая свою недоработку на политинформациях, поперхнулся:

— Ты что, подруга, какая это тебе «Зейская ГЭС»?

— Но название реки Зай по-татарски — «Зей»! — отпарировала она.

Пришлось срочно восполнять информационный пробел, рассказав про строительство под мудрым руководством КПСС грандиозного каскада ГЭС на реках Зея и Буря в Амурской области. Я был дока проводить политинформации в любых условиях, считая это своим святым долгом. Опять прошу, не смейтесь!

Спокойный пейзаж районов представлял собой поля и пашни средне всхолмлённой равнины с редкими перелесками и узкими речками. Мне довелось изрядно попутешествовать по весям этих районов, ставшими почти родными. Я полюбил их неброскую красоту, напоённую осенним запахом влажной земли, стерни, зерна и опадающих жёлтым хороводом листьев.

Причиной первых двух путешествий — на третьем и четвёртом курсах — стала, как это ни банально звучит, любовь. Не моя — Ширшовская. Андрюха запал на однокурсницу Лидуську с кафедры ботаники, но, поскольку группы разводили по разным колхозам, они на время сельхозработ оказались разлучёнными. Прошла неделя, минула другая — письма

всё не приходили, хотя Лидуська, ответившая на его чувства взаимностью, обещала писать через день. Похандрив некоторое время в ожидании весточек, Ширшов немного «отвлёкся» на другую студентку из нашей группы. И вот, в последнюю неделю нашего пребывания пришли все Лидуськины письма разом. Андрей мгновенно прозрел, осознал неправильность своего поведения, боясь, что его могут «сдать» мстительные одноклассники. Да и новый прилив чувств нахлынул — влюблённый Андрюша, отбившись от коллектива, всё перечитывал и перечитывал письма, шевеля губами и как-то грустно и отрешённо улыбаясь. Результат подобной «медитации» не заставил себя долго ждать.

— Так, Петька, быстро собирайся: мы идём к Лидуське! — решительно сказал Андрей.

Мне не очень «катило» двигать по раскисшим дорогам куда-то в соседний район, и я попробовал возразить:

— Слушай, Ширшов, солнце высоко, куда идти-то? Охолонь, скоро и так с ней свидишься!

— Тогда я один пойду!

Понятно, что этого я не мог допустить, поэтому, тяжело вздохнув, стал паковать рюкзак.

— Куда идём-то?

— В деревню Иляксаз, всего в двух километрах от райцентра Сарманово.

— Всего в двух километрах! Ты сперва доберись до этого Сарманово!

Мы тогда трудились в деревне Александровская Слобода (местные упрощали название — «Алслобода») Заинского района. Не без труда получили от Аллы Фаттаховой — одной из старших в нашей группе, аспирантки, ныне профессора университета, — короткую «увольнительную», хотя это было нарушением трудовой дисциплины. Но на что только не пойдёшь ради дружбы и любви!

Быстро добравшись на попутном автобусе до Заинска, мы узнали, что до Сарманова 55 км. Каково? А день уже повернул к вечеру. И вот на перекладных — где на машине, где на телеге, где пешком — мы добирались до манящего «далёка». Автобусного сообщения между этими райцентрами тогда не существовало.

Качество сельских дорог — общеизвестно. Татарстан в то время исключением не являлся — в основном, улучшенные щебнем грун-

товые, кое-где был асфальт. Но на границе районов он оборвался: оттуда нас подобрал ехавший на телеге, запряжённой старенькой лошадкой, один бабай, взяв с нас за проезд песнями. Особенно ему понравилась в моём исполнении татарская народная песня «Закария» — он даже подпрыгивал на соломенной подстилке телеги в такт мелодии...

Моя прародина по отцу — Кировская область, Вятско-Полянский район. Кстати, мой отец был депутатом Верховного Совета Татарстана первого созыва, принявшего Декларацию о независимости Республики. Итак, родившись и повзрослев в Казани, я естественным образом воспринял татарскую культуру, чуть-чуть понимал язык, хотя специально его никогда не учил. До сих пор люблю многие татарские песни. Моё раннее детство прошло в районе Иске Бисте (Татарская слобода), что на берегу озера Кабан, рядом с единственной действующей в то время в Казани старинной мечетью Марджани. Поэтому до сих пор художественно исполняемые суры из Корана, слышимые мной в детстве, навевают благодушие и умиротворение, вызывая приятные воспоминания. А марш Салиха Сайдашева, под который отправляется и прибывает фирменный поезд «Татарстан» сообщением Казань — Москва, люблю так же, как и «Прощание Славянки».

Безусловно, длительное проживание в тесном соседстве с другим народом оказывает большое влияние на формирование человека. Вот и я не стал исключением из этого правила. К тому же моей фамилии присущ национальный колорит, благодаря чему татары часто принимали меня за своего. Было приятно: мне всегда нравился этот жизнерадостный, трудолюбивый народ. А когда требовала ситуация, я и сам не раз успешно «косил» под татарина. И помогало мне в этом одно обстоятельство.

В крупных городах республики не все татары, особенно молодёжь, владели своим родным языком, некоторые вообще его не знали. Не припомню, например, чтобы мой друг детства Фархад, будучи чистокровным татарин, говорил на родном языке, хотя и понимал его. Даже своей родной бабушке, плохо говорившей по-русски и обращавшейся к нему по-татарски, всегда отвечал только на русском, несмотря на то, что мама его часто за это укоряла. Я, кстати, был с ней солидарен.

А я и сейчас под настроение изредка выдаю что-нибудь на татарском, хотя более чем за четверть века, прошедшую с момента моего переселения в Сибирь, почти всё забыл. «Ах, время, время». Старею...

Итак, в густых сумерках мы с Андрюхой добрались до долгожданного Сарманова. Не без труда нашли человека, показавшего дорогу на Иляксаз — конечный пункт нашего путешествия; мерцающая редкими огоньками, деревенька служила надёжным ориентиром. Но, пока мы чапали по грязи последние два километра, на улицах деревни не осталось ни души. Хорошо хоть знали, где искать студенток-ботаничек: их во главе с молодым преподавателем, ныне директором ботанического музея университета Сергеем Любарским, разместили в отдельно стоящем здании, используемом колхозом под общагу.

Уже в кромешной темноте мы постучали в заветную дверь. В ответ — тишина. Как так? Не та деревня? Или девчата успели, досрочно завершив работы, отбыть восвояси? Постучали громче, ещё раз. И ещё. Наконец, робкий голосок слабо спросил: «Кто там?»

Оказалось, что один из местных «жегетляров», влюбившись в студентку по имени Адиба, слишком переусердствовал в проявлении своих чувств, за что был сдан местному участковому, мгновенно вклепавшему ему пятнадцать суток. И вот, за день до нашего приезда «пострадавший» от неразделённой любви, отбыв наказание, всё же наведаясь к Адибе. Присев на краешек табуретки, он, с глубокой укоризной глядя девушке в глаза, только и смог выдохнуть: «Ну, накса (ну, что)?» Кажется бы, «ученье» пошло впрок. Однако вполне могла произойти смена настроения. Потому-то девчонки боялись не только открывать дверь, но и голос подавать. Но нам были несказанно рады даже ночью. А уж Лидуська сияла! Все ботанички, затаив дыхание, не сводили глаз с почти киношной сцены встречи влюблённых. Девчонки вообще обожают подобные зрелища.

Предполагалось, что на следующий день мы тронемся в обратный путь — по крайней мере, так мы договаривались. Какой там! Лишь на третий день, и то по моему твёрдому настоянию, мы, наконец-то, двинули обратно в «порт приписки». Лидуська провожала нас до конца деревни. Иляксаз запомнился двумя изюминками: над всеми водоразборными колонками были поставлены красиво раскрашенные

срубные теремки; а традиционную доску почёта у правления колхоза украшали портреты ударников труда, умело нарисованные пастелью местным Суриковым.

Обратно мы добрались быстро и без приключений, удачно поймав попутный грузовик до Заинска. А в Алслободе нас ожидал «втык» от перенервничавшей Альфии Нурлимамовны за нарушение уговора о сроке возвращения. Но блаженно улыбавшегося Андрюшу, да и меня тоже уже ничто не могло серьёзно пронять.

4

Всю оставшуюся неделю до конца сельхозработ Андрей, мучимый угрызениями совести, тягостно молчал. Да и после возвращения в Казань не меньше семестра всё ждал, что кто-нибудь из «доброжелательниц» нашей группы бдительно «сошьёт» Лидуське компромат.

И основания для подобных опасений имелись, ведь та осень в колхозе вошла в историю нашей группы благодаря незабываемой поэтической дуэли...

Мы с Андрюхой и ещё тремя студентками оказались тогда расквартированными в доме гостеприимной пожилой русской пары — одиноких дяди Васи и тёти Нади. В пристройке к дому квартировал молодой неженатый агроном Фарид, позже влюбившийся в одну из студенток — неприступную Ирочку Скипину, которую мы между собой звали «Скипа». Ну, а мы с Ширшовым попросились на веранду, чтоб иметь хоть какую-то независимость от хозяев. Сентябрьские ночи уже становились холодными, но мы почти не мёрзли — выручали наша с ним неприхотливость и добротная туристская подготовка. По вечерам у нас на веранде постоянно сидели три наши подружки — собиралась такая милая дружеская общинка. Мы вели бесконечные душевные беседы, травили анекдоты, пели под гитару песни Визбора и Никитина и, насколько это возможно, старались не тревожить хозяев, рано ложившихся спать.

Но однажды идиллия резко оборвалась. Был банный день, мы купили пару бутылочек красного винца, закуски и решили душевно провести очередной вечер, попарившись перед этим в баньке. Баня у хозяев

топилась по-чёрному. Мы с Андрюхой великодушно пустили наших девчонок попариться первыми — меньше сажи, больше жара.

И вот, когда мы с ним, напарившись, в предвкушении небольшого пиршества вернулись на свою веранду, оказалось, что наши нечестные подруги всё выпили и съели, не дождавшись нас. Почему они так поступили, я уже не помню, но нас это возмутило до глубины души. Слово за слово, мы вдрызг разругались, а Скипа, в завершение крепкой размолвки, снисходительно выдала: «Спокойной ночи, «квадратные» мальчики!» «Оквადратить» или «квадратнуть» на сленге того времени означало: возбудить интерес и «кинуть» представителя противоположного пола. Наутро был объявлен взаимный бойкот. Точка!

Чем мы с Андрюхой могли отомстить своим «неверным» подругам? Только альтернативой им в виде новых пассий! Вот вам! А вы, голубушки, будете ложиться спать вместе с хозяевами в восемь часов вечера — деваться вам некуда!

Сказано — сделано. Вскоре с нами по вечерам на веранде стали сидеть две студентки: одна из нашей группы, «инкриминирования» которой со стороны Лидуськи так впоследствии боялся Андрюша; другая, типа, «моя» — из параллельной. Однако в глубине души и я, и Андрей сожалели, что рассорились с тройкой «Скипа и Ко». Но нужно было держать марку — гордость и юношеский максимализм не позволяли сделать первые шаги к примирению.

Дальше — больше. Как-то, хлебнув спиртного, мы устроили перед новыми подругами словесную «обструкцию» компании «Скипа и Ко», не особо выбирая выражений. «Бывшие» услышали, точнее, подслушали, и обиделись насмерть. Да и нам самим потом было стыдно за наш нетрезвый трёп, но, как говорится, «слово — не воробей...»

Бойкот со стороны девчат стал ещё демонстративней. Более того, триумвират обнародовал содержание нашего «базара». В результате, к бойкоту в отношении нас примкнули ещё некоторые девчонки.

Лидуськины письма всё не шли. От хандры Андрей предался довольно распространённому по молодости занятию — поэтическому творчеству, чего за ним никогда ранее не водилось. Свободными минутками Андрюша, грызя карандаш, то улыбаясь, то хмурясь, зачёркивая и переписывая выстраданные в муках творчества слова, строчил их в

блокнот. Любительская юношеская романтическая поэзия почти всегда трогательна и примитивна, её не стоит принимать всерьёз. Она лишь отражает состояние души и настроение, присущие только той поре жизни. Но один стихок «за жизнь» мне понравился.

*Известно давно всем, что жизнь — это море,
Бескрайнее море счастья и горя,
Бескрайнее море встреч, расставаний,
Безбрежное море разлук и прощаний.
Друзей и подруг, столь тобою любимых,
Но также теней недругов незримых.*

*Ты мчишься по этому морю привольно
И к цели летишь напрямик, то окольно,
Ты гордо стоишь за штурвалом фрегата,
И взор свой стремишь вперёд, не назад ты.
То бурь, ураганов глотаешь ты пыль,
А то попадаешь в затишье и штиль.*

*И пусть не пугает тебя вал девятый,
Акул ты не бойся, не бойся пиратов,
И жизни себе не ищи ты спокойной,
Невзгоды и беды пройди ты достойно!
Не бойся пройти в жизни лишние метры,
И пусть паруса твои будут по ветру.*

*И коль не прельстился ты манною Божьей,
И коль не сражён ты изменой и ложью,
И если имел ты друзей настоящих,
Коль видел врагов, о пощаде молящих,
И если с любимой делил своё ложе,
Считай, не напрасно ты жизнь свою прожил!*

Лидуськины письма из района в район шли, похоже, через Рио-де-Жанейро. Тоска продолжала всё крепче сжимать своей ухватистой лапой «израненное» сердце моего несчастного друга. Ко всему прочему,

посыпали противные осенние дожди, усилив общий минор восприятия действительности. Даже новые подружки не помогали.

Предавшись дальнейшему меланхолично-неспешному осмыслению жизни и втайне сожалея о разладе отношений с триумвиратом «Скипа и Ко», Андрюша начал писать следующий философско-поэтический опус:

«Поэты» нашей группы: Андрей Ширишов
и Ирочка Скипина (Скипа)

*Как странны отношения людей,
То теплы они, то вдруг холодны,
Ссоры близких и ссоры друзей
Все смешны и с дурачеством сходны.*

*Что ж нам спорить, друзья, что делить,
Ведь живём же все в мире одном мы!
Будем лучше улыбки дарить
Всем друзьям, да и просто знакомым.*

*Но давайте запомним одно:
Тот товарищем назван не может быть...*

М-м-м... э-э-э... может быть, лучше так: «Тот не может быть назван товарищем...» Тут он, набросав оба варианта фразы, остановился, пытаясь уловить нужную рифму, чтобы закончить мысль, а с ней и стихотворение. Но пауза затянулась: что стало причиной? Правильно, разом пришедшие (как вы помните), все Лидуськины письма, вызвавшие сладостную аритмию Андрюшкиного сердца, исстрадавшегося почти за месяц ожидания...

Однажды, уже после путешествия к Лидушке в Иляксад, Андрюша, услышав едва уловимую мелодию нового стиха, вновь потянулся к своему поэтическому блокноту и с явным неудовольствием обнаружил, что его «святителище» не только вскрывали, но и дописали последнюю строфу неоконченного стихика. Сделать это могла только язвительная Скипа:

*Но давайте запомним одно:
Тот товарищем назван не может быть,
Кто за врозь распитое вино
Всех друзей своих матом обложит!*

М-да, метко сказано, прямо не в бровь, а в глаз! Но и это было не всё. Скипу настолько захватила жажда творчества вперемежку с чувством мести, что её растащило на более увесистое эссе с отзвуком нашего текущего напряжённого противостояния. В результате, появился следующий колоритный «шедевр-пародия», который она озаглавила «Извращение», пояснив в скобках: «или что бы вы нам могли написать». «Вы» — это, разумеется, мы с Андрюшей. «Нам» — это, стало быть, им, самонадеянным и обиженным представителям прекрасного пола.

*Посмотрите на этих людей!
Вам не кажется — странны они?
То лесного костра горячей,
То как вьюга они холодны...*

*«Все мы в мире живём» неспроста:
То того, то другого пихнёшь.
В мире том, где ни плюнь — теснота.
Мир один, ну а нас не сочтёшь.*

*«Ссоры близких и ссоры друзей
Лишь с дурачеством можно сравнить»...
Просто с ними нам жить веселей.
(И в театр не надо ходить).*

*...Нет, им этого век не понять –
Хоть кричи от зари до зари!
Подойти, приласкать да обнять...
Не дождѣшься от них, хоть умри!*

*Говорить-то про них говорят,
Будто создал их сам Сатана,
Будто чѣрт им, проклятым, не брат,
Будто бабы похуже вина.*

Только надо запомнить одно:
*Им без нас ни туды, ни сюды,
Все без нас бы пропали давно:
Вдохновляем МЫ их на труды!..*

*А в горящую избу войти,
Оседлать вороного коня –
Дело бабье, как ты ни крути!
И не путайте в это меня!*

*Пусть уж лучше нальют мне вина,
Чтоб в глазах загорелись огни...
А раз выпить смогли без меня,
То не раз пожалеют они!*

*И тогда, не подняв головы,
Скажем мы оправданья слова...
А в ответ нам: «Идите-ка вы...»
В общем, знаете сами, куда!..*

Бумажка с сими «бессмертными» виршами была аккуратно положена девчонками на одну из наших кроватей на холодной веранде, переставшей быть гостеприимной для них с некоторых пор.

Пришлось Андрюше ответить четверостишием.

*Не стоит меня исправлять,
Тем более, если без дела.
Или вам надоело молчать,
Или дуться уже надоело?*

Ответ со стороны оскорблённого триумvirата «Скипа и Ко» в состав которого вошли, помимо харизматичной, литературно одарённой «предводительницы», ещё и Леночка Ильина, и Олечка Утеева, не заставил себя долго ждать.

*Как прикажете вас понимать?
В самом деле: давайте не будем.
Вам самим надоело молчать.
... Ну, а мы? Уж такие мы люди.*

Посчитав эту мысль робкой попыткой помириться, мы с Андреем решили «убить двух зайцев»: с одной стороны, снисходительно принять мир, а с другой — легонечко щёлкнуть по их носикам, высокомерно сделав внушение. В итоге, появилось наше «Обращение».

*Как прикажете вас понимать?
«Уж такие вы люди» — извольте,
Руку дружбы готовы подать,
Но уж первыми быть нам — увольте!..*

*Ссора вышла, повздорили вдруг,
Сами б мы разобрались во всём,
Для чего ж расширять тесный круг —
Люди лишние тут не причём!»*

Очередной ответ компании «Скипа и Ко» на наше «Обращение» увидел свет почти мгновенно. Он был настолько точным, хлестким и метким, что руки опускались при одной только мысли: возможно ли хоть чем-то отпаривать?

*«Обращение» получили,
Покумекали втроём,
Поразмыслили — решили:
На него ответ даём!*

*Руку дружбы на досуге
Вы готовы нам подать?
Нам огромную услугу
Вы хотите оказать!*

*Это очень благородно,
Братцы, с вашей стороны,
Но подобные услуги
Нам, ей Богу, не нужны.*

*Выпил ты? — Никто не спросит.
Раз нашкодил — получай!
То, что трезвый в тайне носит,
Пьяный скажет, так и знай!*

*Бабы — это, братцы, штука.
Не по их — испортят жизнь.
Впредь тебе, дружок, наука:
С бабой, милый, не вяжись!*

*Вздых раскаянья испустишь...
Только есть ли в этом толк?
Как не бейся — не укусишь,
Хоть и близок локоток.*

Такая забавная вышла поэтическая дуэль. Конечно, по приезде в Казань мы вскоре помирились, стараясь не вспоминать это неприятное для нас противостояние. Потом всё это подёрнулось тиной забвения. А Андрей в мае следующего, 1982 года женился на Лидуське. Я был свидетелем на той весёлой свадьбе. А вас, конечно же, интересует: «сдал» ли всё-таки кто-нибудь Андрея Лидуське? Да, сдали... Кто — не знаю.

1982 год. На «Сковородке». Свадьба Андрея и Лидуськи. Крайний слева — автор.
Второй справа — Фарит Зелеев (Зелич)

Лидуська не сообщила. Однако Андрюша узнал о факте слива на него компромата только после женитьбы, да и то лишь в плане констатации Лидуськой самого факта, без развития темы. Мудрая женщина? Просто искренне любящая...

Теперь эти стишки кажутся настолько трогательными, настолько органично вплетёнными в разноцветье весны жизни. Нам было всего-то по девятнадцать. Читаешь — и ничего, кроме снисходительного умиления: ах, молодость-молодость.

На праздновании двадцатилетия окончания университета я выдернул эти стишочки почти из небытия: вот смеха и восторга было!

5

В «колхозном» сентябре свадебного 1982 года Ширшов на правах законного супруга опять двинул к своей Лидусе, теперь уже жене, благо новобрачные оказались в одном районе. И информация из письма о её местонахождении дошла до Андрея довольно быстро. В новое

путешествие молодой супруг кроме меня прихватил за компанию Олега-Насибуллу (трио «АнПеОл» в полном сборе) и Шамиля Омарова. Шамиль — студент-зоолог, здоровый, весёлый, рискованный, в недавнем прошлом член молодёжной сборной Дагестана по вольной борьбе. За буйный нрав и любовь к прекрасному полу получил прозвище «Шамец» или просто «Шама».

Это путешествие стало нашим вторым «историческим». В тот год мы с Андреем впервые оказались не со своей родной группой, а с зоологами в деревне Ляки Сармановского района: после того, как мы немного задержались в горном походе на Фаны, деканат нас откомандировал туда, где не хватало «личного состава». Также впервые нас разместили в бревенчатом одноэтажном общежитии с печным отоплением, а не в домах сельчан. Это было большим удобством, так как уже не приходилось подстраиваться под ритм жизни приютивших нас хозяев. Жаль лишь — не было телевизора. И передо мной встала проблема: где посмотреть первые матчи европейских кубковых турниров по футболу, стартовавших по осени. Выход был найден оригинальный — требовалось найти армянских строителей-шабашников. Уж они-то футбол обожали, особенно когда играл ереванский «Арарат». В те времена в любой, даже самой глухой деревушке, как правило, на возведении животноводческих ферм обязательно трудилась армянская строительная бригада. Проживали «гости с юга» отдельно, иногда со своими семьями. С местным населением они практически не общались, поэтому искренне радовались возможности пообщаться с нами. А усвоенные мною от однокурсника Даника Мартиросяна слова «бареф дес» (здравствуйте), «тах цот» (как дела), «шноркагалютён» (спасибо) и «цтесютён» (до свидания) производили на армян просто магическое действие. Неудивительно, что и подкармливаться иногда удавалось у гостеприимных кавказцев...

Ляки́ (с ударением на второй слог) — старинная деревня татар-кряшен. Кряшены, или крещёные татары — большая этническая группа, отличающаяся от других татар тем, что носят русские имена и фамилии, исповедуют православие и едят свинину, а самая распространённая кряшенская фамилия — Осипов.

Рядом с нашей общагой в траве и кустарнике мы обнаружили старые могильные плиты и камни. Местные пояснили, что раньше неподалёку стояла церковь. Мне особенно запомнилась одна опрокинутая зам-

шелея плита, на которой красивыми славянскими, потемневшими от времени буквами с ошибками было высечено: «Здес покоеться прахъ рабы Божий Евдокии Анисимовны»... Такое щемящее, родное славянское имя-отчество. Правда, вполне могло стать, что давно усопшая не произнесла в жизни ни одной фразы по-русски.

Особо хочу отметить, и говорю это со всей ответственностью, что за время моих путешествий по Заинскому и Сармановскому районам, которые я знаю лучше всего, мне в те годы ни разу (ни разу!) не встретились ни мечети, ни церкви. Что ж, безбожникам из идеологических отделов обкомов-райкомов, будь они неладны, — пять баллов за их чёрную, насильственную атеистическую работу. Или анафема по сегодняшним меркам. Благо, хоть сейчас в Татарстане, пожалуй, нет ни одной деревни без храмов Божьих — либо мечети, либо церкви, а то и того, и другого в одном поселении.

Мне почти не приходилось сталкиваться с проявлениями национализма, так — редкие и мелкие бытовые «тёрки», не более того. Несмотря на разное вероисповедание и этногенез, напряжённую в далёком прошлом историю взаимоотношений, со временем русские и татары стали ментально очень близки. В республике высок процент межнациональных браков, население, как сейчас принято говорить, толерантно друг к другу. И русские, и татары отчётливо осознают грань, за которую не нужно переходить в отношениях друг с другом. Да и «Бабай», президент Татарстана Минтимер (в переводе дословно «я — железо») Шаймиев, постоянно подчёркивал, что здоровые межнациональные отношения — основа благополучия Республики Татарстан. За что я голосую обеими руками. Дай-то Бог, храни Аллах!

В Заинском и Сармановском районах русские и татарские деревни внешне, в большинстве своём, мало отличались друг от друга: традиционные бревенчатые избы с украшенными наличниками под двускатными крышами. Перед тремя окошками, как правило, выходящими на улицу, — палисадники, за забором и воротами — сараюшки, баня, хлев. Сейчас в Татарстане новые дома строят, как правило, из кирпича, большие, просторные, внешний вид их мало похож на те патриархальные избы из моего студенчества. Впрочем, их тоже осталось ещё немало до сих пор.

Второе «историческое» путешествие. Бикметьево (Сармановский район). Вверху слева направо: Шамиль Омаров (Шама), Диляра Фаттыхова, Олег Волков (Насибулла), молодые супруги Шириовы – Андрей и Лидуська. Внизу слева направо: Адиба, автор, Румия Муталипова

Трогательная встреча молодожёнов, после нашего марш-броска из деревни Ляки в деревню Бикметьево произошла в доме, где провела детство чемпионка московской Олимпиады-80, велосипедистка Надежда Кибардина. А на ночлег нас разместили в соседнем доме — маленькой, наполовину вросшей в землю избушке, где проживала одинокая старушка, согласившаяся в тот день переночевать у соседей. Спасибо ей за это! Гитарку мы принесли с собой, поэтому трио «АнПеОл» дало торжественный концерт в честь знаменательной встречи. Ботанички из группы Лидуськи были на седьмом небе от восторга.

Наше веселье вызвало нездоровое возбуждение у местных «жегтяр», нарезавших круги около избушки, ибо внезапное появление каких-то чужаков им решительно не понравилось. Они всё вызывали нас «на разговор», но девчонки, успевшие за месяц познакомиться со многими из них, умело уладили назревающий конфликт. Уязвлённый этим до глубины души боец от бога Шама Омаров — горячая кавказ-

ская кровь — играл желваками и, сжимая кулаки, всё цедил сквозь зубы: «Ну, блин, если встречу кого из них в Казани — ур-р-рою!» Однако трезво оценивал ситуацию: силы абсолютно неравны.

В тот раз нас, откомандированных в Ляки мужиков, оказалось аж десять человек вместе со старшим — преподавателем-зоологом Александром Михайловичем Шамовым. А десять мужиков, да ещё во главе с непобедимым Омаровым, согласитесь — сила! Впервые нам с Ширшовым не надо было улыбаться местным «жегетляр», завязывать какие-то контакты из соображений безопасности. Олег-Насибулла, здоровый лось, даже «раздухарился», спросив кого-то из нас нарочито громко, чтоб слышали местные: «А вот интересно, смогу ли я с одного удара посадить на задницу деревенского?» Никаких возражений или комментариев на эту явно провокационную фразу с «противоположной» стороны не последовало, что придавало нам уверенности в себе...

Но, смешно сказать, «битва гигантов» произошла между своими же, зоологами. Был чей-то день рождения, и студент Шура Бастраков, выпив лишнего, стал недостойно себя вести. Шама Омаров призвал его к порядку, но тот отмахнулся, мол, отвали. Слово за слово — и воинственный Шама, издав боевой клич, бросился на Бастракова. Невесёлая участь Шуры в противостоянии с Омаровым не вызывала сомнений ни у кого из нас, так как он, хоть и выглядел настоящим «амбалом», был рыхлым и медлительным. Естественно, нам всем пришлось разнимать драку. Были опрокинуты столы, лавки и даже разбито стекло. А у Александра Михайловича при этом прихватило сердце. Я с большим усилием вывел Бастракова от греха подальше на улицу. Но Шама, будучи немного постарше Шуры, ещё долго кричал: «Прибью молокососа!» Местные орлы, обалдевшие от такого, видимо, доселе невиданного впечатляющего зрелища, потеряли дар речи. Они постоянно крутились возле нашей общаги, но в тот момент, как мне показалось, вообще куда-то попрятались.

Кроме этой колоритной махаловки, последний наш студенческий «колхоз» запомнился беседами, песнями, спорами допоздна, общими ужинами, любовными интрижками, шутками, смехом...

Объектом весёлых шуток были, разумеется, студентки. Правда, они шутки весёлыми не считали: когда среди ночи кто-нибудь из нас

забирался на крышу и кидал в дымоход печки тлеющую тряпку, заткнув чем-нибудь трубу — это было разминкой. Заполняющий комнату едкий дым заставлял их просыпаться, заливать тряпку водой, при этом девчата извергали смачные эпитеты в наш адрес, что нас очень веселило.

Как-то Шама с Бастраковым поймали на улице молодого бычка и, заглянув к нам в комнату, предложили: «Запустим к девчонкам?» Мы с готовностью откликнулись. Сказано — сделано: упирающегося, ничего не понимающего бычка мы затолкали в женскую комнату, а дверь надёжно припёрли. Бурная реакция студенток не заставила себя долго ждать: поднялся дружный визг. Соскочив с коек, девчонки стали хлестать бедное животное тряпками, подгоняя его к двери. Замычав и обезумев, бычок полез на чью-то койку, а поскольку его копыта были в грязи и навозе, визг и крики, вперемежку с ругательствами только усилились. И вдруг шум разом стих. Мы забеспокоились, — забодал от там кого-то, что ли, — и открыли дверь. Но оказалось, что бычок, приподняв голову, оттопырив хвост и расставив ноги, начал опорожнять мочевого пузыря. Девчонки, оцепенев от ужаса, наблюдали за расплзавшейся по полу лужей. Немая сцена. Почти как в «Ревизоре». И тут пропищал слабенький, дрожащий голосок одной из них: «Ну вот, теперь сами будете убирать!» И грянул бешеный, безудержный хохот с нашей, разгильдяев, стороны!

Но самый весёлый, по нашим представлениям, прикол мы припасли напоследок. По пути на поле, у обочины лежали останки павшей лошади. Полусгнившую голову бедного животного мы притащили к общаге и спрятали неподалёку в крапиве. План был таков: кому-то из нас предстояло накрыться простыней и, с привязанной к палке конской головой, войти ночью к девчонкам в комнату и заржать. А там — как масть ляжет.

Идти вызвался однокурсник-зоолог Олежка Френкель. Он, тихонько изображая ржание, долго ходил между койками. Но девчонки, умаявшись за день, спали, как убитые. Только одна из них, узнав голос Френкеля, полусонно сказала: «Слушай, Олег, не мешай спать, уйди, а!» Тогда он заржал громче. И тут, разозлившаяся третьекурсница Олечка Прошкина вскочила с кровати и схватила тёмный силуэт. В этот момент кто-то из девчонок врубил свет. На бедную Олечку смотрели крупные

белые зубы полустгнившей конской головы. Оказалось, что девушка вцепилась в её уши. Гнилые уши с хрустом оторвались от головы, оставшись у жертвы в руках! Голова сорвалась с палки и, под Олечкин пронзительный визг и громкое «и-го-го» Френкеля, глухо бухнулась в таз, где было замочено на ночь чьё-то бельишко. Из-под угодившей в таз головы стала вытекать мутная коричневая жидкость. Девчонки, как по команде, ринулись молотить бедного Олежку, и тот, под наш гомерический хохот, пулей вылетел из комнаты. Второй приступ смеха вызвал несчастный вид двух девчонок, которые, брезгливо отвернувшись от таза, пошли выплёскивать всё его содержимое в ближайшие заросли крапивы.

Ничего себе — шуточки...

6

Да, веселье, смех — неотъемлемые атрибуты студенчества. Недалом в древнем студенческом гимне поётся: «Гаудеамус игитур, ювенес дум сумус!» — «Итак, будем веселиться, пока мы молоды!» Но, шутики шутками, а мы в колхозах и работали, и вкалывали — ишачили.

После поступления в университет в 1979 году нас послали на строительство животноводческого комплекса в деревню Молвино Зеленодольского района. Заняты мы были, в основном, на подсобных работах: на железнодорожной станции Албаба, что в трёх километрах от Молвино, разгружали из полукрытых вагонов кирпичи для стройки. Почему кирпичи привозили гружёными валом, а не аккуратно уложенными на поддонах, — непонятно. Да и никто таким вопросом не задавался: наше дело — выгрузить, «филонить» было некогда. Затем также валом закидать в грузовики. На стройке их сбрасывали из грузовиков на землю. Целых, неразбитых на части кирпичей оставались единицы. Я догадывался, что это, мягко говоря, не по-хозяйски — сложенные из обломков кирпичей строения даже внешне выглядели далеко не парадно, хоть и были совсем новыми.

Довелось нам на той стройке и несущие стены фермы бетонировать. Однако за месяц не заработали «ни цента»! Обратившись к старшей по группе, ассистенту нашей кафедры Неле Калимуллиной (которую

мы впоследствии звали «завшкафом»), мы задали вопрос: где деньги. В ответ прозвучало:

— Всё, что мы заработали, пошло на оплату питания в столовой...

Блестяще! Понимаю, конечно, что нас заняли не самой высокооплачиваемой работой, но какие-то копейки мы должны были получить! Видимо, их получил кто-то другой, не из наших. Бог с ними. Да и Неля раздражённо акцентировала:

— Ведь сентябрьскую стипендию вы всё равно получите!

Стипендия, или «стипа», составляла тогда сорок рублей. Но мы особо не расстраивались — все были счастливы, что совсем недавно успешно выдержали трудные вступительные экзамены. Знакомились друг с другом, пели и смеялись, смеялись и пели: «Сарай мой, сарай, сарай непокрытый соломой, а я куплю солому, покрою тебя мой сарай! Припев: «Завтра ягодки будем сажать!» Куплет. «Сарай мой, сарай...» И так без перерыва по часу, а то и по два. Красота! Вспоминаю то время, как лишённое всяких проблем — улыбки с наших лиц не сходили. Да и кормили в колхозной столовке неплохо. К тому же, у меня начал разгораться процесс влюбления в одногруппницу Танечку Клокову, по прозвищу «Кло». А что на строительстве коровников — бардак, и что по денежному вознаграждению за наше участие в их возведении — «баранка», так это, как говорил дорогой Леонид Ильич Брежнев: «кое-где ещё имеющие место, кха-кха, отдельные недостатки».

На олимпийский 1980 год в организации студенческих сельхозработ произошли серьёзные изменения. Дело в том, что на очередном историческом Пленуме ЦК КПСС, «в обстановке единодушного одобрения», была принята Продовольственная программа, впоследствии бесславно почившая вместе с партией. В ней оговаривалось, что «шефская помощь селу» со стороны студентов должна заключаться только в уборке урожая, и ни в каких работах больше.

С ВУЗами заключались договоры. За нашим факультетом закрепили Заинский и Сармановский районы. Из числа преподавателей мужского пола назначались старшие по районам. В их обязанности входило следить за соблюдением договоров. Особенно мы любили старшего преподавателя кафедры генетики Евгения Сапаева, или «Сапача», как мы его звали, — неженатого, колоритного жизнерадостного человека,

Однoгруппницы Нинoк Гoлубeвa (слeвa) и Тaнeчкa Клoкoвa (Клo)

неравнодушного к студенткам, увлекавшегося творчеством Шекспира, которого читал в оригинале.

Итак, второй курс, 1980 год, всесоюзный старт Продовольственной программы. Нашей группе выпало ехать в Заинский район. С пристани Красный ключ нас, изрядно помятых дорогой, забрал автобус из колхоза имени Ленина (село Верхний Налим). Алга (вперёд)!..

Мы с неразлучным Ширшовым и двумя однoгруппницами благополучно разместились в доме бездетных Анаса-абый и Аскар-ии-апы (с ними проживала также старенькая мать хозяина — на удивление, бодрая и смекалистая бабуля). На следующее же утро у нас объявился Сапач. Он, хитрец, знал куда идти: про мою идейную стойкость и марксистско-ленинские убеждения на факультете ходили легенды. Дело в том, что автобус из соседнего колхоза имени Чапаева, деревни Сармаш-баш, сломался по пути к Красному Ключу и к «раздаче» студентов не поспел. А на току, дескать, зерно горит, народу катастрофически не хватает. И председатель колхоза имени Ленина согласился поделиться с соседями-чапаевцами половиной студентов.

Как ни комфортно разместился я у своих хозяев (мы сразу же понравились друг другу), но надо — так надо: общественное выше личного. Я обошёл все дома, где разместились одnogруппники и с грехом пополам набрал десяток девчонок для переезда в Сармаш-баш. Автобус оттуда уже стоял «под парами». Понятно, что опять куда-то двигать никому из девчонок не хотелось. Но я был очень убедителен в том, что «место комсомольца там, где трудней, что выполнение грандиозных задач Продовольственной программы, исторически начертанной ЦК КПСС и лично Леонидом Ильичом Брежневым — священный долг каждого советского человека». Одним словом, с поставленной задачей мобилизации трудовых резервов из числа студенток нашей группы справился успешно. «Святой!» — с восхищением потом за глаза сказал про меня Сапач.

Разместились мы, напомним, в доме у Суфияна-абый. Работали на току: зерно с полей привозили грузовиками и высыпали на асфальтированную площадку для предварительной подсушки на воздухе — только что обмолоченное, оно ещё «дышало». В нашу задачу входило периодически просушивать зерно с помощью веялки-погрузчика. Зерно надо было с земли подавать лопатами под цепные лопасти подборщика. Иногда, если зерно было не особо чистым, его с помощью другой, немного видоизменённой веялки, требовалось ещё и просеивать. Необходимость этого определяли либо бригадирша Менджия-апа, либо молодой агроном Азат, до солидной приставки к своему имени «абый» (дядя) он пока не дотягивал. Со временем и я научился безошибочно определять, требуется просеивание или нет.

Подсохшее на воздухе зерно загружали в грузовик, который отвозил его на зерносушилку для окончательной просушки и складирования в амбаре. Словом, работёнка не хитрая, особых навыков не требовала. «Каков ток — таков итог!» — гласил плакатик на въезде.

Часто на веялке соскакивала с шестерни цепь подборщика, приходилось останавливаться и ждать, пока механик Халим не оденет её обратно. Но, поскольку Халим появлялся далеко не сразу, я научился сам с помощью железной жлыги надевать цепь на шестерню, что требовало немалых усилий. Но ведь самое главное — не прекращать работу! Уборочная страда мобилизует каждого! «Все — на выполнение Продовольственной программы!» А машины, командированные вместе

с шофёрами из Елабуги, всё шли и шли с полей, гружёные золотистым зерном.

Работали мы по графику: три дня с 8 до 17 часов, следующие три дня с 18 до 24 часов. И так по кругу. В пересмену с дневного режима на вечерний я как раз и выкраивал возможность сходить в гости в Верхний Налим, стоявший в семи километрах от Сармаш-баша. Там, переночевав в доме у Андрюши, мне тоже приходилось с утра идти на ток, теперь уже с верхненалимским «филиалом» нашей группы. Но и это для меня было не в тягость, ведь когда-нибудь «мы придём к победе коммунистического труда»! А потому: «трудовые будни — праздники для нас!»

Правда, Андрей не умел и не хотел учиться надевать соскочившую цепь подборщика. Поэтому, когда в очередной раз цепь соскочила, вся группа с удовольствием растянулась на куче тёплого зерна, используя временный тайм-аут для передышки. И тут я, в нарушение принятого порядка, САМ полез её надевать! Ну, в своём ли уме? В мой адрес полетели гаденькие мелкобуржуазные выступления: «Питка, ты кончай это дело, садись, передохни, тебе что — больше всех надо?» А Леночка Ильина, видя, что у меня не сразу дело получается, запела: «Наша взяла! Наша взяла!» Меня же это только подзадоривало. И, всё-таки надев цепь, победоносно всех оглядывая, я парой идеологически выдержанных фраз быстро привёл в чувство распутившуюся без меня часть группы. Кто-то из девчонок даже злобно прошипел: «Ты бы лучше вообще не приходил в гости!» «Ладно, — думаю, — по возвращению на учёбу буду работать с вами на политинформациях с утроенной энергией».

А вечером пешим порядком — назад, в Сармаш-баш, уже на свой ток к вечерней смене. Двужильный был!

И вдруг в один прекрасный день на току не появились ни Менджия-апа, ни Азат, ни Халим, только грузовики везли и везли зерно. Я знал, что началась уборка картошки, понимал важность для сельского жителя наличия приусадебного участка. Мы, кстати, всегда помогали хозяевам, у которых квартировали, в копке картошки. Но! Никак не во вред колхозному делу! Ведь я также знал, что колхоз — коллективное хозяйство — способствует формированию у сельского труженика сознания общественного собственника. Ибо «колхозно-совхозная,

а также общественная собственность, создают экономический базис социалистической общественно-экономической формации, самой передовой в мире стадии исторического развития человеческого общества, в преддверии высшей формы общественного развития — коммунизма». Так нас учили ещё в школе на уроках обществоведения — предвестника курса научного коммунизма. Ну как же вы, члены колхоза имени легендарного героя гражданской войны Василия Ивановича Чапаева, сложившего свою голову во имя победы светлых идеалов бесклассового справедливого общества, не понимаете этого?!! Как вы, обуреваемые «частнособственническими пережитками времени», можете забыть про колхозное зерно и копать СВОЮ картошку?! Ведь общественное — выше личного!

Кучи зерна на площадке перед зерносушилкой, которая, к счастью, не переставала работать, стали угрожающе расти, а мы, студенты, не успевали их перелопачивать. Ко всему прочему, посыпали противные осенние дожди. Сунешь руку в кучу, а зерно внутри горячее. Зерно на току горит, а колхозники свою картошку копают! Разве такое возможно?! Значит, возможно. Значит, есть что-то ещё, до чего я не «до-тумкиваю».

Но вот встречаю у правления Менджию-апу: «Сез кайда (Вы где)?! Токда эшлерге киряк (на току работать надо)!» «А-а, — отмахнулась она, — беренге (картошку) выкопаю сперва, «беренге — икенче икмек» (картошка — второй хлеб)». Ладно, думаю, с тобой всё ясно. Выловил кого-то ещё и начал «затирать» про Продовольственную программу, про колхозное строительство, но тот, посмотрев на меня, как на умалишённого, презрительно ухмыльнулся: «Да пошёл ты...»

«Добил» меня командированный из Елабуги шофёр Мишка, весёлый, безбашенный ухарь. Он на своём ЗИЛке по деревне носился, как угорелый. Разгонит ЗИЛок по площадке и затормозит резко перед самой веялкой — его аж разворачивает юзом, ни дать ни взять — гонщик. Но тут он высыпал полный кузов зерна прямо в лужу. Я ему возмущённо:

— Ты что, не видишь куда высыпашь? Это же — хлеб! Знаю, что тебе колхоз до фени, но...

Разбитной «Шумахер» грубо перебил:

— Да пошёл ты со своим колхозом!

Со «своим»! То есть, с «моим»?! Смысл крылатой фразы «и всё кругом колхозное, и всё кругом моё» обретал явь и плоть, в прямом смысле слова.

Хорошо, что картофельная эпопея быстро закончилась. Но факт вопиюще несознательного отношения колхозников к общему делу основательно разбередил мою «девственную» душу. Ехал домой невесёлый, пытаюсь осознать и осмыслить пережитое. Тот незабываемый колхоз имени Чапаева стал поворотным пунктом начала дрейфа моего марксистско-ленинского мировоззрения в идеологически противоположную сторону. Одна радость: заработали мы аж по 25 рублей и уехали домой дня на два раньше «верхненалимцев».

На третьем курсе, в 1981 году на ниве трудовых свершений меня ожидал совхоз «Красный партизан» в деревне Александровская Слобода — родине исторической поэтической дуэли с триумвиратом «Скипа и Ко».

Когда-то эта деревня была русской, там был колхоз. Но когда образовали совхоз, село стало смешанным по национальному составу. В местной русской школе появились татарские классы. Прибывшее новое руководство, от бригадира до директора и парторга, были татарами.

Почему-то в тот год нас объединили ещё с одной группой, на роду было вдвое больше обычного, поэтому и руководителей-преподавателей было двое. Кроме Аллы Фаттаховой, микробиолог Григорий Лисин — человек с философским взглядом на жизнь.

Как только мы приехали, директор совхоза Вази Нургалеевич принял всех нас в правлении, в своём кабинете. Подобной встречи я больше не припомню. Вази Нургалеевич у каждого из нас заботливо спросил, кто откуда родом. Затем, широко улыбаясь, пообещал нам хорошо заплатить, если мы будем стараться, и пожелал ударной работы. А по домам совхозников нас расселял лично парторг — мужик серьёзный, даже угрюмый. Однако сельчане брали нас на постой с большой неохотой, так как незадолго до нашего приезда на сельхозработы были учащиеся какого-то ПТУ, не отличавшиеся культурой поведения. Поэтому парторгу приходилось постоянно подчёркивать, что мы — студенты ленинского университета.

Одна бабка, высунувшись в окно, настолько активно выражала парторгу своё возмущение по поводу попытки «вторгнуться» на её личную территорию, что парторг начал, подобно мне, строго внушать ей про трудный год, про битву за урожай и так далее. Пару раз местный партийный босс употребил словосочетание «советская власть», на что бабка дала отпор, сравнимый с полным идеологическим апокалипсисом. Я просто обалдел от услышанного:

— А что мне дала твоя советская власть?

— А вон — советская власть к твоей избе тянется! — ответил он, кивнув на два электропровода, идущих от столба к её избе. Парторг без нервов воспринял её «еретические» слова, видимо, бабуля не в первый раз недвусмысленно высказывалась по этому поводу.

— Я за электричество плачу государству, а не тебе! — не стушевалась пожилая «антисоветчица»...

В итоге, никого бабуля к себе не пустила. Да я и сам бы не позволил кому бы то ни было определиться у неё на постой, зорко оберегая сокурсников от «тлетворного влияния».

Чем же помогали мы совхозу «Красный партизан» в священной «битве за урожай», повторявшейся в нашей стране с завидным упорством из года в год?

Сперва нас с Андреем и Айдаром Хазиевым, студентом из другой группы, «кинули» на аппарат витаминной муки (сокращённо АВМ), стоявший за околицей села. Аппарат представлял собой небольшую мельницу с барабаном для сушки измельчённого сена, в который подавался жар от факела, питаемого соляркой — небольшая цистерна с топливом стояла рядышком. Двое должны были подавать в аппарат сено из огромного стога, двое — принимать на выходе сыпавшуюся в мешки муку, завязывать мешки верёвкой и оттаскивать в сторону. Четвёртым в нашей компании был местный пожилой аппаратчик, руководивший процессом и следивший за исправностью работы агрегата.

Однако АВМ был старым, списанным, но совхозные экономисты что-то прикинули, подсчитали и вынесли свой вердикт: годен для приношения сверхприбыли, надо лишь его чуть подлатать. Аппаратчик не уставал костерить местных умников, так как толком не перемолотое сено внутри сушильного барабана постоянно воспламенялось, и из

трубы воздухоотвода АВМ начинал валить густой чёрный дым. Аппарат тут же выключали. А мы, воткнув вилы в стог, с удовольствием разваливались на душистом сенце: требовалось лишь ждать, пока сено внутри барабана до конца прогорит. После чего аппаратчик, от души матерясь, вновь включал свой многострадальный агрегат и извлекал чёрную золу. И так — до следующего воспламенения, а оно не заставляло себя долго ждать. Одним словом, вместо двухсот нормативных мешков с травяной мукой за смену получалось лишь 7-8. Мы даже гитарку на третий день принесли, чтоб не скучать. Ну и как вам такая экономика?

Однажды всех работавших в совхозе студентов срочно перебросили на ферму: требовалось в преддверии то ли районного, то ли республиканского важного семинара, навести внешний лоск. Озабоченный директор метался туда-сюда на своём УАЗике, как угорелый. Конечно, отвлечение студентов на работы подобного рода, не имевшие непосредственного отношения к уборочной страде, было нарушением договора. Однако предстоящее мероприятие, видимо, было настолько важным для уважаемого Вази Нургалеевича, что он сознательно пошёл на это. Мы красили ворота, окна, водопровод внутри фермы, снимали какими-то скребками голубиный помёт с труб вентиляции, выпалывали заросли бурьяна вокруг коровников, даже повесили над входом патристический лозунг. Чтoб навоз не портил картины, дойное стадо на время куда-то переместили.

И вот торжественный день долгожданного мероприятия настал! Все студенты получили выходной: было приказано «забиться по щелям» и на глаза высоким гостям не показываться. Да ради Бога! Мы с Андрюхой, радовались выходному и, развалившись на веранде, брэнчали на гитаре. Вдруг, тяжело дыша, к нам ворвался раскрасневшийся бригадир Фаяз: «Вы работаете на АВМ-ке? За мной!..» Вскоре вся бригада «АВМ-щиков», во главе с привычно матерящимся аппаратчиком, была в сборе.

Фаяз коротко объяснил: «Скоро делегаты на автобусах будут проезжать по дороге мимо АВМ-ки, надо, чтоб вы работали! Проедут — пойдёте домой!» Да без «базаров»! Надо — так надо. Мы дружно взялись за вилы. Вскоре выдавшая виды «АВМ-ка» откликнулась на наш трудовой порыв привычным чёрным дымком из трубы. Мы, как

обычно, растянулись на ароматном стожке в ожидании окончания прогара. Вдруг видим — летит директорский УАЗик, из которого через громкоговоритель грозно гавкнули: «Чего развалились?! Работайте, работайте!» Мы, недоумевая, показали на валящий из трубы чёрный дым — какая тут, к черту, работа? Свирепый «матюкальник» повторил: «Работайте, я сказал!», — и УАЗик улетел дальше, в сторону вылизанных нами, обезнавоженных коровников. Мы, лениво поднявшись, принялись тупо бить вилами по сену. Со стороны выглядело всё в порядке: и работа кипит, раз дым валит, и люди чем-то заняты — картина более чем показательная и символическая; а вдалеке уже показалась неспешная колонна из трёх автобусов.

Уж не ведаю, о чём шла речь в автобусах, понимали ли люди внутри, что они видят из окон, и вообще, имели ли очковтираемые делегаты представление, что это за агрегат, и «с чем его едят». Однако, это не наше дело. С чувством исполненного долга мы удалились восвояси. Показуха закончилась.

Больше на АВМ-ке мы не работали — всех студентов перебросили на ручную уборку кормовой свёклы. Трудились бригадами. Прикинув сотни две-три площади, мы начинали дёргать крупные корнеплоды, выкладывая их кругом. После этого шла обрезка ботвы — свёкла летела в центр круга, образуя небольшую кучу. И так по всему полю — кучки, кучки в окружении обрезанных листьев ботвы. Потом по полю ехал трактор «Беларусь» с прицепом, куда мы забрасывали собранные корнеплоды. Вот и вся «премудрость».

Возили нас на свекловичное поле в кузовах грузовиков. Однажды в распутицу после дождя один из грузовиков забуксовал на косогоре. Водила тормознул и, переключив скорость, резко дёрнул вперёд — мы, стоявшие сзади, кубарем посыпались в грязь. Часть «груза» вывалилась. Хорошо, что водила не сдал назад... Вот такая «охрана труда»! Потому и мы позволяли себе нарушать порядок. И когда Андрюша, получив ворох любовных Лидуськиных писем, предложил сходить к ней в Иляксаз, я осознавал, что это — нарушение трудовой дисциплины, но совестью, как годом раньше, уже особо не мучился: идейная «девственность» была потеряна.

Окончательно пошатнул веру в справедливость расчёт зарплаты. За два дня до отъезда мы «взяли в оборот» бригадира Фаяза, даже бутыл-

лочку водки с ним «раздавили», отстранив от этого ответственного задания «философа» Григория Лисина. Бригадир добросовестно закрыл наряды. И мы уверились, что заработок, как и обещал в самом начале директор совхоза, будет хорошим, о чём поспешили оповестить всех. И вдруг! В день отъезда, получая расчёт в кассе, мы глазам своим не поверили: ведомость пестрила совершенно не логичным, не поддающимся пониманию разбросом сумм, предписанных к выдаче каждому — от двадцати рублей до семидесяти. Как, почему, на каком основании? Но выяснить не у кого: директора нет, бригадира нет — выходной. И совхозный автобус сигналил — пора на самолёт, в аэропорт Бегишево. Самый крутой заработок был у Ширшова — 70 рублей, у меня — 55, у Айдара — 35, хотя работали одинаково!

Студентки с претензией — к нам: вы там о чём-то договаривались с Фаязом, бухали с ним, обещали всем хороший заработок, а выходит, только о себе пеклись! Как можно было доказать, что нет нашей вины?! Ну, девчонок в своей группе мы убедили, даже триумвират «Скипа и Ко», несмотря на бойкот, не нагнетал обстановки. Всё же наши одноклассницы верили, что крысятничать мы не смогли бы. Но вот в другой группе... Погано нам было, но мы ничего доказать не смогли. А я сделал для себя вывод, что в колхозе, в отличие от совхоза, заработок у всех был одинаковым или не было его вообще, как на первом курсе в Молвино. Значит, колхозы, по внутренней сути своей ближе к коммунистической форме труда. Впрочем, в эту абракадабру верилось с трудом. Правильнее было бы заключить: что колхоз, что совхоз — те же яйца, только в профиль. Одна радость: назад обе группы летели из Бегишево на самолёте Ан-24, добравшись до дома за 40 минут.

И вот в 1982 году на четвёртом, уже старшем курсе, настал последний студенческий «колхоз». На пятом, напомним, ехать в колхозы не полагалось.

О насыщенном внерабочем досуге в Ляки я изложил выше. А чем же занимались мы на ниве трудовых свершений? Да почти тем же самым, что и на АВМ-ке в Алслободе, то есть... Гм-гм... Не могу подобрать определение, на языке одна нецензурщина... О! Чего лишнего голову ломать? Так и назовём: синдром списанного АВМ. В Лякинской

интерпретации он заключался в следующем. Нас опять послали на сено, но не косить или делать витаминную муку, а тюковать его, скирдованное в огромный длинный стог, в брикеты с помощью машины-тюковальщика. Подаёшь вилами в заборник сенцо, а машина ходящим туда-сюда поршнем, приводимым в действие трактором «Беларусь», уплотняет его, придавая форму параллелепипеда. Когда брикет достигал определённого объёма, машина автоматически увязывала его с двух сторон полимерной бечёвкой. На глазах огромный стог превращался в аккуратные компактные душистые брикеты, которые несравнимо удобнее транспортировать и хранить.

Всё бы ничего, но на второй или третий день бечёвка на одном конце стала постоянно рваться, а изящный брикет на выходе — разваливаться, и колхозник-аппаратчик снова бросал его в заборник. А поскольку разваливались три брикета из четырёх, то процесс стал напоминать безотходное циклическое действие. Аппаратчик матерился, ковыряясь в агрегате, но бечёвка с завидным упорством всё рвалась и рвалась. И мы, если было тепло, загорали, играли в «царь горы» — кто кого сбросит с вершины стога, при этом грустно осознавая, что деньги подобным образом мы вряд ли сможем заработать. А машина никак не хотела налаживаться. К нам даже приехали с фермы, попросили вручную нагрузить сеном прицеп трактора «Кировец», а затем на ферме его разгрузить, мол, чёрт с ними, с брикетами — коровки кушать хотят. Мы спросили:

- А молочком-то парным угостите?
- Да пожалуйста, на здоровье!..

Вознаграждением стало десятилитровое ведро только что надоевшего, пахучего, тёплого молока, которое мы впятером тут же и выдули, заработав через часок расстройство желудка.

Агрегат-тюковальщик так и не наладили, и на пятый день мы вообще не вышли на работу — незачем. Решили требовать перевода на другую работу. В этой деревне председателем был присланный из райцентра (таких обычно называли «парашютистами») неместный спец, которого кряшены-лякинцы не любили. И он отвечал им взаимностью. Нас он тоже принял крайне раздражённо, потребовав освободить кабинет. Однако мы были настолько уверенными в себе, что тут же возмутились, дескать, дай нормальную работу — уйдём. Главный по

колхозу, чертыхнувшись, швырнул на стол ручку и вышел из кабинета сам. Впрочем, другую работу он нам всё-таки нашёл: разбирать завалы недавно сгоревшей свинофермы, где из-под балок и кусков шифера белели косточки бедных свинок. А ещё через пару дней пришло Широкову письмо от молодой жены Лидуськи, и мы отправились в деревню Бикметьево, уже совершенно не испытывая никаких угрызений совести по поводу нарушения трудовой дисциплины.

Самое интересное, что какие-то копеечки мы всё-таки получили. Закончился последний студенческий колхоз.

7

Отбывание сельскохозяйственной «повинности» позволило узнать о колхозах много любопытного. Но красноречивей всего об этом рассказывал фольклор. Я узнал, что такое колхоз–миллионер. Нет, не то, что вы подумали. Это значит, что государством списано долгов на миллионы (во халыва была!). Слышал, как народная молва переименовала колхоз под названием «40 лет Октября» в «40 лет без урожая». А один музыкально одарённый колхозник символично напел как-то: «И всё кругом колхозное, и всё кругом — ничьё!». Однако лаконичнее всех выражалась бабушка моей супруги, правда, в Татарстане она никогда не бывала. Когда нужно было дать некое обобщённое определение безответственности, неорганизованности и беспорядка в любом деле, она говорила только одно слово: «Колхоз!» Как говорится, не отнять и не прибавить.

Но «контрольный выстрел» в мою некогда высоко идейную голову невольно произвела родная бабушка, мать отца, Александра Алексеевна. Она, 1912 года рождения, была последним, тринадцатым ребёнком в большой крестьянской семье, «поскрёбышем». Баба Саня закончила только два класса церковно-приходской школы, но прошла «университеты» жизни. Вдова фронтовика, сама мать девятерых детей (к великому сожалению, выжили только шестеро), она на себе испытала всю «прелесть» периода «величественного, невиданного в истории человечества построения новой социалистической деревни».

В тридцатые годы многие из нашего рода уехали в Комсомольск-на-Амуре на строительство авиационного завода, получив при этом желанные, не полагающиеся в то время колхозникам, паспорта. Там и родился мой отец, Юрий Петрович. Но что-то не срослось на новом месте — потомственная крестьянская душа позвала на Родину, на Вятку, обратно к земле. Наша семья вернулась в родные места в самом конце тридцатых. Затем — война, гибель деда Петра Васильевича, отца моего отца. На руках вдовы-солдатки осталось трое маленьких детей. Непосильные налоги на приусадебное хозяйство. Правда, Александре Алексеевне посчастливилось ещё раз выйти замуж за инвалида войны Федора Семёновича, которого я почитал за деда.

Потом, уже при Хрущеве, — топор новой политики укрупнения колхозов и ликвидации бесперспективных деревень. Народ массово и бесповоротно побежал в город. И моя бабушка отправила всех своих детей туда же на поиски лучшей судьбины. Иногда вечерами матери-односельчанки хвастались друг другу успехами детей: кто где учится или работает. И хотя некоторые из них даже не могли точно выговорить название техникума или института, звучало главное: мой-от (или моя) — в городе!

В родной деревне Новокуршино из близких родственников не осталось никого. Лишь могилы предков, которые я стараюсь регулярно навещать, да дом, куда я в детстве ездил к бабушке. К счастью, он ещё стоит — в нём живут сейчас чужие люди, я даже заходил к ним в гости...

Так вот. Спрашиваю как-то бабушку:

— Как так получилось, что мой отец родился за тысячи километров от родной Вятки?

Я не помню её спорящей на какие-то политические темы, выражающей «решительный протест» или, напротив, «чувство глубокого удовлетворения». Александра Алексеевна, Царствие ей Небесное, была истинно православной женщиной, труженицей до мозга костей, всегда сдержанной и спокойной.

На мой вопрос она, помолчав пару секунд, ответила:

— Так от колхозов-от побежали...

И это была единственная политически окрашенная фраза, которую я слышал от моей почти святой бабушки. Но большего, кстати, и не надо. В этой фразе — всё.

Нет, отрицать не буду, были и настоящие колхозы-миллионеры: где всё по уму, народ богат и счастлив, а председатель, непременно — Герой соцтруда. Но, пардон, это — «не благодаря, а вопреки» — там, где каким-то чудом удалось сохранить рудимент вековой крестьянской думки о своей земле, хозяйстве, своём роде, наконец. Или, если в этой деревне родился либо Никита Хрущёв, либо космонавт номер три Андриан Николаев — село Шоршелы в Чувашии, где он родился и вырос, я видел собственными глазами.

Итак, за все студенческие годы я целый семестр провёл в колхозах. Плюс семестр на общественные науки — целый курс! Двадцать процентов учебного времени ушло не по назначению, что бы мне ни говорили про важность трудовой закалки и необходимость выработки научного марксистско-ленинского мировоззрения. Одна радость: есть, что вспомнить и рассказать!

8

Но на пятом курсе нам довелось ещё раз вдохнуть ароматный воздух золотых нив и полей. Это был особый исторический вояж уже не в процессе сельхозработ, а в составе факультетской агитбригады — деле сугубо добровольном. И я был одним из инициаторов её создания.

Основу агитбригады биофака составили мы — трио «АнПеОл». Но были и другие участники: две танцовщицы из университетского ансамбля татарского танца «Каз канаты» Фирдаус Хазиева и Лиля Тураева; певица Фарида Халидова, дочь преподавателя биофака Ахмета Бакиевича, которого в студенческой среде называли «Агдам Бокалыч»; роль имитатора звуков, мима, оратора и грузчика исполнял Андрюха Ярин; а руководил агитбригадой Саша Болтаков — комик от Бога. Прокатиться с нами решил замдекана биофака Юрий Степанович Котов — руководитель студенческих сельхозработ, позже ставший делегатом революционного горбачевского Первого Съезда народных депутатов, вбившего первый гвоздь в гроб КПСС. Нашей поездкой Котов воспользовался для того, чтобы лично ознакомиться с условиями труда и проживания студентов биофака в деревнях.

Агитбригада-83. Трио «АнПеОл» (Андрей, Петя, Олег)

Поскольку наши выступления предстояли в полевых условиях, встал вопрос о живом музыкальном сопровождении: в поле ни «усилок», ни «маг» запитать неоткуда. В нашем инструментальном арсенале были две гитары, бубен, моя флейта и балалайка, которую Ширшов освоил самостоятельно.

Меня всегда умиляло название «агитбригада». Ведь никакой, собственно, агитации не проводилось, мы просто давали концерты в деревнях, где были расквартированы студенты нашего факультета с целью поднятия их морального духа. А Олег-Насибулла, у которого тогда вспыхнула любовь, изрёк: «Некоторым студенткам мы поднимали не только моральный, но и физический дух!» Ширшов же сопроводил это изречение весьма уместным дополнением: «На небывалую высоту!» Он, кстати, в тот 1983 год, повысил свой социальный статус, став отцом.

В путь мы отправились на факультетском грузовике ГАЗ-66 с будкой. Шофёр Серёга тоже органично вписался в наш дружный коллектив. Репертуар нашей агитбригады состоял из танцев и песен — русских,

татарских, весёлого студенческого фольклора с песней-фишкой композитора Гладкова из мультфильма «Пластилиновая ворона». Концерт обычно длился чуть больше часа. После вступительного слова Болтакова, мой номер шёл первым: я сольно исполнял на флейте, уподобив её кураю, «Тан» («Утро») Назиба Жиганова.

С этим произведением связан забавный случай. Однажды я исполнил «Тан» на факультетском фестивале самодеятельности. На следующий день ко мне подошёл парень:

— Скажи, а что за вещь ты исполнял на флейте?

— О, это произведение написано знаменитым татарским композитором Назибом Жигановым, Героем соцтруда, председателем Союза композиторов Татарии, автором известной оперы «Муса Джалиль»... — продолжил дальше в том же духе. Интересовавшийся, затаив дыхание, слушал мой рассказ. Закончив, я с важным видом глянул на своего собеседника: мол, видишь, какой я умный! Тот ответил:

— Да-а, большое спасибо! Мне было очень интересно послушать рассказ о моём отце. А то я вчера дома говорю ему, дескать, твою вещь на нашем фестивале на флейте исполняли, а он мне: «Ты знаешь, сын, я никогда ничего для флейты не писал!»

Оказалось, это был Ваня Жиганов, студент-генетик. Пришлось рассказать ему про своего любимого учителя по классу флейты, Акмалетдина Мингазетдинова, в то время работавшего концертмейстером флейт в Казанском театре оперы и балета, пламенного энтузиаста своего любимого музыкального инструмента. Он перекладывал для него многие популярные татарские произведения. Правда, их авторы зачастую об этом и не знали.

Помимо «АнПеОла», моя флейта, как и малая ударная установка Ширшова, звучала ещё в одном факультетском ансамбле — группе Рашида Хасанова. Рашид — молодой колоритный преподаватель-зоолог, на лицо — вылитый Альбрехт Дюрер, отличный гитарист с приятным голосом, автор музыки всех наших песен. Поскольку он был фанатом популярной в СССР венгерской рок-музыки и настоящим «венгроманом», мы звали его «по-мадьярски» — Рашандор Хасанай. На начало восьмидесятых пришёлся период восхождения к вершинам музыкального Олимпа суперпопулярных групп «Машина времени» и «Воскресенье». Поэтому называться, как тогда полагалось,

вокально-инструментальным ансамблем нам казалось несолидным. До сих пор многие вещи, сотворённые под руководством Рашида, пардон, «Рашандора», вспоминаются мне очень интересными и самобытными.

И замелькали, как в калейдоскопе, деревни, многие из которых я хорошо помню до сих пор. Саша Болтаков тогда сочно сказал: «Как здорово! Воздух, простор, а мы несёмся навстречу неизвестности!» Действительно, такое ощущение возможно только в молодости.

Мы давали по три-четыре концерта в день: в поле, на току, в «Культура йорты». И так четыре дня подряд: переезд — концерт, переезд — концерт. Ночевали тоже почти по-походному, где станет ночь, благо, все с собой брали спальные. Как-то раз, в деревне Бухарай Заинского района, заночевали на том же месте, где состоялся концерт — прямо на сцене дома культуры. Зато кормили нас в колхозных столовках бесплатно. Даже как-то добавку давали в обмен на исполнение танца прямо в столовой.

Все выступления проходили на весёлом эмоциональном подъёме, с искоркой, на кураже. Мы отрабатывали свои номера с упоением, выкладываясь полностью. Да и деревенские жители — непосредственные, искренние, концертами не избалованные — горячо нас приветствовали. Бывало, женщины, будь то на току, в поле или даже в проходе между сиденьями зала, вскакивали с мест и начинали отплясывать, когда Фирдаусик и Лилечка под наше живое музыкальное сопровождение исполняли татарские танцы. Песня «Закария», которая некогда по-

«Ленин всегда со мной...».

Концерт группы Рашида Хасанова

служила оплатой за проезд на телеге, получила второе дыхание, ибо фраза «анын биее яхшы, аннан урнек алыгыз» (он танцует хорошо, берите с него пример) воспринималась некоторыми благодарными зрительницами буквально. И когда девчонки выходили исполнять лирический танец на мотив моей любимой татарской песни «Каз канаты» («Гусиные крылья»), среди зрителей всегда прокатывался дружный вздох восхищения. А чего стоили шикарные национальные костюмы, одолженные танцовщицами в своём ансамбле!

Наши студенты тоже были в восторге — дело близилось к завершению сельхозработ, они скучали по городу, универу, и нам были несказанно рады. Такой, знаете ли, абсолютно полный, глобальный контакт между артистами и зрителями — любая труппа позавидовала бы.

А вот связь между деревнями была отвратительной, бедному замдекана Котову не раз приходилось в правлении какого-нибудь колхоза орать в трубку: «А-гит-бри-га-да! Сту-ден-ты! Да-да! Из Казани! Кон-церт! Понятно?» Но, как ни старался он объяснить, кто едет, на том конце провода обычно усваивалось только одно: артисты из Казани. Поэтому объявления о нашем выступлении не отличались разнообразием: «Казаннын артистлары (казанские артисты)! Зур (большой) концерт! Башлана (начало) во столько-то». Зал всегда был полон.

Однажды с волнением узнаю, что один концерт вечером запланирован в Сармаш-баше. Приехав туда и остановившись у «Культура йорты», которым когда-то заведовала незабвенная Гулюза, я стал взглядом выискивать Саматика. Точно, вот он — в стайке пацанят! За три года «мой воспитанник» заметно подрос, свободно заговорил по-русски. Я ему:

— Самат, ты меня не узнаешь?

Он отрицательно покачал головой.

— Я — «Петя Иванович»!

Лицо Самата приняло какое-то непонятное выражение, и он, развернувшись, мгновенно упорхнул. Я удивился этому, но, как выяснилось позже, пацан тут же понёсся домой за отцом. Улыбающийся Суфиян-абый немедленно явился, сгрёб меня в охапку, намереваясь унести к себе домой.

— Суфиян-абый, подождите, мы готовимся к концерту!

— Яхшы, Питкя! Но после концерта — сразу к нам!

Концерт, как обычно, прошёл «на ура». Уже после его завершения на сцену поднялся «жегет», попросив нас исполнить что-нибудь военное: он только что вернулся из армии. Мы, не долго думая, грянули Высоцкого.

*Солдат всегда здоров, солдат на всё готов,
И пыль, как из ковров, мы выбиваем из дорог,
И не остановиться, и не сменить ноги,
Сверкают наши лица, сверкают сапоги...*

Выходившие из зала зрители остановились, а после последнего аккорда устроили овацию. Счастливый «дембель», вцепившись в занавес, чуть не плакал от избытка чувств. Мы решили, что такое выражение лица у него было второй раз в жизни, после приёма в пионеры.

Прихватив с собой Андрея и Олега, я отправился в гости к Суфияну-абый. Старших дочерей дома не было: Гулюза, выйдя замуж, уехала из деревни, а моя тайная «воздыхательница» Ильсия училась в Набережных Челнах, пардон, в Брежневе. А Саматик всё никак не мог со мной наговориться: взахлёб рассказывал, как учится, с кем дружит, приносил какие-то книжки, рисунки, фотографии.

Однако визит оставил тяжёлое впечатление. Чуть раньше один из местных колхозников, которому я когда-то «затирал» про Продовольственную программу, узнав меня, обрадовался и стал делиться новостями. И, вздохнув, сообщил, что Суфиян-абый стал сильно злоупотреблять алкоголем — он и на концерте был выпивши. Жизнь их с Гульсиной-апой разладилась, что было видно по состоянию некогда почти образцового дома. В тот вечер я её вообще не видел. Уходил с тяжёлым сердцем, понимая, что, скорее всего, больше никогда не увидимся. Жаль!

Пару слов хочу сказать о разнообразии товаров в сельмагах РайПО того времени. Никакого выбора, конечно, не было. На прилавках — лишь несколько наименований продуктов: хлеб — и то не всегда, сахар, какие-то дешёвые карамельки, килька в томате. Зато во всех магазинах ровными рядами стояли пузатые трёхлитровые банки с пойлом под названием «Фруктово-ягодное вино». Народ переименовал его в

«плодово-выгодное»: травись — не хочу! Чуть позже, правда, стали вводить запрет на продажу спиртного на время уборочной.

Каюсь, грешили и мы: за время гастролей за воротник залили немало. Уматывались, срывали голоса. Плюс постоянные переезды — на последних концертах только и держались благодаря хмельному тону. Мне с тех пор понятна незавидная участь бродячих артистов.

Вернувшись в Казань, завершили мероприятие громким мажорным аккордом: отчётным концертом в университете. Да ещё решили брать за вход по двадцать копеек в Фонд мира. О! Билетов было не достать! Благодарные студенты стояли в проходах аудитории, сидели на подоконниках, а успех был такой оглушительный, что не забудется мною никогда. Мы стали невероятно популярны на своём факультете — что ж, заслужили. Наша агитбригада была уникальна во всём универе. А трио «АнПеОл» даже удостоилось почётной грамоты от «большого» комитета комсомола.

Весь немалый сбор от концерта (честное слово, всё до копеечки!) сдали через комитет комсомола в этот мифический, неведомый, но постоянно бывший на слуху Фонд мира. «Лишь бы не было войны!» Тем и закончилось прощальное турне по весям сельских районов, сыгравших такую огромную роль в формировании моего мировоззрения.

Став дипломником, я передал агитсекторские дела своему преемнику — коллеге по «АнПеОлу» Олегу-Насибулле. Путешествуя с агитбригадой и имея наметанный глаз пропагандиста, я не мог не замечать наглядную агитацию вдоль сельских дорог. Конечно, моё марксистско-ленинское мировоззрение под давлением правды жизни к пятому курсу успело дать мощную трещину. Но всё же, проезжая мимо очередного лозунга, я мысленно посылая привет своим заочным коллегам из идеологических отделов Заинского и Сармановского райкомов партии. До сих пор эти лозунги у меня перед глазами: «Бишьелыкка — безнен удар хезмет (Пятилетке — наш ударный труд)!»; «XXV партия съездынын карарларын тормышка (Решения XXV съезда партии — в жизнь)!»; и, наконец, самый некогда популярный — «Партиянын планнары — халык планнары (Планы партии — планы народа)!». Вспоминается анекдот про наивного первоклассника, прочитавшего лозунг более чем остроумно: «Планы партии минус планы народа». Точнее не скажешь!

Во все времена люди живут своими радостями и горестями, растят детей, обихаживают родную землю. Не знаю, каково «послевкусие» от этой главы, я лишь хотел правдиво описать всё, что сам повидал, сам прочувствовал. Ни Заинский, ни Сармановский районы, ни Татария в целом тогда не производили тягостного впечатления. Скажу больше: дай Бог, чтобы все районы и области России сейчас были так же обустроены, как эти два района в те времена.

Ну, а колхозная эпопея... Кто-то до сих пор считает колхозное строительство священным, прогрессивным и героическим, а кто-то называет коллективизацию насильственным разрушением крестьянского уклада и психологии. Я — не буду лукавить — ближе ко вторым. Однако истина, видимо, посередине. И хоть писали в «Аргументах и фактах», что «Бабаю удалось соединить феодально-социалистическую модель с достижениями капитализма», но сегодняшний Татарстан уверенно входит в число главных житниц России. Нынешние сельхозпредприятия республики перестали засыпать зерно в пресловутые «закрома Родины», самостоятельно распоряжаясь доходами от урожаев, а потому, в целом, преуспевают. Не было бы ещё засух...

И не надо кивать на то, что при социализме забота о сельхозпроизводителях была настолько трогательной, что «особо отличившимся» колхозам регулярно списывались долги. Вредность подобной практики очевидна: халява развращает. Мне возразят, мол, сельское хозяйство во всём мире дотируемо. Согласен, но... Льготное кредитование или даже целевое субсидирование тех, кто самоотверженно работает на земле — это одно; а вбухивание средств в бездонную бочку ежегодного списания долгов — совсем другое. Парадокс заключался в том, что долги списывали-списывали, а колхоз всё равно «загибался».

Как изменились более чем за четверть века милые моему сердцу Заинский и Сармановский районы — не знаю, не видел. Да и увижу ль? Но, когда я еду на автомобиле из Казани в свою деревню на Вятке, проезжаю по территории трёх других районов на северо-западе Татар-

стана — Высокогорского, Арского и Кукморского. Созерцая местность, догадываюсь, что дела и там неплохи. И, честное слово, получаю удовольствие от состояния дорог, от вида ухоженных полей и аккуратных деревень, кстати, полностью газифицированных.

Летом 2010 года сильнейшие засухи накрыли родной Татарстан, почти убив урожай. Что ж, — зона рискованного земледелия. Её не изменить. Но я искренне надеюсь, что, как поётся у «Любэ» — «будет новый год хлебород, было всяко — всяко пройдёт».

Как я нарушал государственную границу

I

Эта забавная история произошла со мной на каникулах в августе 1981 года. Тогда мне захотелось новых впечатлений и я заранее, ещё зимой, взял в профкоме университета путёвку в Туркмению на двадцать дней: по десять дней на Фирюзу и столицу Ашхабад.

Сначала мы остановились на турбазе в посёлке Фирюза — ухоженном курортном местечке в живописном ущелье Копетдага, которое находилось километрах в пятидесяти от Ашхабада. Название «Фирюза» произошло от туркменского слова «певризе», что в переводе означает «бирюза». Драгоценный камень. Турбаза действительно казалась драгоценным вкраплением в мрачноватых, серых нагромождениях скал, почти лишённых растительности. Копетдаг, как считают геологи, молодое горное образование, порода скал сильно крошилась.

В нашей группе собрались представители разных городов. Казанцев оказалось шестеро: я, Ринат Ахунзянов, перешедший на 5 курс физфака КГУ, две молодые сотрудницы физфака, подруги Лариса и Лузия да супружеская пара Неля и Салих. Мы сдружились, проводя время в вылазках на природу, в играх в настольный теннис и прочих развлечениях, как обычно бывает на отдыхе. Чуть позже к нашей компании прибился азербайджанец Алик (на самом деле его звали Шахид) — воздыхатель Лузии.

Ринат добирался до Ашхабада самостоятельно, через Баку: захотелось, говорит, посмотреть попутно столицу советского Азербайджана, которая ему очень понравилась. Запомним это обстоятельство.

Недалеко от базы, почти сразу за посёлком, начиналась первая полоса границы — заграждение из колючей проволоки с наблюдательными вышками. А сама государственная граница СССР проходила южнее, до неё — ещё километров тридцать. На «первой полосе» никого не было. Кое-где в ограждении зияли дыры. Мы свободно пролезали под колючей проволокой, забирались на вышки, фотографировались. Словом, этот рубеж мы воспринимали как некую формальность. Скорее всего, она служила лишь напоминанием о близости государственного рубежа. Далее простирался беспокойный Иран, в котором совсем недавно, в 1979 году произошла исламская революция. Замечу, что для посещения Фирюзы и Ашхабада требовался специальный пропуск в приграничный район, который оформлялся вместе с путёвкой ещё в Казани.

Первые десять дней отдыха пролетели незаметно. На высоте, в условиях горного микроклимата, августовская жара почти не утомляла. Но когда мы переехали в Ашхабад... Да, товарищи дорогие, столица пустыни Каракум (в переводе с туркменского «чёрный песок»), жаркое дыхание которой мы ощущали постоянно, оправдывала своё название: в небе — почти никогда не заслоняемое облаками солнце; на земле — раскалённый асфальт и выхлопы тысяч автомобилей, снующих по городу. Разместили нас в гостинице «Турист», мы с Ринатом поселились вместе. От жары в номере спасал кондиционер.

За пару-тройку дней мы изучили столицу советской Туркмении — зелёный, уютный, небольшой городок с широкими современными улицами. Особой старины мы там не увидели: жестокое землетрясение 1948 года полностью стёрло город с лица земли, и столицу отстроили заново, стилизовав архитектуру новых зданий под восток.

История Ашхабада, как и многих других городов Средней Азии, начиналась с укреплённого поселения, возведённого русскими в XIX веке. Позже оно утратило своё оборонительное значение, превратившись в захолустье. Новую жизнь вдохнуло строительство железной дороги. Город стал бурно развиваться. Приехало много людей из Средней Азии и из России. А когда была образована Туркменская ССР, Ашхабад стал её столицей. В 1910 году там была похоронена великая Вера Комиссаржевская, умершая от чёрной оспы, эпидемия которой, к несчастью,

пришлась на время её гастролей. Могила великой русской актрисы стала местной достопримечательностью, несмотря на то, что позже прах Комиссаржевской перезахоронили на родине в Тихвине.

Мы побывали на грандиозном, полном изобилия городском Текинском рынке с незабываемыми развалами шикарных туркменских дынь. На фабрике ознакомились, как вручную ткутся знаменитые восточные ковры: искреннее восхищение вызывали отточенные, доведённые до автоматизма движения рук вязальщиц узелков.

На центральной площади города мне очень понравился первый в Средней Азии памятник Ленину, возведённый вскоре после его смерти. Восхитило не само изваяние вождя — оно было маленьким и незапоминающимся — а постамент, выложенный плиткой, повторяющей орнамент туркменских ковров. Позже, после развала Советского Союза памятник Ленину демонтировали, а его место заняла огромная статуя первого президента Туркменистана Сапармурата Ниязова-Туркменбаши, которую отлили из золота. «Алтын-президент», указывая царственной десницей на солнце, двигался вместе со светилом, благодаря особому механизму.

Помимо экскурсий по городу, нам показали руины бывшей столицы древнего Парфянского царства и подземное Бахарденское озеро. Однако, где бы мы ни были, нас безжалостно иссушало «белое солнце пустыни». А в окна гостиницы заманчиво глядели зубцы гор Копетдага, постоянно напоминая нам, как было комфортно в Фирюзинском ущелье. О-хо-хо... И у нас с Ринатом возникла мысль сходить в горы, освежиться.

2

И вот ранним утром, часиков в пять мы двинулись в южном направлении, в сторону манящих гор, надеясь дойти до заветной цели часа за полтора-два, пока не началось пекло. Интересно, что горная цепь вставала прямо из равнины полупустыни — смена характера местности была очень резкой.

Сразу за оазисом столицы начался унылый серо-жёлтый пустынный пейзаж — ни одного населённого пункта мы не заметили. Встречались

лишь редкие саксаулы, верблюжья колючка и повинующиеся ветру, кочующие сухие мотки перекасти-поля. Попалась навстречу отара овец с пастухом — мы поприветствовали друг друга.

За плечами у нас висели рюкзачки с запасом воды, еды, Ринат прихватил с собой фотоаппарат и, на всякий случай, большой складной охотничий нож. Из документов мы взяли лишь гостиничные пропуска.

Протопав почти два часа, мы вплотную приблизились к горам — солнышко уже начало упрямо набирать силу. Но что там за тёмная ровная каёмка вдоль всей цепи гор? Чем ближе мы подходили, тем отчётливей угадывалось — это, похоже, «колючка» первой полосы границы. Точно! Но ничего: ведь это, как мы знаем по Фирюзе, всего лишь бутафория. Зато сразу за ней — такая зовущая, уютная тень и прохлада гор. Мы пошли вдоль столбов с колючей проволокой и, щупая её, подыскивали брешь. Контрольно-следовой полосы, понятное дело, нигде не было видно. И вдруг, как гром среди ясного неба: «Стоять!» Откуда взялся вооружённый «калашами» пограничный наряд численностью в личный состав отделения мы не поняли.

— А, здорово, ребята! Службу несём? — Серьёзности ситуации мы не почувствовали. Но пограничники даже не улыбнулись. Один из них, сняв с плеча Рината рюкзак, заглянул внутрь.

— Ты чего полез, как в свой? — выразил недовольство хозяин поклажи.

— Молчать! — последовал ответ.

— Нет, ребят, серьёзно: вы чё, в самом деле?!

— Следуйте за нами!

— Хорошенькие дела! Ну, ладно, пойдём.

Мы по-прежнему были уверены в том, что нас разыгрывают. После получасового марша мы прибыли к огороженным зданиям с символикой погранвойск. Застава. За всё время следования «погранцы» не проронили ни слова.

Нас провели в одно из зданий и развели по разным комнатам. Что мне сразу не понравилось, — всё делалось молча. В комнате, куда меня завели, я увидел офицера в звании майора. Он, сняв фуражку с ярко зелёным околышем, молча указал мне место у стола и положил передо мной листок бумаги и ручку.

На листочке было напечатано: «Анкета нарушителя государственной границы СССР». Ничего себе! Похоже, игры действительно кончились.

Я удивлённо спросил:

— Товарищ майор, Вы что, серьёзно? Какой я — нарушитель границы?

— Заполняйте, я потом всё объясню.

Помимо обычных анкетных вопросов на обороте листа шёл главный раздел: «мотивы пересечения государственной границы СССР». Там я постарался доходчиво изложить и про сбившую с толку фирюзинскую первую полосу границы, и про измучившее нас в городе «белое солнце пустыни», особо акцентируя, что никаких намерений нарушить границу у нас не было. Указал и то, что никаких инструктажей с нами в Ашхабаде никто не проводил. В общем, уложился на одной страничке.

Ну, думаю, сейчас нас должны отпустить — пограничники не могли не видеть, что мы обычные студенты-балбесы. Глядишь, и до города подбросят, жаль только, что горам придётся «сделать ручкой». Однако майор не торопился и, внимательно изучив мою писанину, спросил, есть ли какое-нибудь удостоверение личности. Нет, отвечаю, только пропуска в гостиницу «Турист» с указанием имени и фамилии. Потом он начал расспрашивать, на каком курсе я учусь, на каком факультете, что изучаю, как добирался до Ашхабада, встречался ли с кем-нибудь по дороге сюда, и кто нас знает в тургруппе. После этого, попросив вооружённого дежурного присмотреть за мной, куда-то вышел. Я уныло уставился в окно.

Через полчаса майор вернулся:

— Вставайте, следуйте за мной.

Он вывел меня на улицу, там уже ждали двое автоматчиков.

— Сейчас мы с Вами доедем до вашей гостиницы, — объяснил майор.

Ну, наконец-то, слава Богу, домой. Только где Ринат? Не может быть, чтобы отпускали только меня одного.

Сказав что-то автоматчикам, майор вернулся в помещение. Пограничники, встав рядом, закурили, обмахиваясь форменными панамками защитного цвета с широкими полями, солнышко к тому времени уже палило вовсю.

Рядом ходил туда-сюда ещё один солдатик, оружия при нём не было. Подойдя, он издевательски обратился ко мне:

— Ну, что, чухлики, где попались?

Я, смерив его взглядом, отвернулся, — общаться с ним не хотелось. Он понял это и, нагло ухмыльнувшись, почему-то зашел: «Папа у Васи силён в математике, учится папа за Васю весь год...»

Наконец-то вышел майор. Заметив «певца», он подозвал его к себе, и гонор у того, как рукой сняло.

— Ну что, Приходько, сколько тебе рябчиков дать?

— Сколько дадите... — Приходько провёл рукой под носом.

— Парочку хватит?

— Так точно, товарищ майор.

— Кругом, марш!

А тут и УАЗик подкатил. Меня усадили на откидное сиденье в задней части машины, закрыв за мной дверцу. Майор сел рядом с водителем, автоматчики — за ним. Мы тронулись. По пути майор объяснил:

— Сейчас мы приедем в вашу гостиницу, Вы заберёте документы и все вещи: свои и товарища. Есть ли там те, кто подтвердит ваши личности?

— Не знаю, может, будут на месте казанцы. А почему Рината не взяли?

— Ваш товарищ слишком развыступался, он, видимо, решил, что мы тут в бирюльки играем.

Да, думаю, ситуация с Ринатом прояснилась — он и до этого производил впечатление ерепенистого, вечно чем-то недовольного парня. Кроме того, стало понятно, что придётся вернуться обратно на заставу уже «с вещами» — положение прорисовывается не очень весёлое.

Прибыв на место, майор благоразумно оставил автоматчиков в машине. Я вошёл в гостиницу первым, он следовал чуть сзади. «Прямо, как в кино!» — подумалось невзначай. На вахте я показал гостиничный пропуск старенькой бабуле, она кивнула — проходи.

— А это кто? — недовольно буркнула бдительная вахтёрша, взглянув на следовавшего за мной майора.

— Это со мной! — многозначительно пропел я, небрежно сделав жест в сторону офицера КГБ.

— Да-да, я с ним! — немного смущённо, как мне показалось, сказал страж границы.

Однако завидевшая нас администраторша пулей выскочила из-за стойки, мгновенно прервав с кем-то телефонный разговор.

— Дежурного администратора или директора! — не поздоровавшись с ней, кратко приказал майор.

— Да-да, конечно! — понятливая администраторша тут же нырнула в коридор. Через минуту она уже стояла перед нами с каким-то мужчиной, как выяснилось позже, директором. Майор сказал:

— Пройдёмте в их номер.

Мы вчетвером поднялись на наш этаж, зашли в номер. Майор обратился ко мне, перейдя на «ты»:

— Собирай все вещи вот сюда в кучу. В каких, говоришь, комнатах живут ваши друзья?

Услышав номера комнат, офицер попросил администраторшу сходить туда и пригласить их с документами.

Я тем временем собрал всё барахло — и своё и Рината — в кучу. Изучив наши паспорта, майор спрятал их в нагрудный карман.

— А это что?

На тумбочке около кровати Рината лежала бумажка, на ней была нарисована какая-то радиосхема: будущий радиофизик постоянно вечерами рисовал схемы, очень был увлечён своей специальностью.

— Не знаю, — говорю, — это не моё, Рината.

Бумажка отправилась вслед за паспортами.

В этот момент в номер в сопровождении администраторши вошли немного побледневшие Лариса с Лузией. Слава Богу, они оказались на месте. Салих с Нелей куда-то успели уйти, Алика-Шахида тоже на месте не оказалось. Майор, изучив их паспорта, спросил, что они о нас знают. А что могут знать друг о друге люди, впервые встретившиеся в туристической группе пару недель назад? Лариса, украдкой встретившись со мной взглядом, еле заметно покрутила пальцем у виска, Лузия показала кулак. Они вообще-то знали о нашем намерении сходить в горы. Поблагодарив наших подружек, майор попросил их вернуться в свой номер.

— Ну, что, всё собрал? — спросил страж границы, окинув взглядом кучу шмоток.

— Вроде всё.

— А это что, забыл?

Бдительный офицер, заглянув под кровать Рината, вытащил его летние сандалии, которые я не заметил.

Я сгрёб всё добро в охапку, мы вышли из гостиницы. Администраторша с директором помогли донести вещи, не уместившиеся у меня в руках. Майор нёс злосчастные сандалии.

На заставе допрос продолжился. С Ринатом работал другой офицер в звании подполковника. Оказалось, что я забыл сообщить про встречу с пастухом по пути к границе — первая нестыковка в показаниях. Но их больше волновал другой вопрос: почему Ринат летел из Казани не как мы — прямым в Ашхабад, а через Баку, и не встречался ли он там с азербайджанцем Аликом-Шахидом. На это я ответил честно, что знал: «Хотел, говорит, посмотреть город Баку, а с Аликом познакомился при мне в Фирюзе». На этом очень насыщенный первый день моего знакомства с пограничной службой СССР, организационно входившей в структуру Комитета госбезопасности, завершился. Два вооружённых автоматами пограничника вывели меня на улицу и повели куда-то вглубь территории заставы. Смеркалось, солнце уже не лютовало, от близких, но таких недоступных, как оказалось, гор веяло едва ощущаемой прохладой. Мы направились в КПЗ для нарушителей государственной границы — к отдельно стоящему домику, белеющему в сумерках крашеными извёсткой стенами.

Там уже сидел отрешённый, грустный товарищ по несчастью Ринат, лениво пережёвывая и запивая густым чаем макароны по-флотски. Харчи в алюминиевых мисках нам принесли из солдатской столовки. Ринат рассказал, как стал возмущаться перед офицерами, которые вели допрос: дескать, вам, погранцам, от безделья, похоже, нечем заняться! Вы что, не видите: мы — обычные студенты, какие, к чёрту, «нарушители границы», что это за издевательство, не буду ничего заполнять! Тоже мне, понимаешь ли, «кагэбе», и так далее. Короче, мне стало ясно, почему «с вещами» привезли меня, а не его. Потом, говорит, докопались до меня с этим злосчастливым Баку, с азером Аликом, почему-то стали выяснять тему дипломной работы. Ринат признался офицерам, что нож и фотоаппарат принадлежат ему. Я поведал ему о радиосхеме, которую, похоже, отослали на экспертизу. Он ухмыльнулся.

В камере не было света, и вскоре навалилась темень, хоть глаз выколи. Уф! На сегодня отбой, спокойной ночи, Ринатик.

При свете выглянувшего утром солнышка мы оглядели своё жилище. Камера предварительного заключения представляла собой небольшую комнатку площадью метров шесть с тремя нарами-лежанками, покрытыми чёрными толстыми матрасами. Постельное бельё нам не выдавали. Маленькое оконце под потолком закрывала классическая тюремная решётка, через которую нам улыбалось ослепительно голубое небо «в клеточку». Стены побелены и испещрены какими-то надписями арабской вязью — похоже, их авторы были с «той стороны». М-да, подумалось, кто только не давил местные матрасы. Правда, первую ночь мы спали, как убитые. Кое-какую одежку нам всё же отдали, видимо, предварительно её прощупав.

Лязгнул засов со стороны улицы: солдатики принесли завтрак. Ринат начал о чём-то скулить, пограницы измерили его равнодушным взглядом, пожелав, тем не менее, приятного аппетита. Потом пояснили: «Захотите в туалет — стучите. Что-то понадобится — тоже стучите. Теперь здесь пост». КПЗ охранялся двумя часовыми, вооружёнными автоматами.

— Ух-ты, — говорим, — как круто!

— А вы как думали! — последовал ответ.

Первая новость, которую Ринат с вечера забыл мне сообщить, была позитивной: допрашивавший его подполковник оказался своим человеком — татарин.

— Как ты узнал это?

— Очень просто. Ему позвонили. В трубке угадывался взволнованный женский голос. Ага, думаю, наверное, жена звонит. И тут я шестым чувством учуял, что говорят на том конце провода по-татарски. Я стал внимательно прислушиваться: подполковник же смотрел мимо, через меня. Но, отвлёкшись, «прокололся»: «А ул нарс...» Но, осёкшись и кашлянув, тотчас же переспросил в трубку: «Да, а он что?» Я заулыбался, а он, по-русски закончив общение по телефону, ответил мне непроницаемым взглядом, не подав ни малейшего виду.

— Ну-ну-ну! — нетерпеливо заёрзал я. — Ты развил с ним эту тему?

— Да нет, решил воспользоваться своим «открытием» попозже.

— Может быть, поможет, как своим, а?

— Не знаю, дальше будет видно...

Снова лязгнул затвор двери: солдатики пришли за посудой. Я попросился в туалет, больше для того, чтобы оглядеться вокруг, сориентироваться. «Пошли!» — один часовой, закрыв за мной дверь на засов, остался у КПЗ, второй, поправив на плече ремень автомата, пошёл следом, указав направление движения. Выводить «на оправку» полагалось по одному. Я шёл медленно, глубоко вдыхая свежий утренний воздух. Вся застава утопала в зелени. Мой «бодигард» меня не торопил.

Путь в туалет лежал мимо постройки, оказавшейся кухней и столовой заставы. И вдруг я услышал частое металлическое «вжикание»: голый по пояс солдат сосредоточенно драил огромный, железный кухонный чан. Я присмотрелся. Ба-а! Да это же мой знакомый Приходько, сутки назад «докапывавшийся» до меня с дурацкой песенкой. Вот, оказывается, что значит «рябчик» — наряд вне очереди! Прекрасно!

— Приходько! — громко окликнул его я.

Он поднял голову. И я, помахав ему рукой, запел во всю глотку:

— Папа у Васи силен в математике, учится папа за Васю весь год!..

Он, перестав упражняться с чаном, зло зыркнул на меня, но ничего не ответил, ведь я, извините-с, с охранником, который весело хмыкнул у меня за спиной. Видимо, рядовой Приходько был известным на всю заставу балбесом.

Процесс оправки происходил под бдительной охраной вооружённого сотрудника органов госбезопасности — непередаваемые ощущения, скажу я вам... Возвратившись, я поведал Ринату о своей мелкой мести рядовому Приходько. Сокамерник кисло скривил губы в подобие улыбки: на него стала наваливаться депрессия.

— Слушай, Ринат, кончай киснуть, мне тоже невесело.

— Да-а-а... — он слабо махнул рукой. — Сколько мы тут ещё просидим — одному Аллаху известно.

— Да ладно тебе! Разберутся — отпустят.

В ответ Ринатик лишь тяжело вздохнул. Настроение у него ещё больше упало, когда в обед нам принесли чуть тёплые суп и макароны. Ринат остался верен себе:

— Послушайте, вы! — с неожиданной резвостью напустился он на погранцов. — Почему суп холодный и макароны слипшиеся?! Вы чё, в натуре, нас за скотов держите! Что за фигня такая, салабоны?!

Я отчётливо осознавал, что это — перебор.

— Ринат, кончай!

Ответ не заставил себя долго ждать: один из постовых схватил Рината за грудки и грубо оборвал:

— А ты что, хочешь, чтоб мы тебя ещё с ложечки кормили?! Жри и не возбужай, понял?!

Обиженный до глубины души «нарушитель границы» к обеду не притронулся. Холодный «хавчик» и у меня с трудом пролезал в глотку.

— Ешь, ешь, — говорю, — Ринат, не выпендривайся! До ужина ещё долго ждать.

— Да пошли они!

— Они-то пойдут, а вот сосать в животе будет у тебя!

Всё бесполезно. Нет, думаю, так дело не пойдёт. Поев и дождавшись, когда унесут посуду, я вежливо попросил часовых приносить еду во время. Те пообещали. А Ринату говорю:

— Ну, хочешь, я тебе сказочку расскажу? «99 зайцев» называется.

Раскисший собрат по несчастью едва заметно пожал плечами.

Я начал: «Расскажу вам, ребятки, сказку про плутишку Эспена, про сына моего. Сыновей-то у меня трое: Пер, Поль и Эспен — ха! Один другого ленивей! Захотелось им лёгкой работой заняться, а король наш как раз и объявил, что нужен ему заячий пастух. Да-да-да! Зайцев пасти! Ну вот, сынки мои и загорелись...»

И так далее. Ровно через сорок минут (время проигрывания пластинки с этой сказкой, которую с детства помню наизусть) я закончил. Ринат чуть заметно заулыбался.

— Клёвая сказка! — донеслось с той стороны: постовые тоже изнывали от скуки. — Давай, исполни ещё чё-нить!

— Песни пойдут? — спрашиваю.

— Валяй!

— В «тему»?

— Годится!

И пошло-поехало. Никогда в жизни я не пел столько песен про пограничников. Тут вам и Высоцкий: «Наши пограничники — храбрые ребята, трое вызвались идти, а с ними капитан, только разве ж знать могли про то, что азиаты порешили в ту же ночь вдарить по цветам, ведь на нейтральной полосе цветы...» И торжественная «Ночь темна, и кругом тишина, спит советская наша страна». И бодрая «Стой, кто

идёт! Стой, кто идёт! Никто не проникнет, никто не пройдёт!» И чуть переименованная мной, весёлая песня «Три танкиста»: «У высоких горных перевалов часовые Родины стоят!» И опять Высоцкий: «Ринат Халилов, мой сосед по камере — там Мао делать нечего вообще!» И многое другое. Не каждый день так «зеки» поют. Интересно, офицерам об этом доложили? Ну, думаю, теперь-то точно горячий ужин принесут! Не могут, чёрт возьми, не принести!

Послеобеденный «концертный» досуг разнообразился неспешными поочерёдными вояжами до «толчка». Каждый раз, проходя мимо столовой, я замедлял шаг, выискивая взглядом рядового Приходько: мне всё хотелось пожелать ему хорошей, без «залётов», службы или просто послать воздушный поцелуй. Но он на глаза, к сожалению, больше не попадался. Наверное, до посинения картошку чистил или макароны продувал.

Потихонечку, полегонечку, день склонился к закату. Ринат неподвижно лежал на своей шхонке, глядя в потолок. А ужин — обжигал! Часовые Родины, временно исполнявшие обязанности вертухаев, на сей раз не подкачали. Правда, просьбу принести нам «по медведю» («медведями» на зонах называют одеяла) не выполнили — видимо, не полагалось. Отбой!

Следующее утречко опять отметились «за решёткой, в темнице сырой» заглянувшим солнышком. Для поднятия настроения я решил начать день с шутки, в чём мне вновь помог усопший всего год назад, но, всё равно бессмертный Володя Высоцкий. Я запел «Милицейский протокол»: «Разбудят утром — не петух прокукарекал, сержант поднимет — то есть, как человека!» Но Ринат никак не отреагировал.

Зато после завтрака (горячего!) нас ждал приятный сюрприз. Дверь открылась, и очередной постовой в звании сержанта, известил:

— Можете выйти полежать на травке: командир сегодня добрый.

Похоже, подполковник, тот самый, «безнен кеше» (с татарского, «наш человек»), оправдывая свой высокий статус земляка, сжалился над нами.

Что ж, дважды приглашать не надо. Сошнувшись на солнышке, мы выползли из КПЗ и, зевнув, с удовольствием потянулись.

— Но дальше этого места, — пограниц прочертил сапогом линию на земле, — выходить нельзя! Ясно?

Мы растянулись на мягкой травке в тенике, оголившись по пояс. Земля дышала упоительным теплом. Внутрь камеры, дверь в которую осталась приоткрытой, даже не хотелось заглядывать.

— Ну, что, пацаны, вы кто такие и откуда?

Постовые, видимо, решили нарушить «обет молчания».

— Мы-то? Из Казани, учимся в университете, приехали сюда по турпутёвке, — начали мы свой рассказ.

И так почти два часа: за Казань, за Татарстан, за университет, за физику-биологию и прочее. Пограничники с интересом, как нам казалось, слушали, задавая вопросы и вставляя в наш рассказ фразу-другую.

Вскоре прошла смена караула. И опять по новой: за Казань, за Татарстан, за университет... Не жалко, пусть слушают, скучно тут у них, однообразно, да и Ринат хоть немного отвлечётся от своей хандры. И так — по кругу, через каждые два часа, с каждой новой сменой, с пере-рывом на обед и неспешным «дефиле» до «толчка».

Однако и тут Ринат не изменил своей привычной подозрительности и недоверию. Он украдкой шепнул мне на ухо:

— Ты думаешь, они просто так расспрашивают нас, от безделья? Не будь наивным! Им наверняка дали задание подловить нас на рассказных.

Но мне было всё равно:

— По заданию ли, от безделья — какая разница? Тебе где лучше: на травке, на солнышке или в камере?

Так мы и не выяснили цель расспросов. Но и от постовых кое-что смогли узнать. Оказалось, все служащие — призывники с Украины. Я сразу обратил внимание: все мягко произносили «г». И служилось им здесь, похоже, непросто: один пожаловался на строгость службы в войсках госбезопасности, другой горько сетовал на почти полное отсутствие увольнительных.

Мы поинтересовались, кто нацарапал арабскую вязь на стенах КПЗ.

— Да сидели тут недели за две до вас трое иранцев. У них в последнее время мода пошла: как заболит что-то — сразу границу нарушать. Со своей-то медициной, похоже, «труба». Пока суть да дело — их, разумеется, наши посмотрят, подлечат. Один даже отвечать на вопро-

сы отказался. Сразу нашему подполковнику руку под нос — не видишь, мол, болит, лечи сперва! Понятное дело, наш медик лечил. Потом их возвращают назад. Хорошо устроились!

Мы судорожно сглотнули, вспомнив чёрные матрасы на нарах. У меня потом непонятная красная сыпь на теле появилась, но через некоторое время, уже в Ашхабаде, прошла.

Однако нас беспокоил главный вопрос: что собираются с нами делать, сколько здесь ещё промурыжат?

— Да не беспокойтесь, пацаны! На допросы вас больше не тягают? Значит, им с вами всё ясно. Теперь надо дожидаться, когда придёт ответ на запрос с вашего места жительства: кто вы, что вы, нет ли чего на вас — сами понимаете, здесь — граница. Короче, не вы — первые, не вы — последние.

— И как быстро придёт ответ на этот запрос?

— Ну, пацаны, не знаем, по-разному бывает. Они имеют право удерживать вас неделю, только потом извещают прокурора.

— Неделю?! И что прокурор?

— А ничего! Он зафиксировывает факт задержания, и вы будете дальше находиться под арестом столько, сколько им потребуется. Но не бойтесь, вы им не нужны, таких балбесов, как вы, хватает.

— Да уж, хорошенькие дела! Успокоили... А! Кстати! Слышь, ребята! А ваш подполковник — не татарин случайно? — отважились мы ещё на один волновавший вопрос и невинно улыбнулись.

— Пацаны, не знаем! — членораздельно ответили «ребята», наглядно продемонстрировав предел разумных расспросов.

Ближе к ужину, когда солнышко коснулось вершин деревьев, пришёл пограничник и что-то шепнул нашим очередным охранникам. Те поднялись.

— Так, ребятки, давайте-ка быстренько «домой»: начальство приехало.

Снова противно лязгнув засов закрываемой за нами двери вонючей камеры. Мы, тяжело вздохнув, усадились на свои «персидские» матрасы. А как было хорошо на воздухе! Мы даже успели немного загореть. Второй день отсидки не сравнить с первым. Потрепавшись после ужина, мы отошли ко сну. Ринату стало заметно легче.

Хаирле тён! Спокойной ночи!

Третье утро началось с уже ставшего привычным визита солнечного прямоугольника на противоположную от окна стенку. Доброе утро, «мой сосед по камере» Ринат! Алла берсе, оно станет для нас добрым. Как обычно, последовал утренний «моцион» и такой же привычный армейский завтрак.

И, о небо! Аллах услышал наши молитвы! Через час после завтрака дверь КПЗ отворилась, и мы слышали слова постовых, показавшихся мне мажорными звуками бравурного марша Салиха Сайдашева:

— Эй, пацаны! На выход «с вещами»! Командиры зовут!

По тембру голосов пограничников я шкурой почуял, что в камеру мы больше не вернёмся.

Мы снова оказались в той комнате, где я заполнял анкету нарушителя. Перед нами за столом сидели «подпол» с майором.

— Ну что, ребятки! Благодарите свой родной казанский КГБ: ответ на запрос пришёл очень быстро. Ничего на вас нет, сейчас отвезём вас в гостиницу.

О-о! Какой вдруг стала комната светлой, торжественной и просторной! Не погостить ли ещё денёк на территории ставшей почти родной заставы, только не в КПЗ! Пообщаться со славными пограничниками, несущими непростую службу по охране государственных рубежей нашей великой Родины, в том числе, и от нас, безмозглых студентов. А мне «дотереть базар» с рядовым Приходько. Но Ринат неожиданно выдал:

— Ипташ подполковник, сез татарма (товарищ подполковник, вы татарин)? Татар, татар! Мин блям бу (я знаю это)!

— Да я, Ринат, понял, что ты догадался, — ответил он по-русски. — Когда жена позвонила: сын дома с велосипеда навернулся, нос разбил.

Тут в разговор, широко улыбнувшись, вмешался майор:

— А я ведь тоже — татарин! Мы с товарищем подполковником оба когда-то учились в Казанском артиллерийском училище!

Комната стала ещё просторней и светлей от озаривших её четырёх вспыхнувших разом улыбок земляков. Однако противный Ринат, первым свернувший с лица улыбку, вновь в упор уставился на офицеров.

— И всё-таки, зачем вы промариновали нас здесь трое суток? Неужели сразу неясно было, кто мы такие?

Подполковник тоже «снял» улыбку и, кашлянув, глубоко вздохнул.

— Видишь ли, Ринат, — серьёзно начал он. — Прутся сюда из Ашхабада регулярно. Мы взяли вас в окуляры, когда вы ещё топали по равнине. Думали, подойдёте ближе, увидите ограждение, развернётесь и уйдёте назад — так, кстати, обычно и происходит. Но вы же подошли вплотную, стали щупать проволоку, пошли вдоль ограждения, выискивая, где можно пролезть. Разве не так? Я выслал наряд, при вас не оказалось никаких удостоверений личности, а пропуска в гостиницу, сами понимаете, — филькина грамота. Вы неплохо экипированы, с рюкзаками, в них приличный запас еды, воды, хороший фотоаппарат, серьёзный нож — холодное оружие. Тоже, скажешь, не так? Кто вы такие? Что вам здесь нужно? Каковы ваши цели? Извините, но здесь государственная граница. Уйларга кирык, джяным (Думать надо, дорогой)! Шулайма (Не так ли)? Потом, твои непонятные для меня радиосхемы, что они обозначают, для кого предназначены? Их должны были глянуть наши спецы. Нужно было также посмотреть, что вы успели «нащёлкать» своим фотоаппаратом. Далее. Почему ты следовал сюда через Баку, с кем там встречался? А ты ещё и «выступать» на допросе начал, вместо того, чтобы нам помочь побыстрее во всём разобраться. Вы поблагодарить нас должны, что мы вчера на целый день выпустили вас на воздух, ведь, по большому счёту, так делать не полагается. Но чего только не сделаешь ради земляков!

Ринат вроде поумерил свой пыл, но снова не сдержал характер:

— Спасибо, конечно. Но, товарищ подполковник, почему тогда в Фирюзе первая полоса границы — полное фуфло? Да и сама граница, как нам сказали, аж километрах в тридцати отсюда!

Я пару раз пнул его ногой под столом — кончай, мол, житте (хватит)! Подполковник спокойно ответил:

— Во-первых, здесь граница, выдам тебе тайну, намного ближе, чем в Фирюзе. Во-вторых, рядом большой город. Другое дело, что никто вас не проинструктировал об особенностях нахождения в приграничной зоне. Поэтому я ещё разберусь, почему так произошло. И администрации гостиницы, и турорганизации, которые вас здесь принимали, «вдуют» — будьте спокойны!

— Да уж, пожалуйста, «вдуйте» им, как следует! — Ринат постучал пальцем по столу.

— Ну, ладно, ребята, давайте прощаться! Больше нам не попадайтесь! Подполковник встал из-за стола:

— Товарищ майор, сопроводите их до гостиницы!

— Есть!

Мы не узнали даже имён наших земляков. Оно и понятно: сотрудники госбезопасности. Одно радовало: «безнен кешелар» (наши люди) всюду!

И вот уже знакомый УАЗик понёс нас к такому милому, уютному Ашхабаду. Вооружённое сопровождение, слава Богу, на этот раз отсутствовало.

5

Когда мы вошли в гостиницу, к нам опять выскочила из-за стойки администраторша. Тут же нарисовался и директор. Не попрощавшись с нами, майор и директор куда-то удалились — видимо, исполнить формальности. Зато администраторша торжественно препроводила нас в номер полу-люкс! Во как! Мы с Ринатом, оставшись одни, швырнули на пол рюкзаки и молча плюхнулись на кровати. Ну, дела-а-а...

Первым подал признаки жизни Ринат:

— Вообще-то, Петь, сейчас время ужина, — тихо промолвил он, скосив глаза на часы. — Пойдём, что ли?

— Пойдём, — едва слышно выдохнул я, добавив крылатую фразу «джентльмена удачи» Василия Алибабаевича. — «А в тюрьме сейчас макаро-о-оны»!

Оба рассмеялись.

Спустились в столовую, когда ужин был в самом разгаре. Едва закрыли за собой дверь, как увидели, что десятки голов резко повернулись в нашу сторону: вот они — бывшие арестанты, нарушители советско-иранской границы. Помещение тут же наполнилось гулом голосов. Раздался радостный визг — это, опрокинув стулья, к нам метнулись Лариса, Лузия и Салих с Нелей! Алик опять где-то запропастился...

Да, товарищи дорогие, я глубоко прочувствовал, что означает выражение «распирает от гордости». На самом деле, становится тесно в груди. Мы оказались в центре внимания. А что? Очень приятно!

Однако на следующий день опьянение популярностью стало потихоньку улечиваться. Каждый считал своим долгом подойти к нам и, хлопнув по плечу, поинтересоваться: «Ну, что, «Шурики» (так прозвали нас обитатели гостиницы), передали привет аятолле Хомейни? Записались в корпус стражей исламской революции? Сколько набрали голосов на выборах в меджлис?» Это, оказывается, утомляет! Как будто бы все сразу, дружно превратились в «рядовых Приходько».

Но уже через три дня мы, с лихвой перевыполнив программу пребывания в гостях, возвращались в родную Казань. Счастья тебе и благополучия, гостеприимный Туркменистан!

Имело ли трёхсуточное заключение в ведомстве КГБ для меня какие-то последствия в дальнейшем? Нет, не имело, что опровергает утверждения некоторых критиканов строя, дескать, любой интерес со стороны органов ставил на человеке чуть ли не чёрную метку. По крайней мере, на режимный «почтовый ящик», всего лишь через каких-то три года, меня распределили. Значит, «личное дело» было чистым, в противном случае... Сами прекрасно понимаете.

А потом исчез Советский Союз, а с ним и советско-иранская граница. Реорганизовался и Комитет госбезопасности, а аббревиатура его преемницы — ФСБ — звучит уже совсем по-другому, не так одиозно. Уж не ведаю, жива ли та застава, и вообще, как и кто несёт дозор на нынешней туркмено-иранской границе.

Хотя в солнечном Туркменистане никогда не было ни дремучих лесов, ни снегов, знаковая песня, вдохновенно исполнявшаяся когда-то мной на южных рубежах горячо любимой советской Родины, всегда вызывает у меня трогательные, очень приятные воспоминания:

*Лес дремучий снегами покрыт,
На посту пограничник стоит.
Ночь темна и кругом тишина,
Спит советская наша страна.*

Месть неудачливого ухажёра

На четвёртом курсе, оказавшись под влиянием любовных событий, стремительно развивавшихся у моих друзей и в особенности женитьбы Андрюши и Лидуськи, я задался вполне закономерным вопросом: почему сам-то один до сих пор?! Старший курс — самое время! Поэтому стал «скринировать» на предмет «подходит — не подходит» всех девчонок, которые меня окружали. Дескать, выберу, начну ухаживать, а там, глядишь, и чувства придут. И напряжённая мыслительно-аналитическая работа привела к закономерному итогу — подходящая кандидатура была найдена.

Потенциальная дама сердца училась в той же группе, что и я: она — невысокого роста, приятных форм, подчёркнутых изящной талией, обаятельная блондинка, излучающая искренность и радушие. Правильное, округлой формы лицо, обрамлённое немного вьющимися светло-русыми волосами, украшали искрящиеся светлые глаза и очаровательная улыбка.

Однако первые знаки симпатии с моей стороны у «объекта» энтузиазма не вызвали. Ничего, успокаивал я себя, так и должно быть. Ты, дружок, Ален Делон, что ли? Глянь на себя в зеркало. Ну, глянул, и что? Хотя... Не Аполлон, но всё же... Вода камень точит. А посему, извините, барышня-с, продолжим «работать» с Вами дальше. Для начала, Вам необходимо привыкнуть к тому, что я рядом! А там видно будет, сориентируемся по ходу! Смелость города берёт! Вперёд!

Жила девушка от университета не близко, в Ленинском районе. Почему бы мне не проявить заботу и не начать регулярные провожания? Тем более — зима. Рано темнеет. Она отказывается от сопровождений? Не беда, главное — казаться интересным, неординарным, это точно

не может быть неприятным, а уж язык-то у меня подвешен! Да и покуражиться, поломаться для порядка девчонкам важно — мёдом не корми. И настойчивость в ухаживаниях всегда ценится. Как правило, даже решительно сказанное «нет!» таковым, на самом деле, не является. Знаем мы вас!..

Стоял морозный вечер, когда однажды кавалеру вновь захотелось проводить свою пассию. Я тогда серьёзно занимался горным и лыжным туризмом, совмещая регулярные тренировки с методом перманентной холодовой закали: расхаживал даже в морозы в лёгком плащике, фетровом «пирожке», без подштанников и перчаток. Но в тот день морозило крепко. Обычно я согревался быстрой ходьбой. Но вместе с дамой сердца не разбежишься. Одна радость: она наконец-то взяла меня под руку — хоть чуточку теплее.

При приближении к своему дому красавица резко выдернула руку, объяснив: «Моя мама считает, что под руку может ходить только замужняя женщина...» Что ж, маме — респект.

- Всё, мы пришли! — твёрдо сказала очаровательная одноклассница.
- Вижу, заходи. — Я открыл дверь подъезда, пропуская её вперёд.
- А ты куда?
- К тебе: холодно, однако, чайку там...
- Размечтался... Иди домой!
- Пойду, пойду, не переживай, — ответил я, заходя следом в подъезд.

Через два этажа предложение покинуть помещение прозвучало вновь с заметным негодованием и твёрдостью в голосе.

— Пожалуйста, пожалуйста, спокойной ночи. Но подъезд — место общего пользования, и мне хочется погреться, — ответил я, усаживаясь на тёплый от батареи подоконник.

Хлопнула входная дверь квартиры, за которой скрылась недоступная Дульсинея.

Я блаженно ощущал, как живительное тепло через пятую точку и ноги растекается по всему продрогшему телу. С упоением представлял, как объект обожания снимает с хорошеньких полненьких ножек (мы ещё познакомимся с ними поближе!) зимние сапожки, надевает мягкие домашние тапочки, как по прихожей распространяется лёгкий запах душистых волос. Однако почти материально осязаемые видения одеваемого домашнего халатика прервал звук хлопнувшей двери подъезда.

Чужаки всегда вызывают подозрение, поэтому я внутренне собрался, тайне мечтая, чтобы вошедший жил на первом этаже. Но шаги упорно приближались — неспешно поднималась уставшая женщина. Увидев меня, она не стала скрывать недовольный взгляд. И вдруг я заметил, что выражение её лица чуть заметно изменилось, стало озадаченным. Женщина замедлила шаг. Тут меня осенило: да это же, наверное, мама моей красавицы! Она, видимо, узнала меня по фотографиям, ведь ребят в группе дочери было «раз-два — и обчёлся». И точно! Женщина позвонила в неприступную квартиру.

«Мамуля!» — выдохнул сладенький голосок. Дверь открылась и захлопнулась вновь.

Я, проявляя нехитрые способности телепата, явственно почувствовал, почти услышал, какой сейчас состоится диалог.

«Как дела, доча?» — «Все нормально, мамуля!» — «Слушай, а что там за парень сидит на подоконнике? Что-то в нём знакомое есть». — «Да это Петька, мой одноклассник, я тебе про него рассказывала». — «И почему он там сидит?» — «Меня провожал, замёрз. Греется, наверное». — «И ты его не пригласила, не предложила чаю?!» — «Пол топтать!» (ну, или что-то в этом роде).

Конечно, подобный диалог пронёсся в голове мгновенно, намного быстрее, чем он мог прозвучать в самом деле. И я не сомневался, каков будет жёсткий вердикт всё понимающей, знающей жизнь мамы: «Ну-ка, быстро иди и пригласи его в дом!» Ну, может быть, чуть помягче. Не принципиально. Главное то, что она — мать взрослой, на выданье, дочери-старшекурсницы — знает, что молодость скоротечна, как сибирское лето. Что только в это безбашенное время кажется, что всё ещё впереди. Что прекрасный принц будет непременно под алыми парусами или, на худой конец, на белом коне.

И тут я понял, как можно отомстить неблагодарной Даме сердца: нужно немедленно уйти! Уйти, хотя ещё толком не согрелся. Уйти, оставив ей лёгкий дымок осознания вины. Тем более, общеизвестно, что иногда чувства у женщин возникают из жалости или сострадания. Да будет посему! Вот тебе!!! И я, тихонько спустившись и придержав за собой дверь, шагнул в снежную морозную мглу...

Спустя много лет, мы, весело смеясь, вспоминали этот случай. Несостоявшаяся Судьба, чуть посерьёзнев, вздохнула, затем сказала: «Да,

Питка, именно так всё и было, почти слово в слово, да ещё несколько лет эта сцена поминалась мамой на полном серьёзе...» Кстати, в конце пятого курса на дне рождения Дульсинеи мне удалось-таки познакомиться с её родителями, и я маме понравился, но...

Теперь мне, отцу, всего несколько лет назад выдававшему замуж собственную дочь, стал понятен далеко не праздный интерес к любому парню, которого я видел рядом со своей дочкой.

Любовь — это печь, а истопников, в идеале, должно быть двое. Иногда истопник только один, но тогда ему приходится работать за двоих, если второй с печи слезать не желает. Тогда первый, как правило, быстро устаёт. Да и «печь» бывает разной конструкции: с заслонкой и без заслонки, с лежанкой и без неё. «Печь» может быть украшена изразцами, а может, и нет — всё очень индивидуально у каждой пары «истопников». Но это внешне. А бывают «печки» с неисправностями конструкции — плохая тяга, кривой дымоход, или с поддувалом что-то не то. «Топишь-топишь», а всё не ладно — чадит и не греет.

А если и «топить» со временем становится лень? Да и зима сделала своё дело: либо закалка, либо провожания. Ведь из-за призрачной надежды на приход чувств у Дульсинеи простужаться было неохота.

Что было потом? Потом наступила весна, и пришли-таки ко мне светлые чувства, но, увы, уже не к «Дульсинее». Но это, как говорится, совсем другая история, вспоминать которую неинтересно, да и незачем.

ВОСПОМИНАНИЕ ПЯТОЕ

Памяти Ирины Мискуровой

Эта глава очень грустная. Не всё в студенчестве — только веселье.

Получаю как-то письмо от Андрея Ширшова, в котором он сообщает, что на кавказской туристской тропе встретил Игоря Кизилова. Узнали друг друга не сразу — последний раз виделись четверть века назад. Ну и, как полагается в таком случае, радостные обнимания и «братания». Потому Ширшов и спрашивает, помню ли я такого.

Отвечаю Андрею: «Как не помнить... такого? Угробил Ирину Мискурову, в жизни ему не прощу!».

Ширшов на это: «Злой ты, злой! Это же когда было! Да и не всё так просто, как мне кажется. Я вот уже сколько лет вожу группы в горы и понимаю, что в той ситуации тоже не всё однозначно было. У каждого в жизни бывают неприятные моменты, потом мы, может быть, всю жизнь за это расплачиваемся. «Не суди, и не судим будешь!» — не мы придумали».

Я не обиделся на Андрея. Но... Нахлынувшие воспоминания, заставили взяться за развёрнутый ответ моему другу. Итак.

«Решительно не согласен с каждой твоей фразой!!! Тем более не согласен с тобой, опытным руководителем тургрупп! «Не суди, и не судим будешь»? Извини, Андрей Викторович, но стать судьёй меня попросило общество, а судим я не буду, так как, скорее всего, никогда не поведу группы в категорированный горный поход...

27 июля 1982 года. В больнице города Орджоникидзе, ныне Владикавказа, не стало Иринки... Третьего августа мы её похоронили на казанском городском кладбище в Самосырово.

Первого августа приказом ректора КГУ, была создана комиссия под руководством проректора Ярослава Заботина для расследования гибели студентки 181 группы биофака Мисюровой Ирины, 1962 года рождения. В эту комиссию от факультетского комитета комсомола и, как член турклуба, был приглашён и я. Мог отказаться, но не отказался — посчитал своим гражданским и товарищеским долгом. Комиссия работала неделю, каждый день по несколько часов. Нами были изучены все материалы дела, документы пострадавшей группы, допрошены по одному и вместе все её члены. Руководил походом Кизилев Игорь, 1962 года рождения, студент химфака КГУ. Фамилию его я решил изменить: он по-прежнему серьёзно занимается горами. Не сомневаюсь, что он давно сделал для себя выводы.

Комиссия вынесла вердикт: причиной ЧП в горах Центрального Кавказа стали 17 нарушений (цифру хорошо запомнил), допущенных в ходе подготовки и непосредственно в проведении горного похода второй категории сложности (горной «двойки»).

Время, время... Может, все выявленные комиссией нарушения и не вспомню, но постараюсь. Во-первых, твоя, Андрей, вопиюще-дилетантская ремарка в мой адрес обязывает. А во-вторых, этого нельзя забывать.

1. На момент проведения похода Кизилеву не исполнилось двадцати лет и, хотя он и был перспективным горником, вообще не имел права руководить группой. Прямая вина — членов маршрутно-квалификационной комиссии (МКК) городского турклуба кандидатов в мастера спорта Бухарова и Степочкина, подписавших маршрутную книжку, то есть выпустивших группу.

2. У Кизилова не было опыта прохождения горной «тройки», поэтому он не имел права руководить «двойкой». Прямая вина — членов МКК Бухарова и Степочкина.

3. В состав группы Кизилев включил родную сестру-девятниклассницу, у которой не было никакого горного опыта. Но она по возрасту не имела права быть тридцатипроцентницей (по правилам, не более тридцати процентов участников группы могут «перепрыгнуть»

через одну категорию сложности). Прямая вина — членов МКК Бухарова и Стёпочкина.

4. В маршрут группы был включён участок, проходивший по территории Кавказского государственного заповедника, что неминуемо бы привело к изменению маршрута при рассмотрении маршрутной книжки горными спасателями на месте, в контрольно-спасательной службе. Прямая вина — членов МКК Бухарова и Стёпочкина.

5. Члены группы не прошли медосмотр в университетском медпункте. Мы, если помнишь, задним числом по просьбе тренера Александра Евсеева проходили медосмотр ВМЕСТО членов группы Кизилова (они уже после ЧП, но ещё до того, как умерла Иринка, были на Кавказе). Иначе мать Кизилова, начальница медпункта КГУ, потеряла бы должность, если бы вообще не была привлечена к ответственности. Я лично проходил медосмотр за Игоря! Ты, насколько помню, за Баскакова. Врачи, осматривавшие меня, как Кизилова, улыбались, ибо всё прекрасно понимали. То, что члены МКК Бухаров и Стёпочкин «не заметили» отсутствие медсправок — их прямая вина. А то, что сделали мы, именуется подлогом или ложью во спасение.

6. Группа участников горной «двойки» в составе: Кизилов Игорь — руководитель, Баскаков Николай — медик, Ионкин Андрей, Сафиуллин Марат, Айдар (фамилию не помню), Воронина (имя не помню), сестра Кизилова (имя не помню) и Мисюрова Ирина. Прибыв на место, добрались до спасательной службы, но встать на учёт не потрудились. Местное отделение контрольно-спасательной службы находилось в начальном пункте их маршрута — селе Дзинага Дигорского района Северной Осетии. Помещение спасателей, видите ли, было закрыто (может, человек на пару минут вышел).

Кизилов не стал дожидаться прихода кого-нибудь из спасотряда и, не поставив отметки в маршрутную книжку, что был обязан сделать, вышел на маршрут. Он лишь вложил в замочную скважину домика КСС записку, дескать, мы такие-то, оттуда-то, выходим туда-то, заканчиваем маршрут там-то, тогда-то.

7. А район-то был закрыт по метеоусловиям — сплошной атмосферный фронт, и «добро» от спасателей на выход группа не получила бы! Хотя это и так было видно невооружённым глазом, но Кизилов упорно гнал группу (не без подначивания, конечно, других «зубров»

группы, однако руководителем был он и, следовательно, лично за всё отвечал).

8. Вместо, как минимум, двухдневной акклиматизации группы, Кизилев поутру следующего дня лишь показал, как надо зарубаться ледорубом на леднике Караугом. «Акклиматизация» заняла всего три часа. Он подгонял группу вперёд, несмотря на постоянно шедший дождь.

9. Позже, уже после ЧП горные спасатели доложили, что на группу из 8 человек было только 6 пар кошек и 7 ледорубов. Этого ледоруба как раз не было у Иринки. Группа постоянно меняла показания: сперва говорили — не было, потом — был, но якобы улетел в трещину, хотя, если темляк ледоруба зафиксирован на запястье, то исчезнуть он может только вместе с рукой. Если бы представители КСС провели досмотр снаряжения «на берегу», то и без циклона группу не пустили бы на маршрут. Ведь поскольку группе Кизилова предстояли открытые ледники, без кошек там было нечего делать! Честно говоря, у нашей комиссии сложилось стойкое впечатление, что Кизилев сознательно уклонился от контакта со спасательной службой.

10. После полудня группа начала набор высоты в сплошном «молоке». Следовало бы остановиться, дожидаться хотя бы следующего дня, но Кизилев продолжал гнать.

11. Группа дезориентировалась, споря, куда двигаться. Первым на маршруте должен был быть перевал Красивый (категория сложности — 1А). На мгновение небо прояснилось, но, неправильно привязавшись к координатам, Кизилев повёл группу не на Красивый, а на Озерковый (1Б)! Отклонение от курса составило почти 180 градусов!

12. В 18-19 часов Озерковый был перевален с южной стороны (без ледника). Впереди, с северной стороны перевала, показалась верхняя граница ледника Иська, но поскольку по описанию Красивого с южной стороны ледника быть не должно, Кизилев в сгущающихся сумерках этому значения не придал.

13. Группа попала в облако, начала сечь «круп», заметно похолодало, стремительно темнело. Но и в этой ситуации Кизилев не дал команды организовать групповую страховку основной верёвкой, упорно продолжая подгонять. На вопрос «почему не связались основной», был ответ: сэкономили время (!). Кизилев в тот момент был уверен, что находится на Красивом!

14. Произошёл обрыв Мисюровой. Ирина, стремительно набирая скорость, скрылась за изгибом ледника. В самом начале скольжения её можно было «зарубить» ледорубом, но кто это мог сделать? Только сам Кизиллов — он шёл впереди группы, или Баскаков — он был замыкающим. Ирина находилась в середине растянувшейся на леднике группы, сзади и впереди неё — сестра Кизилова и Воронина. По их словам, глаза у неё в то мгновение были удивлённые, она, похоже, не успела толком понять, что произошло.

Наконец-то дав приказ группе остановиться и связаться основой, Кизиллов и Баскаков в связке экстренно спустились по леднику к предполагаемому месту нахождения Ирины. Она была без сознания. Надо сказать, что действия Коли Баскакова, медика группы, были профессиональны и безупречны, хотя он был всего лишь математиком. Это потом было отмечено спасотрядом — во многом из-за его грамотных действий Ирина прожила какое-то время. У неё был перелом основания черепа и размягчение участка головного мозга: «посчитала» затылком на приличной скорости все края трещин, ибо крайне ненадёжная строительная каска тут же сползла с головы. Эх, была бы на ней хотя бы мотоциклетная! Но, справедливости ради, я в то время не знал никого, кто ходил в такой каске в горы. Перелом костей таза — не в счёт: молодая, срослось бы со временем.

Вспомнилось, какому ненадёжному и несовершенному по сравнению с нынешними временами горному снаряжению мы тогда доверяли свои жизни! Всё было в дефиците. Вечно что-то приходилось «доставать», одалживать, перехватывать, ремонтировать, выкупать списанное в альплагерях, даже изготавливать кустарно. Грудные обвязки, беседки, накидки от дождя, даже штормовые рукавицы я шил сам. Карабины «Ирбис» не замуфчивались, горной обуви хватало ровно на один поход, к тому же «вибры» пропускали влагу — я всегда покрывал их перед походом касторовым маслом. Капроновые верёвки, основы и репшнуры — всё старое. А каково было достать столь необходимые для похода не скоропортящиеся, калорийные продукты: сгущёнку, копчёную колбасу, тушёнку, шоколад?! Но ходить-то в горы хотелось! Полный и грамотный набор «снаряжа» был предметом особой гордости его владельца и зависти других горников.

Кизиллов послал Ионкина и Сафиуллина за спасотрядом, но они в ту-мане потеряли друг друга. Ионкин вернулся назад — сбил ноги. Однако мужественный парень Марат Сафиуллин на второй день дошёл-таки до КСС, встретив попутную группу и поняв, что Кизиллов заблудился. Не забуду, как потом отец Иринки, поклонившись, благодарно пожал Марату руку. Горные спасатели привлекли к спасработам туристические группы, что были под рукой, сняв их с маршрутов. Необходимо было вешать перила для спуска пострадавшей по леднику, ибо из-за метеоусловий вертолёт использовать было крайне опасно.

Позже вертолёт пограничников всё же сумел забрать Иринку (на-прасно вешали перила!) и доставить её в реанимацию больницы го-рода Орджоникидзе. Всего к спасательным работам, включая членов спасотряда, было привлечено более семидесяти человек. Однако через несколько дней, не приходя в сознание, Ирина Мисюрова умерла. Светлая ей память и Царствие Небесное!

15. А что же группа Кизилова? Они, естественно, свернули маршрут и, с их слов, «испытав большое облегчение после отлёта вертолёта», отправились... на Чёрное море: срок обратных билетов позволял. Вот она — главная причина гонки группы! Конечно, эта причина была ясна всем. Но группа, включая Кизилова, несла всякую ахинею в своё оправдание. Только его сестра «по младости, по глупости», хлопая глазами, сказала: «А мы хотели поскорее на море...»

Отдохнув, загорев, Кизиллов вернулся домой. Узнал о смерти Ирины уже после её похорон! Конечно, парень был сражён известием, по-человечески его очень жаль, но...

Что же ты, Андрей, увидел во всём этом «неоднозначного»? По-моему, всё прозрачно, как стекло: вина Кизилова стопроцентная! Вывод комиссии гласил: ЧП было закономерным, неизбежным следствием вышеперечисленных причин. Игорь, кстати, с выводами комиссии полностью согласился.

Видишь, две выявленные комиссией причины я всё-таки не вспом-нил. Ладно, и так хватит, чтоб ему, грешному, молиться за упокоение её души до конца жизни.

Все члены группы Кизилова вели себя перед комиссией просто не-красиво. Юлили, меняли показания. Конечно, им было несладко, кто спорит, но Ирины не вернёшь... Все понимали, что многое зависело

от позиции родителей Мисюровой — подадут ли они судебный иск. Они пожалели Кизилова, решили не ломать судьбу парня (года два тюрьмы он мог отхватить запросто, а уж условный срок — вне всякого сомнения). Из комсомола, конечно, его исключили, хотели исключить из универа, но тут, видимо, мать похлопотала.

Я позже очень пожалел, что попал в эту комиссию, пропустив через себя те или иные «неприятные моменты». Эпизод за эпизодом мы восстанавливали картину происшествия до мельчайших подробностей. Но только я, единственный в комиссии турист-горник, живо представлял себе всё так, как будто сам побывал в той группе. Добавить к этому похороны и ежедневное общение с отцом Ирины — инвалидом войны... Вечерами, дома, когда никто не видел, я просто сидел и плакал. А ты говоришь — «злой»!

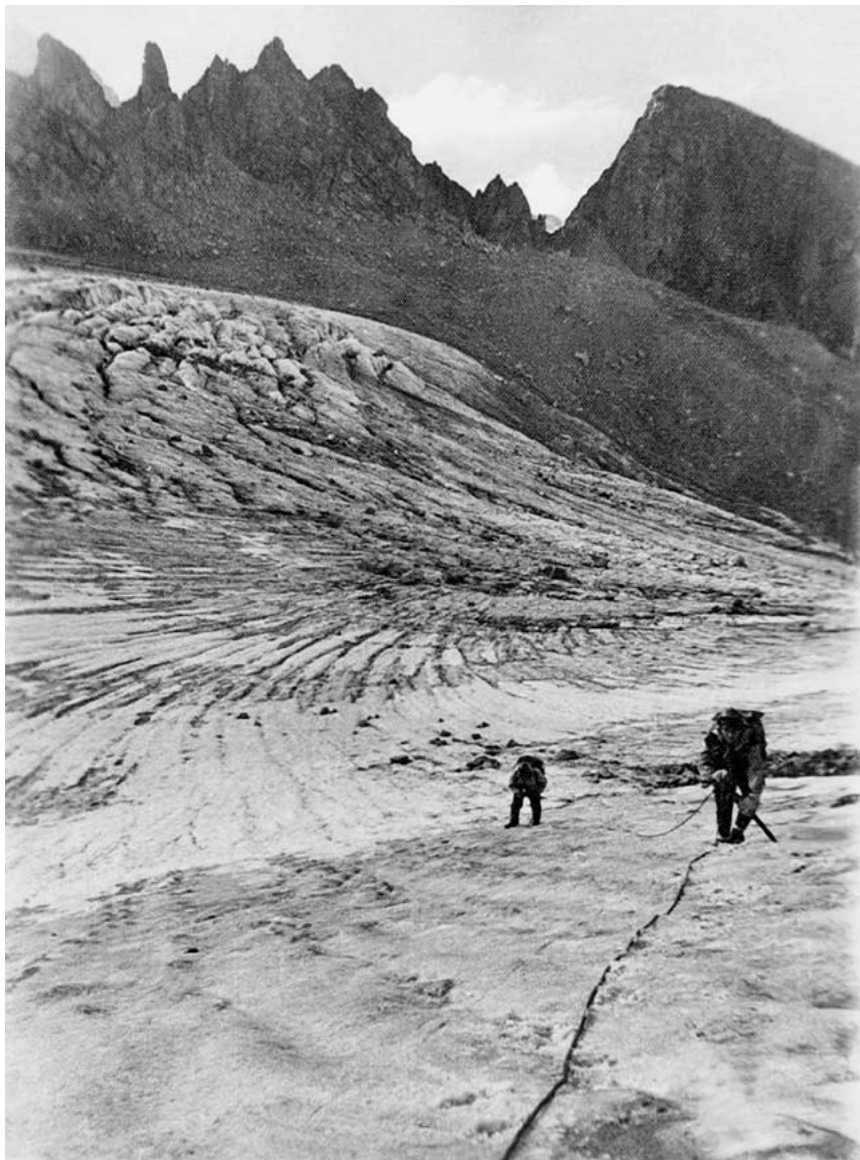
Следующим летом, на годовщину, мы пошли в горную «тройку». В честь Ирины установили памятную мраморную плиту у начала восхождения на перевал Озерковый, который взяли с севера, со стороны ледника Иська, оказавшегося смертельным для девчонки.

Насибулла планировал идти в ту «тройку» с нами, но, к сожалению, полевая практика помешала. Искренне сожалея об этом, парень написал неумелые трогательные строки, озаглавив стихотворение «Уходящим».

*Опять столбы, опять дорога,
Звонит в башке комарий зуд,
А в мыслях горные отроги
Главами белыми встают...*

*И жди - не жди у Бога милости:
Всё это глупая игра...
А здесь у нас в Свердловской области
Стоит постылая жара.*

*Свой долг исполнить я не в силах,
Не в силах вырвать из бумаг
Такую маленькую подпись -
Начала практики этап.*

*1983 год. Центральный Кавказ, ледник Иська.
Берём Озерковий. Последний в связке — автор*

*Так пусть мой друг поставит Это
От всех, кто знал, и кто любил!
Мне ж остаётся ждать ответа
На свой вопрос: «Ну, как сходил?»*

А в городском турклубе началось противостояние группировок, считавших дисквалификацию Бухарова и Стёпочкина правомерной, куда входили мы с тобой, и не согласных с ней. Тяжба длилась два года — до нашего окончания КГУ. Дисквалифицировали и Кизилова. Но он, официально не заявляясь, демонстративно ходил в горы. Мы его случайно встретили в той самой горной кавказской «тройке» (ты, наверное, уже и забыл это). Но никаких «братаний», естественно, тогда быть не могло».

До сих пор задорная песня «Всю Сибирь прошёл в лаптях обутый...», которую в лыжной «двойке» на Северном Урале Ширшов всё время пел вместе с Димой Кузьминым, у меня ассоциируется с походом, оказавшимся, за полгода до трагедии, предпоследним для Иринки Мисюровой. И с нашей весёлой группой: она и мы, шестеро ребят-студентов биофака. И я с грустной улыбкой вспоминаю, как мы тогда в шутку называли свою команду «дерьмовочка и шесть гомов».

Вот и сейчас Ирина у меня перед глазами: немного полноватая, добрая, обаятельная и улыбчивая, ленинская стипендиатка, навсегда оставшаяся двадцатилетней девчонкой. Её любил один студент по фамилии Митюшкин, никогда не забуду, как он плакал на поминках.

И Кизилова не забуду — чуть скуластого, нагловатого и самоуверенного «гуся», с которого «сошла вода».

ВОСПОМИНАНИЕ ШЕСТОЕ

Как я работал лесником

*С благодарностью однокурснику Фариту Зелееву,
оказавшему помощь в написании этой главы*

I

Благодаря увлечению туризмом, мне удалось побывать в очень интересных местах нашей страны. Почти всегда каникулы я проводил в одной группе с Ширшовым в категорированных походах. Зимой — в лыжных — на Северный Урал, Карпаты; летом в горных — на Фаны и, неоднократно, на Кавказ. Ну, а круглогодичных вылазок «в Марийку» не счесть.

В городском турклубе проводились регулярные теоретические занятия по программе разных ступеней туристской подготовки (начальной, средней, высшей) в зависимости от предполагаемой категории сложности предстоящего похода. Занятия велись в разных секциях с учётом вида туризма: горного, водного, спелеотуризма. По завершению курса сдавались экзамены, что удостоверялось справкой. Тренировки проводились в университетском турклубе на базе спортивной кафедры, находившейся в то время в лишённом куполов Богоявленском соборе, что за высоченной колокольной на улице Баумана. Несмотря на печальные события предыдущей главы, система подготовки и контроля была поставлена всё же достаточно грамотно.

Туризм — великая вещь. В жизни туристские навыки, без сомнения, архиполезны. Сложилась целая туристская субкультура. И человек, однажды увлечённый, остаётся туристом на всю жизнь. Мы, туристы, —

*Центральный Кавказ, перевал Ах-Су. Слева направо: Андрей Шишов, автор, Ильдар Абдуллин, Люба Винокурова, Лариса Никитина.
На заднем плане — две «головы» Эльбруса*

люди особенные. Называли себя спортивными или «самодельными» туристами, чтоб не путали нас с туристами «организованными» или, как мы ещё их называли, «плановыми», которых, при наличии путёвки, водят в горы или сплавляют по рекам профессиональные инструктора.

Безусловно, любой активный отдых полезен и познавателен. Но специфика самодельных туристских походов, имевших строгую градацию по категориям сложности, требовала особой физической и психологической совместимости участников похода. Состав группы начинал формироваться заранее. И чем выше была его категория сложности, тем строже и придирчивей шёл подбор участников. Со временем, состав группы, как правило, становился постоянным — не прижившиеся и не вписавшиеся в коллектив уходили. Успешное прохождение похода той или иной категории сложности соответствовало выполнению требований определённого спортивного разряда.

Основной костяк группы подобрался и у нас. Помимо меня и Андрея Ширшова в группу входили две студентки мехмата: Люба Винокурова и Лариса Никитина, девчонки грамотные и сильные, сумевшие войти в состав сборной Татарии по технике горного туризма. Нашим тренером и бессменным руководителем был один из двух в то время мастеров спорта по горному туризму в Татарстане — Евсеев Александр Васильевич. Но только он, единственный в республике, имел право руководить горными походами самой высшей (шестой или «пятой со звёздочкой») категории сложности. Вашему покорному слуге до высших категорий добраться не удалось, но кое-чему я всё же научился.

Особой популярностью пользовался туризм именно у нас на биофаке. Только наш факультет проводил по осени собственные соревнования с культурной программой «Туриада биофака» в лесу на реке Казанке, недалеко от Высокой Горы. Самым главным туристом факультета слыл одноклассник Руст, ему удалось соблазнить походами многих студентов-биологов, за что его недолюбливало руководство кафедры. Сейчас Хайрутдинов — самый авторитетный лыжный турист Литвы.

А для Андрея Ширшова туризм стал делом жизни. Он «изменил» микробиологии и стал руководителем секции туризма в Новочебоксарском Доме пионеров, ныне Центре развития творчества детей и юношества. Андрей оказался педагогом от Бога. Он является автором методического пособия по организации детского туризма. Даже возглавив отдел мэрии города и став депутатом горсовета, Ширшов добровольно остался на скромной должности детского тренера. «Это мне для души», — так он обычно отвечает удивляющимся подобному уникальному факту. И всегда с удовольствием сбрасывает служебный костюмчик, облачаясь в туристскую штормовку.

На пятом курсе у меня возникла проблема: куда и с кем сходить в свои последние студенческие зимние каникулы. У Андрюши — маленький сынок. Большинство знакомых туристов либо уже окончили ВУЗы, либо, как и я, стали дипломниками. Кто спорит, выполнение дипломного проекта — безоговорочный приоритет, и некоторым было явно не до каникул. Но у меня, к счастью, возможность куда-нибудь вырваться появилась: я шёл с опережением графика выполнения дипломной работы. Однако, по объективным причинам, один

за ругим «обломились» все варианты походов. Это что ж, торчать в городе? Ни за что!

И тут мне в голову пришла идея, как совместить максимальное слияние с природой и физическую нагрузку, ставшие для меня физиологической потребностью. Идея воплотилась в слове СОП — университетская дружина «Служба охрана природы»!

2

Казанский университет первым в Советском Союзе открыл на биолого-почвенном факультете специализированную кафедру «Охрана природы». На момент моего поступления она продолжала оставаться единственной и уникальной во всей стране — молодые энтузиасты дела защиты природы, желавшие посвятить этому свою жизнь, ехали поступать на кафедру отовсюду.

Её создателем и первым заведующим был профессор, доктор наук Попов Виктор Алексеевич — настоящий подвижник и пламенный защитник природы. Много пришлось потрудиться, прежде чем возникла кафедра его мечты. И мне приятно осознавать, что первые в стране выпускники со специальностью «охрана природы» вышли из стен Казанского университета. Спектр приложения их знаний и сил был столь широк, что нам, студентам других кафедр биофака, было не совсем понятно, что же они изучают и в какой сфере собираются трудиться. Ведь «охрана природы» — это стык наук. Углубление в ту или иную область знаний приводила к подготовке совершенно разных специалистов, хоть и объединённых в студенчестве припиской к одной и той же кафедре.

Но лиха беда — начало! Упор в образовании «охранников» был сделан на их универсальность. «Нам природу охранять и зверюшек защищать», — так выразились они на одном из факультетских фестивалей.

Вместе со студентами кафедр зоологии и ботаники они получали обширное общебиологическое образование, ведь доскональное полевое изучение живой природы позволяло прочувствовать основу основ — общность, взаимосвязь и равновесие единой экологической

системы. Позже кафедра так и стала именоваться — «Охраны природы и экологии». Вместе с тем, это лишь одна сторона вопроса. Сохранение равновесия экосистем немыслимо без учёта влияния на природу её главного «врага» — человека с его кипучей, всепроникающей деятельностью. Поэтому часть студентов специализировалась на лабораторной охране природы, изучая влияние на всё живое отходов производства и изыскивая средства их обезвреживания.

Изучались основы правоповедения в вопросах защиты природы. Правда, правовая сфера в этой области тогда была во многом несовершенна. Тем не менее, именно «охранники» зачастую становились активными инициаторами принятия многих нормативных актов и законов, регламентирующих требования по очистке и обезвреживанию отходов производства, ужесточающих ответственность за вред, наносимый Её Величеству Природе.

Особенно ярко энтузиазм студентов выражался в деятельности университетской студенческой дружины «Служба охраны природы». Работа в СОП не была связана непосредственно с учебным процессом, но приветствовалась. В дружину входили студенты и других факультетов университета. Одной из основных задач этой службы была, помимо научно-просветительской деятельности, оперативная работа против браконьерства: всевозможные рейды, акции, проведение различных операций. Например, «Нерест» или «Ель» — борьба с незаконными вырубками ёлок в преддверии новогодних праздников.

Самым знаменитым нашим СОПовцем стал Михаил Бляхер — человек уникальный. Дружина в КГУ была и до него, но именно Ароныч, как из уважения звали его студенты, поднял работу на высокий уровень, наполнил её особым смыслом, подвёл теоретическую базу да и просто своей активностью и неординарностью «заводил» народ.

Сначала Михаил учился в Гомеле и, создав в одном из тамошних ВУЗов дружину охраны природы, являлся одним из самых ярких лидеров движения. Однажды он решил вывести на чистую воду одного влиятельного преподавателя, промышлявшего браконьерством, и... был отчислен из своего ВУЗа, а вскоре «загремел» в армию. Но, к тому моменту, дружинное движение приобрело большой размах, и его «дело» получило широкую огласку с публикациями в центральной прессе. Профессор Попов сам написал ему в армию письмо и пригласил

после демобилизации продолжить учиться в КГУ на своей, только что созданной специализированной кафедре.

К сожалению, два «зубра» в одной упряжке мирно уживались недолго. Попов рассчитывал на управляемую со стороны руководства кафедры дружину СОП. Но Бляхер, будучи лидером, в командирах не нуждался. Поэтому на одном из общих собраний СОПа, в присутствии Попова, он попросил поднять руку всех, кто не учится не только на кафедре охраны природы, но и на биофаке. А поскольку таковых набралось довольно много, то Ароныч показал необоснованность подчинения столь разной по составу организации исключительно руководству одной кафедры, пусть даже возглавляемой уважаемым профессором...

Получить почётное звание члена дружины «СОП» мог не каждый — проводился конкурс. Кандидаты, как правило, первокурсники, проходили отбор. На самом первом испытательном рейде обычно устраивался спектакль: роль «подсадных уток» — браконьеров, нарушителей — исполняли сами СОПовцы, однако испытуемые об этом не догадывались. Обычно роль браконьера умело исполнял СОПовец, студент нашего курса Иосиф Круть (он, правда, представлялся всем Лёней). Лёня Круть изначально учился на физфаке, но, однажды случайно оказавшись попутчиком профессора Попова, настолько заразился его идеями, что позже перевёлся на биофак, на охрану природы, став активным СОПовцем. Он был среди них, пожалуй, самым артистичным, весёлым и жизнерадостным.

С Шишовым в одной комнате общаги жил паренёк, который «купился» на умелое исполнение роли браконьера Лёней Крутем и, будучи преисполненным праведного гнева, решил дать волю своим эмоциям. А это среди дружинников не приветствовалось. Они, как и чекисты железного Феликса, должны были иметь горячее сердце и холодную голову. Фирменный стиль поведения СОПовца — серьёзность и целеустремлённость. Только природная реакция помогла Лёне увернуться от удара ногой в голову. В результате испытание новобранец провалил: подобное несдержанное поведение в «боевой обстановке» чревато самыми непредсказуемыми последствиями. Особенности оперативной работы требовали постоянной трезвой оценки ситуации, ибо, безусловно, безопасность — превыше всего.

Но и с настоящими браконьерами СОПовцы работать умели. О результатах их рейдов всегда сообщала стенгазета «Вестник СОП», вывешиваемая около кафедры. Материал сопровождался фотографиями и часто излагался в шутливой форме. Например, рассказ об очередной встрече с браконьерами-рыбаками. Надпись «Разговоры, пересуды...» сопровождает фото: встреча с браконьерами и первый словесный «контакт» с ними. Далее, «Сердце к сердцу тянется...» — фото: динамичная схватка с нежелающими подчиняться правилам рыбной ловли. «Разговоры стихнут вскоре...» — фото: утихомиранные нарушители сидят на земле. «Протокол останется!» — фото: вручение протокола умирённым браконьерам на фоне изъятых у них незаконных орудий промысла.

Со временем, движение студенческих дружин охраны природы получило широкое распространение по всей стране, охватив многие ВУЗы, причём необязательно естественнонаучной направленности. И движение это было абсолютно добровольным, самоорганизующимся и неформальным объединением студенческой молодёжи, никак не связанным со всеохватывающей деятельностью Ленинского комсомола. К чести комсомольских организаций, они никогда не ставили задачу подчинения, контроля и, как следствие, ограничения этого движения некими рамками — важность и актуальность работы дружин СОП была очевидна. Мы, члены факультетского комитета комсомола, уважали СОПовцев, тогда как они нас — нет, считая карьеристами.

Одним из руководителей нашей дружины СОП был Андрей Салтыков — серьёзный, организованный, ответственный студент, искренне преданный идее активной защиты природы и совершенно нетерпимый к проявлениям несправедливости. Есть, знаете ли, такие Робин Гуды или, скорее, Дон Кихоты. Хоть он и числился членом ВЛКСМ, мы с ним иногда спорили: мне не нравилась его манера «чесать всех комитетчиков под одну гребёнку», мол, формалисты, трепачи, всё делаете «для галочки». Хотя... не мной метко подмечено: хотите загубить дело — заорганизуйте его. И другой однокурсник-зоолог Фарит Зелеев, по прозвищу Зелич, с ним в этом полностью соглашался (Салтыков и Зелич жили в одной комнате с Ширшовым, где я постоянно «пасся»). Я, помню, кипятился, пытался им что-то аргументировано возразить, но в глубине души осознавал: крыть нечем. Слишком хорошо знал

равнодушие подавляющего числа обычных комсомольцев, которое было просто смешно сравнивать с настроем и боевым духом СОПовцев — честь им и хвала! И однажды они наглядно продемонстрировали свою силу и сплочённость.

Был на биофаке преподаватель кафедры зоологии позвоночных Николай Николаевич, мы его звали за глаза Никникичем, на первом курсе он вёл у нас практикум. Основным направлением научной деятельности этой кафедры была ихтиология, поэтому у сотрудников-зоологов, проводивших в научных экспедициях по несколько месяцев в году, имелось специальное разрешение на отлов любых видов рыбы, в том числе, с использованием неразрешённых орудий лова в период нереста. Ха! — усмехнётесь вы. Прелюбопытная ситуация! Не скажу, что злоупотребление подобным разрешением в личных целях носило массовый характер. Всё-таки существует такая вещь, как профессиональная и научная этика. Но Никникич соблюдением её не мучился: на факультете регулярно ходили слухи, что он, подобрав себе студентов с «жилкой», незаконно промышлял и приторговывал стерлядкой. Безусловно, в курсе было и кафедральное, и факультетское руководство, но закрывало на это глаза.

Андрей Салтыков был не из тех, кто оставался в стороне и, чтобы прекратить столь позорное наглое браконьерство, он с Борисом Капковым, активным членом СОПа, тайно поехал в Волгоград, где находилась контора бассейна Куйбышевского водохранилища, выдававшая разрешение на лов сетями. Там ребята добрались до нужного начальника и обстоятельно рассказали ему о творящихся под прикрытием научных целей безобразиях. И когда один из сотрудников кафедры в положенный срок явился в Волгоград за разрешением (экспедиция на носу), ему отказали, ещё и разнос устроили. Скандал получился основательный, все экспедиционные планы на кафедре попадали «коту под хвост». Бросились искать «стукача», проверив, кто отсутствовал на занятиях в указанные дни. Долго прятаться не удалось бы, да и не в духе Салтыкова это было. Чтобы нанести упреждающий удар, он с Руслем Богдановым сумел разговорить одного студента, регулярно участвовавшего в экспедициях зоологов и знавшего всю их неприглядную подноготную. Парень тот был простой и, с видом бывалого человека, всё на чистом русском языке

с характерными идиоматическими оборотами им рассказал: и про водку, и про стерлядь, и про всех преподав — основных затейников этого постыдного явления, в том числе, и про бессовестного Никникича, как главного заводилы. Всё это тайно записали на магнитофон, спрятав его за занавеской. Затем запись скопировали, отнесли в партком факультета, возглавляемый, в то время, приснопамятным дарвинистом Михаилом Стекольниковым, изложив своё нежелание мириться с браконьерством Никникича и Ко. Надо сказать, Стекло в этой истории показал себя большим молодцом, помог дать делу широкую огласку и добиться нужных оргвыводов.

Где-нибудь в другом месте подобное происшествие закончилось бы предупреждением или строгим выговором, лишением премии, перестановкой вниз в очереди на машину или жильё и прочими традиционными дисциплинарными воздействиями. Но только не у нас на биофаке. СОПовцы жёстко предупредили, хотя и рисковали, что если бесчестный препода-браконьер не будет уволен, а Салтыков, Капков или Богданов хоть как-то пострадают, то они предадут огласке этот возмутительный прецедент, оповестив дружины охраны природы всей страны. И как в этом свете будет выглядеть Ленинский университет? В результате, наш декан дал понять бескомпромиссным защитникам природы: вы не поднимаете шума — мы увольняем браконьера и наводим порядок в рядах «экспедиторов». То, на чём в своё время, погорел Бляхер, на этот раз увенчалось успехом. Словом, Никникича я больше ни разу не видел...

А Михаил Бляхер, со временем, стал начальником управления заповедников и заказников Туркменской ССР. И к середине 80-х годов заповедное дело в этой республике было на самом высоком уровне в Советском Союзе. Однако для настоящей работы в условиях коррумпированной среднеазиатской повседневности Ароньчу требовалась команда единомышленников. Тогда у нас многие ехали по распределению в Туркмению, под начало неугомонного энтузиаста. Ехали поодиночке, ехали и супружескими парами, чтобы, осев надолго, поработать на славу. Уехал туда Андрей Салтыков вместе с женой Ольгой, тоже СОПовкой, мы звали её Чуда. И супруги Богдановы, Рустем и Гузалия. И Зелич с супругой, и Капковы, и другие.

Борец за справедливость Бляхер вступил тогда в непримиримую борьбу со своим начальником, министром сельского хозяйства Туркменской ССР (заповедники и заказники входили в систему Минсельхоза республики) и по праву вышел победителем. Однако новый министр, желая обезопасить себя, почти сразу уволил Ароныча. Шумная кампания в его поддержку с приездом корреспондентов центральных газет не помогла — грянула Перестройка, и началась постепенная децентрализация СССР. Окрик Москвы действия уже не возымел. Казанская община стала потихоньку разъезжаться из Туркмении.

Но усилия Михаила Ароновича не пропали даром: был создан базис, а воспитанные им местные кадры и немногие оставшиеся казанцы продолжили его дело. И сегодня, на удивление, здесь всё обстоит благополучно: на западные гранты построена новая контора Амударьинского заповедника, кордоны, закуплено оборудование. Благодаря охране тугайные леса на Амударье стали почти непроходимыми, живности развелось много.

А Бляхер, уже проживая в Израиле, получил возможность подготовить обоснование под создание там нового заповедника. Его бывшие соратники, вчерашние СОПовцы, всем миром подыскивали в России научную литературу — ведь дело защиты природы государственных границ не имеет, тем более английским или ивритом он владел тогда плохо. У Ароныча, в итоге, всё получилось. Он занял высокий пост в новом заповеднике, фактически им же созданным.

3

Со временем, наиболее тесные связи у СОП КГУ сложились с Висимским (на Среднем Урале) и Байкальским заповедниками. Некоторые наши выпускники распределялись именно туда. На зимних каникулах организовывались экспедиции дружины СОП в Висим, а в августе и сентябре — на Байкал. Вот я и обратился, оставшись в зимние каникулы без похода, к одному из руководителей СОПа, однокурснику Саше Герасимову, студенту кафедры охраны природы:

— Сань, в Висимский заповедник собираетесь?

— Как обычно.

— Возьмите меня — не пожалеете.

— Видишь ли, туда ещё не каждого СОПовца берут, ты же знаешь. А ты у нас никогда не работал.

— Ну, Сань, — настаивал я. — Во-первых, ты меня знаешь. Во-вторых, я — СОПовец в душе. А в-третьих, обузой не стану: здоров, как бык, морозостоек, туристская подготовка солидная — в лесу ориентируюсь, бивак грамотно разобью, холодную ночёвку выдержу спокойно, собственная экипировка имеется.

— Да у нас, вообще-то, там заимки лесников.

— Тем более! Порешай с народом, а?

— Ладно, поговорю, но ничего не обещаю.

Через несколько дней я получил от Сани «добро»:

— Но смотри! Тебя не хотели включать в состав, не потому, что имеют что-то против, а поскольку правила едины для всех: ты — не член СОПа. Я дал личное поручительство.

— Спасибо, Саня! — Я крепко пожал ему руку. — Не подведу!

В ответ он улыбнулся.

В заповеднике требовалось провести максимально полный после-довой учёт поголовья млекопитающих животных. Местные охотники знали: на время каникул приезжают какие-то непонятные студенты, которых не напугаешь, не подкупишь, не уговоришь — прут буром. Молодые, здоровые, будь они неладны! Чего доброго, ещё и ружьё отберут, протокол составят. Лучше уж дома посидеть, подождать, пока они, окаянные, не уберутся восвояси.

Браконьерством занимались, в основном, обыкновенные деревенские мужики. Азарт охоты, соблазн добычи регулярно затягивали их на территорию государственного заповедника, имеющего особый статус и режим, которые предусматривали полное отсутствие человека на заповедной территории. Запрет распространялся даже на сбор грибов и ягод. Местные браконьеры, будучи пойманными, твердили в своё оправдание одно и то же: «Да в этих лесах ещё мой отец и дед охотились... Тайга большая, но чёрт дёрнул возникнуть заповеднику именно возле наших деревень». И чисто по-житейски понять их было можно. Классический браконьер, враг всего живого, которому раз плюнуть — убить что зайца, что человека, мешающего

охотиться, — встречался крайне редко. Тем не менее, существовала целая «технология» взаимодействия с вооружённым человеком в тайге.

Группе, выходившей в рейд, необходимо было иметь, как минимум, одно ружье (Герасимов обладал правом ношения охотничьего оружия — он официально состоял в обществе охотников и рыболовов). Пытаться обезоружить браконьера без «огневой поддержки» — авантюра: никто не пожелает добровольно расстаться со своим оружием.

Если дружинники брали след, а зимой по лыжне сделать это очень просто, начиналось преследование браконьера. По протоптанной лыжне его настигали довольно быстро, тем более, охотники были, как правило, гораздо старше СОПовцев. И снегоходов тогда ещё практически не имели. Как только до преследуемого оставалось совсем близко — это угадывалось по свежести лыжного следа, по лаю собаки, — группа преследования раздваивалась: происходил охват для задержания. Браконьер должен был понимать, и в этом заключался принципиальный момент, что он под дополнительным скрытым наблюдением. Это предостерегало его от необдуманных, импульсивных действий.

Саня Герасимов даже похвастался: годом раньше ему с двумя дружинниками, удалось изъять сразу два ружья, хотя группы прикрытия не было совсем. Просто он артистически делал знаки в сторону якобы тех, кто его страховал из-за деревьев, чем и сбил с толку нарушителей.

Сами понимаете, когда происходил непосредственный контакт с браконьером, начиналась психологическая дуэль — жёсткое противостояние выдержек, характеров, убеждений. Тут всё зависело от настроения и намерений идти до конца. Собака охотника, конечно же, создавала дополнительную сложность, однако, как ни странно, псы обычно смирились, да и хозяин не хотел рисковать: в натравленную собаку разрешалось стрелять.

Кто был более уязвим в подобной ситуации? Безусловно, браконьер: он осознанно нарушал существующий порядок, закон был на стороне СОПовцев, что прибавляло им уверенности. Но охотники — народ суровый, не робкого десятка, поэтому конфликты иногда случались очень серьёзные. Однако, слава Богу, наших дружинников, по крайней мере пока я учился, проносило мимо самых негативных сценариев развития событий.

Да уж... Вспоминаю это, пишу, и хочется ещё раз снять шляпу перед простыми студентами, готовыми жертвовать собой ради благородной идеи, а не корысти.

Итак, нам предстоял путь в Висимский заповедник. Небольшой отряд СОПовцев разбили на три оперативные группы. Как нам объяснили командир Герасимов, его заместитель Слава Муратов и комиссар дружины Лена Рощина, это нужно для того, чтобы группы смогли полностью охватить небольшую территорию заповедника — всего 13 000 гектаров, которые условно делились на три сектора.

По завершению работы в заповеднике наши СОПовцы планировали принять участие во всесоюзной студенческой конференции дружин охраны природы, которая должна была состояться в Свердловске на базе Уральского лесотехнического института. А для того, чтобы потом профессионально описать нашу «одиссею», в число дружинников включили студентку филфака Лену Кашееву, учившуюся на кафедре журналистики.

Да, девчонки тоже входили в состав дружины. Куда ж без них? Понятно, в оперативные рейды на браконьеров их не брали, но как и в любом деле, без женщин было не обойтись. Недаром поётся в песне, везде нужен «хозяйский, зоркий женский глаз». СОПовки обычно брали на себя общеорганизационную деятельность и просветительскую работу. И уж если студентка сознательно шла в СОП, значит, она настоящая фанатка избранного дела. Например, комиссар Лена Рощина — хрупкая, невысокая девушка с огромными глазами, а в работе проявлялась «железной леди». Разделив девчонок по опергруппам, мы постарались облегчить участь представительниц прекрасной половины. Тем не менее, наши красавицы лёгкой жизни себе не искали.

Помню, ещё до отъезда, на общеорганизационном сборе отряда СОП в универе, мой недоверчивый взгляд сразу упал на одну подозрительно восторженную первокурсницу по имени Танька. Почему столь неуважительно — «Танька»? Читайте дальше. Саша Герасимов пояснил тогда она, несмотря на первый курс, настолько активна в работе СОПа, настолько деятельна, исполнительна и инициативна во всём, так рвётся в экспедицию, что не взять её в Висим просто невозможно.

— Хорошо, — говорю. — Убедил. Но на местности-то её смотрели?

— Да тянет, вроде бы, пыхтит, но тянет... — вздохнув, ответил Саня и озадаченно почесал в затылке. — К тому же, она уверяет, что какая-то разрядница.

Я критически оглядел её неспортивную фигурку, но промолчал: сам был на птичьих правах. Ладно, думаю, посмотрим на месте. Герасимов обрадовал, сообщив, что я буду в его опергруппе, однако озабоченно добавил: «Танька будет с нами». А четвёртым членом нашего самого маленького по численности отряда в ту кампанию стал Лёха, тоже первокурсник — рослый, жилистый, никогда не унывающий, улыбчивый и немногословный парень. Намётанным глазом туриста я сразу же определил: вот с ним проблем не будет.

Ну, в добрый путь!

4

До Свердловска (ныне Екатеринбурга) добрались на поезде. Потом до Нижнего Тагила — на электричке. Нижний Тагил — классический центр «очень тяжёлой» промышленности и металлургии: серый, суровый, прокопчённый; и сосредоточенные выражения лиц его жителей походили на облик самого города. Благодаря таким городам была выиграна война. От него до Висима мы ехали по узкоколейке, напминавшей детскую железную дорогу.

Висим — крупное село, воспетое Маминым-Сибиряком в повести «Три конца». Нам удалось посетить гордость села — музей писателя. Исторически село состояло из трёх «концов»: русского, «хохляцкого» и кержацкого. Понятно, что вихри времён постепенно размыли их самобытность. Но Висим не потерял своего колорита и солидности: добротные белёные дома под четырёхскатными крышами, все, как один, с голубыми наличниками; по улицам неспешно бродили огромные мохнатые собаки... Когда-то там был один из первых заводов промышленников Демидовых, выдвиненцев Петра I. Сохранились даже остатки заводской плотины, которые послужили декорацией во время съёмок фильма «Демидовы».

В Висиме находилось управление одноимённым заповедником, там работало несколько выпускников биофака КГУ. Мы остановились у

землячки Ляйсан. В управлении нас временно оформили на должности лесников и после решения всех организационных вопросов направили в деревню Большие Галашки, до которой мы добирались по зимнику на мощных грузовиках с утеплённой будкой. Деревня, окольцованная суровой тайгой, стояла на реке Сулем и примыкала к границе заповедника. Своими размерами она оправдывала название — «Большие», однако большинство её домов пустовало.

С раннего утрачка каждой из трёх опергрупп нашей дружины предстоял лыжный марш-бросок в свой сектор заповедника. Нам отвели северную часть его территории. До заимки лесников, где нам предстояло базироваться на время работы, было 25 километров. Нас ожидала неделя таёжной жизни.

Такое расстояние за день проходится спокойно, даже с учётом тропёжки глубокой таёжной снежной целины. У СОПовцев и туристов лыжная экипировка различалась. Мы, туристы, ходили в вибрамах, на которые надевались высокие капроновые бахилы до колен. Бахилы пристёгивались к лыжам специальными пружинными креплениями. А дружинники — в валенках на обычных широких охотничьих лыжах, марки «Лесные», имевших простые ремённые крепления. Это и понятно: для туристов главное — маршрут, километраж, ногам должно быть легко. Туристские лыжи марок «Бескиды» или «Турист» были шире беговых, но гораздо уже охотничьих. Валенки туристы брали только для стоянок. СОПовцы же, как и охотники, обычно никуда не торопились — целью была работа, поэтому в вибрамах ноги могли быстро замёрзнуть...

Вышли мы в серых сумерках. Морозец отмерил 25 градусов. Кругом — ели, хрустящий, девственно белый снег. Тропили по очереди. Девушку нашу, естественно, поставили в конец. Я был доволен: чем не поход? На мой взгляд, лыжный — самый спокойный вид туризма: дожди не портят настроение, ноги всегда сухие, лыжное размеренное «ширк-ширк, ширк-ширк» умиротворяет и навеивает философские мысли. Ну, а морозец? Настройся сразу на него, экипируйся и дыши правильно — и всё будет в порядке.

Вся территория заповедника покрыта прекрасным хвойным лесом, расстилающимся по невысоким холмам зелёным ковром. Под выглянувшим утренним солнышком всё вокруг весело заискрилось, что ещё больше придало нам бодрости. Красота!

Вот только девушка наша стала регулярно отставать, хотя шла последней по уже пробитой лыжне. Говорю Саше и Лёхе: «Идите вперёд, нас особо не ждите, я за ней пригляжу. Если что — свистну». Когда авангард тропарей скрылся из виду, я оглянулся — Танька лежит. Подхожу к ней.

— Чего лежим? Загораем?

— Да нет, сейчас отдохну чуток.

— Вставай, вставай, лежать на снегу нельзя. Может, свистну мужикам, перекур организуем?

— Всё нормально, не надо, идём.

— Ну, хорошо, идём.

Прошли ещё немного. Хвать — Танька снова лежит да ещё и снег ест.

— Немедленно брось! — Строго прикрикнул я и свистнул ребятам.

Те «прискакали» назад.

— Открывай термос, — прошу Саню. — Пусть попьёт.

Перекусили. Снова двинулись в путь. И снова повторяется то же самое. А мы отмерили уже чуть больше половины пути. Солнце свалилось к закату.

— Опять разлеглась? Вставай! — прикрикнул я на Таньку.

И тут она шёпотом сказала то, отчего я чуть не сел рядом с ней в снег:

— Вообще-то у меня врождённый порок сердца... Только Саше не говори, пожалуйста.

— Ага, сейчас!

Я свистнул. Потом ещё и ещё. Недовольный Саша, вернувшись к нам, спросил:

— Ну, чего тут у вас опять?

Я доложил. Он минут пять молчал, сверля взглядом пенёк рядом с лыжнёй, будто внимательно его изучая.

— Экспедиция окончена. Кругом! Возвращаемся в Галашки, — вынес Саня свой вердикт.

— Не надо!!! Прошу тебя, Саша!!! Пожалуйста! Я дойду, дойду! — запричитала Танька.

Тут из-за ёлок показался Лёха. Узнав, в чём дело, он и сам чуть не заплакал.

— Может, дойдём? Всё-таки больше половины прошли... — робко промямлил я. — И как же работа?

Но решающим было слово руководителя. Герасимов молча сорвал с себя рюкзак. Потом с Таньки. Всё, что хоть сколько-нибудь весило, стало перекачëвываться в наши рюкзаки. Дëргая лямки, Саня яростно жестикулировал губами. Я без труда определил по ним знакомые выражения и обороты.

Наша «красавица», зажав волю в кулак, продолжила движение.

Стало смеркаться.

— Ну что, Сань, скоро дойдём? — Спросил я. — Ты избушку-то найдёшь в темноте?

— Может, найду... А может, и не найду — чёрт его знает! — откликнулся ведущий.

Он любил держать народ в тонусе. Я замолчал. Оглядываться на Таньку не хотелось вообще.

Наконец-то, уже в темноте — хорошо хоть, светила полная луна — мы увидели маленькую избушку, притулившуюся под ёлками. Запас дров, слава Богу, был. Мы быстренько растопили печку, правда, она немного чадила, но это — ерунда. Благодатное тепло потихоньку стало заполнять небольшое пространство. Танька скромненько сидела в уголке. Трепать языком почему-то совсем не хотелось — всё делалось молчком. Приготовили ужин, разделись, сели. Стало жарковато. «К приёму пищи приступите!»

«После сытного обеда, по закону Архимеда»... После марш-броска и нервных переживаний навалилась усталость. Но настроение поднялось. Развалившись на спальниках, раскинутых на нарах по обе стороны от стола, мы стали неспешно обсуждать планы на завтра. У Саши была подробная карта заповедника. В тусклом свете парафиновых свечей мы стали намечать на ней квадраты для посещения.

Танька решила сделать хоть что-нибудь полезное: убрать со стола, сполоснуть посуду, подмести пол. Мы не возражали. И увлëкшись обсуждением, не заметили, как она, собрав мусор, швырнула его в протопленную печку, а заслонка была уже закрыта. Саня подскочил, как ужаленный и, обжигаясь, выкрикивая что-то о необходимости дружбы головы с руками, начал выгребать мгновенно вспыхнувший на горячих углях мусор: угореть ночью совсем не хотелось.

Танька разревелась в голос. И Герасимов, утихомириваясь, сказал:

— У-у, а это надо было оставить дома!.. Отбой!

Но мы, засыпая, ещё слышали некоторое время горестные всхлипы.

5

Утро было солнечным, безветренным и морозным. Пока на печке, булькая, готовился завтрак — макароны с тушёной, одобренные чесночком и лаврушкой — я решил выйти. Хотелось размяться, обтереться снежком, заодно и осмотреться.

Недалеко от избышки я заметил непонятный собачий след. Заскочив в ароматное тепло, сразу спросил:

— Сань, а что тут собачки бегают — село рядом какое?

— Ха! «Собачки»! — отозвался Герасимов. — Это волчий след. Их поголовье за последнее время немного выросло — прошлый год был сытным. Я уж не стал вам вчера говорить, что сразу заметил их присутствие рядом с нами. Не бойтесь, нападения волков на человека в этих местах крайне редки, только в самые голодные годы, к тому же нас всё-таки четверо. Но всё равно серые, повинувшись инстинкту, почти всю дорогу нас вчера сопровождали, особенно когда наша «красавица» решила спинкой снежок подавить!

Танька, вздрогнув, подняла на нас полные тревоги глаза.

Тем временем поспел завтрак. Саня, раскладывая варево по мискам, продолжил:

— Ну что, народ, с чего начнём работу?

Воцарилось молчание: ясно, что оставлять Таньку в избышке одну было нежелательным. Первым подал голос я.

— Разумею так. Вы с Лёхой пойдёте: ты — командир, а Лёхе — расти. Я — человек «приблудный», поэтому останусь с Таней.

Ребята согласились. Танька не проронила ни слова.

Проводив наших орлов и подбросив дровишек в печку, я уселся за стол напротив своей подопечной:

— Ну что, подруга, давай знакомиться ближе: кто ты, откуда, как сдала первую сессию? Как вообще себя чувствуешь?..

И покатился разговор. Она — из Казахстана. Скрыла от матери, что решила поступать на «Охрану природы» — мать была против: специальность ей казалась какой-то непонятной. Потом, когда по-

сле Танькиного удачного поступления всё открылось, возмущённая мама порывалась ехать в Казань, чтобы забрать документы. Но потом смирилась. И воодушевлённая победой Танька с энтузиазмом стала работать ещё и в СОПе.

— Слушай, птица, — строго обратился я к девушке. — Но как тебе в голову пришло скрыть порок сердца? Это же преступление, чёрт возьми! О себе, о других ты подумала?! Это же подсудное дело!

Ответ обескуражил.

— Мечта моей жизни — побывать в заповеднике на Байкале. Без Висима туда не попадёшь. Я должна была себя зарекомендовать в настоящем деле! Я разобьюсь в лепёшку, но в дружину на Байкал попаду! Да!!!

«Уже зарекомендовала!» — подумал я, но в ответ промолчал. Пусть сами СОПовцы с ней разбираются, я — человек пришлый.

Однако Таньке было интересно послушать меня: всё же, я — выпускник-пятикурсник. День впереди был долгим и я, прихлёбывая обжигающий губы ароматный чаёк, неспешно начал своё повествование. Вспомнил и практики на учебных станциях университета, и колхозы, и сессии, и туристские походы, и студенческие приколы.

Вспомнил, как мы встречали новый 1981 год в нашей общаге на Красной Позиции. Продолжая традиции студентов средневековья, «если насмерть не убьюсь на хмельной пирушке...», народ под бой курантов стал колотить в коридоре пустые бутылки об стены и потолок. Потом ходили по битому стеклу, как по ковру, под возмущённые вопли комендантши Флюры Шагеевны. В разгар праздника к общаге подвалили гопники с Аметьево — им непременно хотелось помахатьсь. Андрюха Ширшов, не дождавшись подхода основных сил общежитских бойцов во главе с Шамой Омаровым, кинулся на «незваных гостей». Это было опрометчиво: ему махом разбили «грызло» и засунули в сугроб — одни ноги торчали. После коллективного разгона гопоты, Андрей, ещё в пылу битвы, отогреваясь на своей койке в комнате после снежных процедур, стал задираться. Я ему: «Всё-всё, Андрюшенька, молчу! Ты ж у нас сегодня герой: как-никак два раза по хлебальнику получил!» Неудачливый боец, матюкнувшись, кинулся на меня. Но Скипа, наряженная Снегурочкой, казалось, безучастно курившая, мгновенно отреагировала и двумя грамотными, удивительно точными движениями уложила

Андрюшу обратно в койку, мол, грейся дальше. Поутру, «шарахнув» примирительный «брудершафт», мы с ним проводили Скипу домой. Потом залезли на козырёк подъезда её дома и, со смехом швыряя снежки, поздравляли всех прохожих с Новым годом.

Или как во время ремонта своими силами комнаты Ширшова (это было условием его заселения в общагу со стороны суровой Флюры Шагеевны) мы отодвинули от стенки его койку... О! Сколько полезных, казалось, навсегда утерянных вещей он там обнаружил! Но самой ценной находкой оказалось пропавшее полгода назад пальто из тёмно-красного кожзамениителя!

А однажды я, Ширшов и Люба по пути в горную «тройку» на Кавказ, в Белгороде отстали от поезда. Мы тогда решили осмотреть при вокзальную площадь города первого салюта... и остались на перроне в шортах и майках без документов, с пятью копейками на троих. Но всё обошлось. В вагоне ехал четвёртый член команды, мирно спавший Ильдар Абдуллин, студент химфака. Наши билеты в Харькове перекомпостировали на другой проходящий поезд. Даже в очереди не пришлось стоять — доброжелательные хохлы вошли в положение, пропустили нас, ещё и порадовались: «та ничего, що у нас билетыв нема, хоть за дитыв радость!»

И голодать бы нам до Минвод (не милостыню же по вагонам собирать!), но Бог послал подмогу в виде отставшего от этого же поезда в том же Белгороде пожилого грека Колю Манопуло. Он, как и мы, остался на перроне в трико и майке, но в отличие от нас, с пухлым кошельком. Щедрый грек угощал нас, радуясь неожиданной компании неудачливых попутчиков.

В Минводы мы прибыли всего лишь на четыре часа позже Ильдара: он ехал на пассажирском, а мы его догоняли на скором поезде. При встрече Ильдар не знал, что делать с нами — бить или обнимать. Никогда не забуду смачно матерящегося от негодования и одновременно радостно улыбающегося товарища.

Или как после горной «двойки» на Фанских сборах спустились вниз и обалдели, оказавшись на богатейшем августовском самаркандском рынке. У каждого из нас после горного «авитаминоза» при виде умопомрачительного изобилия фруктов сводило скулы, поэтому мы все затарились по полной. Однако ехать до Казани с пересадкой

в Сызрани было четверо суток. Катились по пустыне, в вагоне было жарко — и вскоре отовсюду потянуло сладковатой гнильцой, полетели рои мелких фруктовых мушек. Стало ясно: до дому наше добро не дотянет. Жрали-жрали, жрали-жрали, не осилили, к тому же, по вполне понятным причинам, оба туалета были постоянно заняты — только нас, туристов, было в вагоне человек тридцать (четыре команды). Хорошо хоть через пустыню шёл однопутник, и на разъездах мы, судорожно распахнув вагонную дверь, быстренько рассредоточивались за ближайшими песчаными барханчиками. Было забавно наблюдать, как, услышав гудок отправления, народ прыжками бежал к вагону, по пути натягивая штаны.

Однако припасы всё не кончались, но даже смотреть на подгнивающие фрукты опротивело. А выбрасывать жалко. Придумали выход: проиграл в карты или в «шкурки» — изволь съесть блюдо винограда или слив. Что за «шкурки»? Очень просто. После жестокого горного южного солнца наши морды стали дружно облазить, поэтому придумали игру: кто снимет с себя меньший кусок слезающей кожи — тот проиграл. Двум нашим противным туристкам все время что-то не нравилось. Пришлось, в воспитательных целях, развести слабительное «Сенаде» и через шприц из медаптечки закачать его в их арбуз. Правда, в дороге они арбуз есть не стали, а что было потом, мы так и не выяснили.

На нашем курсе на зоологии учился Фарид Габдуллин, страстно увлечённый герпетологией. Во время летней практики по ботанике на университетской биостанции, что на разъезде «774 км», он поймал в лесу гадюку и определил её в старую птичью клетку. «Гадючий домик» поставил на полку у двери, рядом с выключателем. Поэтому, когда кто-то пришлый шарил в темноте рукой по стенке, в ответ слышал непонятное зловещее шипение. Так и прожила у нас гадина, названная Змеюленькой, целый месяц практики. Фарид исправно таскал ей на трапезу лягушек. Как-то после выходного дождливым утром народ никак не хотел подниматься. Габдуллин в шутку сообщил, что змея пропала из клетки. О! Любой спецназ позавидовал бы нам в выполнении команды «подъём!».

У Фарида была пониженная реакция на укусы насекомых. Он часто сажал пчёл на руку как в терапевтических, так и в саморекламных целях. Даже укусы шершня добровольно отведал. А однажды, когда

Фарид Габдуллин. Саратовская область, военные лагеря

на берёзу возле летней лаборатории прилетел целый рой, Габдуллин без страха снял его и вернул хозяевам, за что был вознаграждён банкой мёда. А его помощники, дававшие очень ценные советы метрах в тридцати от берёзы с пчёлами, быстро потом помогли ему справиться с угощением...

Изучая способности своего организма, Фарид решил добровольно «отдаться» своей «содержанке» — гадюке. Подставил змее руку, получив желанный укус. Потом стал подробно описывать свои ощущения, а мы, затаив дыхание, внимали его откровениям. Многострадальная кисть заметно надулась. Потом на опухоли появились зловещие зеленоватые разводы, у Фариды поднялась температура. Кто-то нервно

предложил вызвать «скорую»... но тем всё и закончилось. Через два дня следов от «поцелуя Змеюленьки» не осталось вообще. Живуч!.. По завершении практики, Фарид, в глубокой печали, расставался со своей «питомницей», отпуская её на волю. Но целовать на прощание Змеюленьку всё-таки не решился.

А как студент Ануфрич раздобыл череп на реке Казанке в районе Арского, самого старого в Казани, кладбища?! Нет, он не раскапывал могилы. Овраг постоянно «ехал» к реке, обрушивая старые захоронения. Для обеззараживания, чтобы сделать потом ночник, Ануфрич стал на кухне общаги варить находку. Но кто-то сыпанул в ведро синьки... Так и отсвечивала потом в их комнате черепушка, водружённая на шкаф, ультрамарином, пугая проверочные комиссии студгородка.

Или как на экзамене по общей микробиологии, в курс которой входило знакомство с вирусологией, один однокурсник отвечал про

бактериофаги. Во всех учебниках по предмету непременно изображена классическая схема-рисунок с общим устройством бактериофага: многоугольная «голова», в ней хранится нуклеиновая кислота, круглое длинное тельце, из чрева которого виднеется зловещая колющая игла, на конце цепкие хищные «ножки». Студент сочно описывал поразившее его воображение существо. Задавшая вопрос «что же всё-таки прокалывает эта игла» аспирантка Альфия Фаттахова, принимавшая экзамен, получила ответ, после которого, смахивая слезы от смеха, не могла успокоиться до конца дня. Экзаменуемый, оглянувшись в обе стороны, чтоб, видимо, не услышали коварные бактериофаги, и судорожно сглотнув, нагнулся к ней и взволнованным хриплым шёпотом выдохнул: «Кожу!»

Как-то студентка Лариса Шипицына притащила зимой из марийских лесов в общагу две мороженые волчьи башки и принялась с Зеличем вываривать их на кухне в вёдрах, чтобы черепа добыть. Но когда те сварились, пошёл такой густой аппетитный мясной дух, что они, притащив соли и хлебushка, «спороли» всё мясо, только треск за ушами стоял.

Да, много прикольных историй бывало. Всё же студенты-биологи во многом отличались от физиков или филологов. Некоторые из наших даже целовали от умиления пауков и многоножек. И я с удовольствием предавался колоритным воспоминаниям, отчётливо осознавая, что моей беззаботной студенческой вольнице осталось длиться всего несколько месяцев.

Моя «подшефная» дружинница от души хохотала, а как известно, смех — лучшее лекарство. Особенно заинтересовал Таньку рассказ о полевых практиках по ботанике и зоологии на факультетских учебных станциях, которые ей, счастливой, ещё только предстояли. Мы, микробиологи, проходили их после первого курса.

О живописном месте, рядом с которым находилась зоостанция КГУ (пристань «Рудник»), где Свияга впадает в Волгу, стоит рассказать особо. Вид, открывающийся с высокого берега, широким, изумрудным косогором, сбегающим к воде, — один из самых величественных и прекрасных; мне кажется, это самое красивое место в Татарстане. На всю жизнь я запомнил картину первой встречи с этой красотой: гладь широкого разлива реки, окаймлённой дальней панорамой бескрайних,

1 курс. Биостанция. Слева направо — одноклассники Ирочка Черных, Олечка Караулова, Леночка Ильина (Дульсиня). С палкой — автор

уходящих за горизонт лесов Заволжья, отражала в себе бездонную голубизну неба, подёрнутую лёгкими облачками.

Напротив места слияния рек раскинулся остров Свяжск — точнее, оставшаяся от него после заполнения Куйбышевского водохранилища центральная, возвышенная часть города. На острове красовались ансамбли монастыря и двух храмов, где размещалась клиника для безнадежных душевнобольных — коммунисты обожали использовать православные святыни для закрытых учреждений, а если ещё и на острове... Но зато строения уцелели. Слава Богу, церкви и обитель используются сейчас по назначению.

Свяжский пейзаж вдохновил знаменитого художника Константина Васильева, жившего и творившего в посёлке Васильево (что напротив нашей зоостанции, через Волгу) написание известной картины «Свяжск». Художник запечатлел торжественность и очарование живописного берега, вид на остров, подчеркнув ве-

личественность момента одинокой женской фигурой, облачённой в славянский наряд с развевающимся по ветру широким подолом красного сарафана.

Вспомнилось, как на той зоостанции мы, юные, наивные романтики, ходили на рассвете купаться. Как девчонки из нашей группы — Скипа, Кло и Ленок Ильина — сбрасывали одежды. Как они нарочито строго наказывали нам с Андрюхой: «Не подсматривайте!» — и, игриво бултыхая ножками, входили в воду, которая, после бодрящей пред-рассветной свежести, казалась парным молоком. Но, разумеется, мы тайком любовались, как первые лучи солнца, вынырнув из-за горизонта, запутывались в мокрых волосах наших русалочек, окрашивали их точёные фигурки в неестественно розовый цвет, а капельки воды, преломив солнечный свет, задорно разбегались по телу россыпями маленьких бриллиантиков...

— Ну-ну, чего замолк-то? — Танька с недовольством в голосе напомнила о себе: оказалось, что я, погрузившись в воспоминания, как в сновидение, устался в одну точку на стенке и замер с улыбкой на застывшем лице.

— А, да-да, — очнулся я и, кашлянув, огляделся по сторонам.

Танюша улынулась. В полумраке, при свече, в отблесках огня из весело потрескивающей печки моя «подопечная» стала мне казаться хорошенькой.

Смеркалось, потихоньку наваливалась темень за окном — вот-вот должны были вернуться наши защитники природы. Я затаил свою любимую сказочку про 99 зайцев. И закончив её, услышал Танькин вердикт, после которого не то что общаться, видеть её не захотелось.

— Знаешь, ты такой дурак! Я всегда считала, что пятикурсники все такие взрослые, серьёзные!..

— Ну что ж, девчушка, — помолчав пару секунд, переваривая услышанное, ответил я. — Спасибо тебе. Что я могу сказать? Вообще-то, все люди разные: одни — серьёзные, немногословные, другие — весёлые, разговорчивые. Поживёшь ещё — узнаешь. Я, понимаешь ли, торчу тут с тобой, развлекаю, кормлю, разве что сопلي тебе не вытираю. Ты сидишь довольная, сытая, в тепле, а ведь ещё вчера устроила нам «концерт по заявкам». Да-а уж... Не ожидал... Ещё раз большое спасибо! — и, отвернувшись от неё, прилёг.

Замолкла и Танька. В тишине, разбавленной лёгким потрескиванием печки, я услышал её всё более и более явственное сопенье, потом тоненький всхлип и, наконец, громкое: «Прости, пожалуйста!!!» И горький, с надрывом плач.

Я глубоко вздохнул, почесал затылок и снова уселся, уставившись на неё. Успокаивать её не хотелось — не отошёл ещё от обидных незаслуженных слов. Но и рёв тоже угнетал. И тут снаружи раздались голоса, смех, топание ног. В клубах пара в избушку ввалились заиндевшие Саня и Лёха, лица их были красными от мороза, но довольными. По ним читалось: день прошёл удачно. А тут ещё и в тепло сразу, и пожарть уже готово — замечательно! Только рёва они никак не ожидали услышать.

— А у нас что, слёзы каждый день по расписанию? — строго спросил Герасимов. — Что тут у вас случилось?

— Да ничего особенного, — отвечаю. — Так, небольшие педагогические мероприятия.

— А-а, ясно — ну, это полезно.

«Отважная дружинница» перестала реветь, только резко всхлипывала, судорожно вздрагивая, протирая кулачками мокрые глаза — перед командиром, от которого зависела её поездка в вожделенный Байкальский заповедник, нюни распускать не хотелось.

Поужинали. Вечер коротали в разговорах. Саня с Лёхой показали мне на карте, какие квадраты обследовали, сколько и какой живности определили. Рассказали, что следов браконьеров не обнаружили — северная часть заповедника была наиболее удалена от населённых пунктов. Потом, переглянувшись, обратились ко мне:

— Петь, нам бы втроём завтра потропить: тяжело вдвоём-то.

Я опешил:

— Вы что, мужики, неужели решили, что мне здесь нравится сидеть?! Да и Танька, по-моему, в полном порядке. Завтра же иду с вами!

Танька, подняв глаза, часто-часто заморгала:

— Да-да-да, ребята, конечно. Я приберусь и поесть приготовлю, и печку буду топить, и дровишек принесу. А у тебя, Саша, вон штаны порвались, снимай, я зашью!

— Добро. Только от избушки не дальше, чем на десять метров! И смотри, не запали её!

Оставшиеся дни я с удовольствием изучал заповедную тайгу, помогал, чем мог, молодому и бывалому СОПовцам, добросовестно топтал глубокий снег.

Сказать, что Саня Герасимов молодец — значит, не сказать ничего. Я не встречал людей, которые бы так разбирались в шарадах многочисленных звериных следов. «Так, это — тот самый русак-двухлетка. След вчерашний, его я помню и по другим квадратам. Ишь, разбежался! Ага, лисица, след совсем свежий, видимо, нас учуяла, только что ушла. Ну, это, похоже, та же волчья тропа, что идёт на север». И так далее. Где-то он снимал с коры еле заметный клочок шерсти и, помяв его и понюхав, называл хозяина. Где-то, достав спичку, клал её на снег между отпечатками лап. И всё вполголоса рассказывал и рассказывал Лёхе об обитателях тайги, тот кивал, тоже шупал кусочки шерсти, ковырял кору на деревьях, определял по компасу направление следа. Затем доставалась карта, что-то сверялось, что-то записывалось карандашом на бумагу в планшете.

Я внимал этим премудростям вполуха. Понимал лишь главное: существуют специальные методики определения численности разных видов животных по паутине их следов. Я и раньше с восхищением читал в расписании занятий названия изучаемых «охранниками» дисциплин: лесоведение, луговедение, охотоведение и другие экзотические предметы. Но тут отчётливо понял: всё это — не просто так.

За четыре дня мы истоптали изучаемый сектор заповедника вдоль и поперёк, даже заглянули на соседний — вдруг кого-то из наших увидим. Или браконьеров. Но никого не встретили. А девочка наша старалась изо всех сил: в избушке всё, насколько это было возможно, блестело, к нашему приходу всегда был готов ужин, печка протоплена, дровишки аккуратно уложены. Ну, и ко мне она стала проявлять подчёркнутую учтивость и доброжелательность — учение пошло впрок.

За день до нашего возвращения в Галашки Саня устроил, как принято говорить у туристов, днёвку — что-то нужно было починить, посмотреть, да и просто отдохнуть перед обратным марш-броском. Ещё он внимательно наблюдал за Танькой, что было и заметно, и понятно.

И вот ранним утречком мы, позавтракав и поклонившись гостеприимной избушке, двинули назад. Бог послал погожий солнечный денёк, осадков за весь период нашего пребывания не было, рюкзаки заметно похудели, поэтому по своей же лыжне добрались до Галашек очень резво. Танька, слава Богу, не подкачала. И лишь когда мелькнули между ёлок впереди первые деревенские избушки, Герасимов шумно выдохнул: «Фу-у-у!» Затем, нагнувшись ко мне, тихо, но зловеще прохрипел: «Ох, и выдам я Ленке Рощиной: это она мне навязала Татьяну!..»

В Галашках, в одной из изб разместились контора Сулемского лесничества, к которому относится Висимский заповедник. Здесь мы встретились с остальными СОПовцами. Ни у кого не случилось никаких происшествий, все были рады. На грузовиках добрались к вечеру до Висима. Ввалились к Ляйсан голодные, уставшие, но счастливые. Выяснения отношений Герасимова с Рощиной я не видел, но про себя отметил, что они принципиально стараются не замечать друг друга. Танька растерянно посматривала то на одного, то на другого. Ладно, думаю, история окончена — сами промеж себя разберутся. Только однажды, во время ужина у Ляйсан, Саня перед всеми громогласно со смехом изрёк: «Ну, Таня, расскажи, как медведей за уши ловила!» Юная «медвежатница», надув губки, опустила глаза. «Штатная» журналистка дружины Кашеева что-то лихорадочно переписывала из блокнота в блокнот.

Накануне отъезда Герасимов и руководители групп сдали в контору все данные обследований территорий. Утром, получив расчёт в кассе, мы двинули в Нижний Тагил, а оттуда — в Свердловск. На следующий же день в УЛТИ начиналась Всесоюзная студенческая конференция дружин охраны природы. Мне любопытно было глянуть на студентов — энтузиастов своего дела. И я не обманулся в ожидании абсолютного позитива: сотни светлых, умных лиц с увлечёнными искрящимися глазами; делегаты (многие были знакомы друг с другом) радовались встрече. Честное слово, мне стало так хорошо, что захотелось их обнять — каждого поодиночке и всех вместе. Думалось, что защита природы в нашей стране в надёжных руках.

Были и печальные минуты. Вспоминали тех, кого нет рядом. По традиции, конференция началась минутой молчания в память о сту-

дентах — защитниках природы, погибших от рук браконьеров при исполнении своей добровольной миссии...

Где сейчас Александр Герасимов, я не знаю. Последний раз я видел его в очень популярной некогда программе «Взгляд». Шёл рассказ об одном заповеднике, которым он руководил, и где навёл образцовый порядок.

А Таньку я вскоре после возвращения встретил в нашей общаге. Она буквально затащила меня в гости, представив соседкам по комнате, таким же зелёным первокурсницам, «большим другом». Ладно, думаю, на здоровье. За кружкой чая я подробно рассказал о большом вкладе Татьяны в дело защиты уральской природы, не скупясь на комплименты в её адрес. Она, сияя, глядела сверху вниз на раскрывших рот подружек. И только уходя, я вполголоса сказал ей: «Ну, а уж как ты «ловила медведей за уши», расскажешь им сама». Она, привычно опустив глазки, промолчала. На том и простились. Больше я с Танькой никогда не встречался. По отрывочным сведениям узнал, что на пятом курсе она вышла замуж за Лёху — я порадовался. Дай Бог, чтобы всё у них было хорошо. Чтобы добрым словом вспоминали «наше зимовье». Но удалось ли ей тогда попасть в Байкальский заповедник, я так и не узнал.

Как я защищался

I

К науке нас начинали приучать с младших курсов. Помню, завкафедрой Наумова Римма Павловна ещё на первом курсе подошла к нам с Ширшовым: «Ребята, вы хотите заниматься наукой». Эта фраза, вроде, должна была прозвучать вопросом. Но она прозвучала, как утверждение, почти указание. Мы промямлили что-то невнятное, ибо, будучи первокурсниками, что-либо возразить боялись, в тайне сожалея, что вообще попались ей на глаза. «Вот и прекрасненько!» — заключила Римма Павловна, сразу же представив нас аспирантке Сание Зариповой, ныне доценту КХТИ, со временем ставшей для нас просто Соней.

Поначалу «наука» для нас с Андрюшей заключалась в мытье лабораторной посуды, в приготовлении каких-то растворов, в прочей низко квалифицированной работе. Делать что-то серьёзное мы, разумеется, ещё не умели: на младших курсах преподавали только общебиологические дисциплины. Тем не менее в группе успели похвастаться: нас приобщают к науке! После чего, не скрою, сокрушённо вздохнули.

По мере нашего «поумнения», мы стали кое-что понимать в том, что нас просили делать. Но в паре с Ширшовым из-за буйного веселья мы были настолько непродуктивны, что Римма Павловна вынесла в конце третьего курса решение нас «развести».

Андрея оставили у Сони, а я оказался в «проблемке», возглавляемой Борисом Михайловичем Куриненко. И в начале четвёртого курса

мне была сообщена будущая тема дипломной работы: «Получение и свойства рибонуклеазы *Bacillus intermedius*, модифицированной хлорангидридом адамантанкарбоновой кислоты». Попросту говоря, нужно было посмотреть, как изменятся свойства двух компонентов, имеющих самостоятельное противовирусное действие, если их «присоединить» друг к другу: фермента рибонуклеазы (РНКаза) одного из видов бацилл, и хлорангидрида — представителя гомологического ряда адамантанов, самым известным из которых является противовирусный препарат «Ремантадин». Вот такой, понимаете ли, «едрид и ангидрид», как пел Высоцкий.

Итак, для меня изучение этого дела должно было стать дипломной работой. Для моей непосредственной руководительницы Калачёвой Натальи Васильевны — разделом в кандидатской диссертации. Ну, а для Куриненко — абзацем, а то и парой строчек в докторской. Всё очень стройно и последовательно.

Связать эти два компонента и химически их охарактеризовать мне предстояло в проблемной лаборатории. А испытать противовирусное действие с помощью вируса гриппа — в Риге, в лаборатории ингибиторов вирусной активности Института микробиологии академии наук Латвийской ССР имени Августа Кирхенштейна. Что ж, надо — значит надо. С Натальей Васильевной у нас сразу установились хорошие, конструктивные отношения. В «разводе» с родным Ширшовым работать действительно оказалось продуктивней.

Я очень старался, из чего Куриненко вполне закономерно заключил, что я «произвожу приятное впечатление». Мне же помимо всего прочего очень хотелось побывать почти за границей, в Латвии, в неведомой Риге.

2

Прибалтика в Советском Союзе пользовалась большим уважением — какой-никакой, а всё-таки Запад. Такой далёкий, неведомый и манящий... Человек, говоривший с прибалтийским акцентом, сразу вызывал к себе интерес, особенно у женщин. Скрывать не стану: прибалты — эстонцы, латыши и литовцы — смотрели на нас высокомерно.

Мы подсознательно мирились с этим, был такой момент, и отрицать это бессмысленно. Но и основания у прибалтов в то время имелись. Годы большого террора коснулись их по минимуму, коллективизация была не такой свирепой, как у нас, да и с «величественной» сталинианой познакомились они лишь в её конце. Добавить к этому самый высокий уровень жизни в СССР, мощную промышленность и развитое сельское хозяйство, во многом сохранившее своё историческое хуторское начало, хоть и в колхозной интерпретации. Традиционный уклад жизни был во многом сохранён, плюс европейская архитектура, аккуратность, чистота, опрятность во всём. Да! И море! Хоть и холодное. Одно слово — Прибалтика.

Прибыл я в Ригу поздно вечером. На вокзале расспросил, где находится университетское общежитие, и уже в темноте отправился на его поиски. Нашёл быстро, но не то — общага оказалась юрфакской. Тем не менее, показав на вахте документы и командировочное удостоверение, я надеялся получить ночлег. И не ошибся: случайно оказавшийся рядом студент по имени Гунтис, объяснив вахтёрше, что у него соседи по комнате в отъезде, любезно пригласил меня переночевать к себе — вахтёрша не возразила. Было неожиданно приятно, так как я был наслышан о неприветливости и национализме прибалтов.

Студент-латыш пригласил меня хлебнуть чайку. Добро! Тем более, ещё оставалась кое-какая снедь, не осилённая мною в дороге. Я начал озираться по комнате в поисках чайника, кружек и тарелок, но не находил их. Оказывается, чай у них принято пить не в комнатах, как у нас в общаге, а на кухне — все стены её были увешаны шкафчиками под соответствующими номерами комнат. Я заглянул в два из них — полные наборы посуды и прочей кухонной утвари. Да-а-а... Искренне подивившись, я живо представил себе, какой бы начался «круговорот» посуды в нашей биофакской казанской общаге после чьего-нибудь первого же дня рождения! А тут — порядок. И мы с Гунтисом, попив чайку и сполоснув после себя посуду, всё сложили на место.

На следующее утро, искренне поблагодарив гостеприимного латыша и простившись с ним, я вскоре нашёл то, что искал: аспирантское общежитие №3 Рижского государственного университета имени

Стучки. Оно находилось в центральном районе города, в старинном доме, на стенах которого висели две мемориальные доски: здесь жили Альфред Калныньш и академик Мстислав Келдыш.

В комнате я поначалу жил один. Моё жилище было просторным, с высокими потолками, правда, окно, выходящее в тёмный двор-колодец, давало мало света. Но это ничуть не портило настроения. Главное — работа. Досуг я полностью занимал изучением города, а в выходные и праздники путешествовал по региону. Чуть позже ко мне подселили одного доцента-математика, Ельдеса Бурина, командированного из Казахского университета. Ельдес-абый называл меня «татаринном». Жили мы мирно, каждый занимался своим делом.

Институт микробиологии находился за городом, в лесу Клейсту, что по Болдерайскому шоссе. Я быстро сошёлся с коллективом лаборатории, возглавляемым Музой Индулен. Руководителем мне назначили младшую научную сотрудницу Наталью Замятину — приятную, приветливую, обаятельную молодую женщину. И покатились мои трудовые будни в этой почти заграничной лаборатории.

Русские сотрудницы были живее и общительнее своих латышских коллег. Доктор Индулен почти не выходила из своего кабинета. Строгость и официоз исходили от старшей научной сотрудницы Дагнии Дзегузе. Её присутствие всегда несколько напрягало: она, стремясь создать подчёркнуто рабочую атмосферу в коллективе, всегда мерила строгим взглядом всех, у кого просто было хорошее настроение. Кстати, в Латвии официально принято обращение к научным сотрудникам по фамилии с приставкой «доктор», причём необязательно, чтобы они являлись собственно докторами наук. С Наташей, моей руководительницей, мы подружились. Общались, в основном, в лабораторном боксе — я у неё многому научился в работе, начав осваивать новые для себя методики — вирусологические.

В лаборатории трудилась самая лучшая лаборантка из всех, кого мне довелось увидеть за свою научную карьеру. Звали её Скайдрите Рейковска, или просто Скайча, в её руках всё «горело», она никогда не сидела без работы. Я не раз восхищённо говорил: «Скайча — настоящее достояние нашей лаборатории». Она, по-моему, была без образования, по-русски говорила с сильным акцентом, да и работала в институте только потому, что жила недалеко от него в большом собственном

доме. От Скайчи всегда веяло основательностью, жизненным тонусом, уверенностью. С такой женщиной, наверное, любому мужику — как за каменной стеной. Но, несмотря на то, что у неё был уже взрослый сын, муж отсутствовал, что было весьма неожиданным фактом. Что ж, и так, к сожалению, в жизни бывает.

Кроме меня и ещё одного лаборанта-вечерника, работавшего на полставки, сотрудников мужского пола в лаборатории не было. Поговаривали, что всех мужиков доктор Индулен банально выживала. Да и сам институт являл собой классический «женский монастырь» — вещь заурядная для подобных научных заведений. Сотрудница-латышка из соседней лаборатории как-то поинтересовалась у одной из моих коллег, спросив по-русски: «А что у вас за новый, э-э-э, жёлтый мальчик?» Слова «рыжий» она то ли не знала, то ли не вспомнила. Так что моё появление в коллективе института сразу заметили. И «жёлтый» мальчик был тут же привлечён к сдаче норм ГТО по плаванию, к концерту художественной самодеятельности института — исполнить с коллективом лаборатории латышскую песню «Пут, вейни!» («Вей, ветерок!»). Для полного ансамбля не хватало мужского голоса. Что ж, сам напросился: любил поорать песни за работой в боксе, когда не требовалась стерильность. Сотрудницы поначалу недоуменно переспрашивали друг друга: «Опять наш дипломник распелся?» Однако со временем привыкли. Привыкла и строгая Дагния Дзегузе. Она даже интересовалась, когда я молчал: «Что-то Петериса не слышно, он на работе?»

Интересен один факт. Некоторым сотрудницам было лень таскать домой бесплатное молоко, полагавшееся им за профессиональную вредность, и они отдавали его мне — студент всему рад. «Только, — говорили, — бутылки назад вернуть не забудьте»... Конечно верну, какой разговор? И вот, когда я первый раз принёс пустые бутылки, у меня строго поинтересовались:

— А где «кришечки»?

Имелись в виду крышечки из фольги — для них был выделен специальный мешочек. Каково?

Несмотря на свою глубинную общественную сущность и избыточные «севкоры», с комсомолом я решил не выставляться. Комитет комсомола в институте, конечно же, наличествовал, но существовал

незаметно. На среднестатистического функционера «от системы» был похож только один сотрудник института — начальник первого отдела, солидного возраста отставной военный. Радеть за комсомол мне не хотелось ещё и потому, что на «ненашенской территории» его, мягко говоря, недолюбливали. У меня состоялось несколько диспутов на политические темы — я крайне удивился идейной «незрелости» и скрытому недовольству моих, хоть и западных, но всё же, советских оппонентов. Прибалты вечно были чем-то недовольны.

Даже в Риге я не избавился от навыка всюду замечать наглядную агитацию. До сих пор помню пару лозунгов на латышском: «Musu devizu — augstu kvalitati katra darba vieta» (Наш девиз — высокое качество на каждом рабочем месте). Одобряю! И второй, насколько дурацкий, настолько же в своё время популярный: «Ekonomika jabuf ekonomiskai» (Экономика должна быть экономной). Кстати, откровенно самовосхваляющих или к чему-то зовущих коммунистических лозунгов, типа, «Да здравствует (по-латышски «Lai dzivo») то-то...», я не встретил. Они хоть и были «в тему», но какие-то спокойные, видимо, с учётом латышской специфики.

После работы я никогда не отказывал себе в удовольствии прогуляться пешком по старинным мощённым улочкам. Выходил обычно сразу за Горьковским висячим мостом через Даугаву на улице Торнис, что в Старом городе. Шёл по улице Яуниела, мимо дома, в котором «жил» Шерлок Холмс — он же Василий Ливанов, и где профессор Плейшнер-Евстигнеев не заметил сигнал опасности — цветок. Ведь эти эпизоды из «Приключений Шерлока Холмса» и «Семнадцати мгновений весны» снимались в Риге. С удовольствием прогуливался по улицам Яня Сета, Вальню, через Площадь 17 июня, на которой стоит Домский собор с лучшим органом во всём Советском Союзе. Интересно, что многие дома в Старом городе были с печным отоплением — всюду витал запах угля, а дымоходы обслуживались цехом потомственных трубочистов, одетых в традиционные, немного бутафорские, как мне казалось, средневековые одежды. Но это лишь добавляло экзотики.

А вот музей латышских стрелков, «акушеров» Октябрьской революции, и памятник им рядом с этим музеем выглядели чужеродными, словно угрюмые, тяжёлые аккорды в мажорной мелодии Старого

города. Оконченная мною в Казани средняя школа №90 находилась на Танкодроме, на улице Латышских стрелков. У нас в школе даже был музей: революционная Красная Латышская дивизия в гражданскую войну освободила Казань от белогвардейцев. Но, несмотря на это, я не испытывал ни малейшего желания заглянуть в рижский музей. Тем более, знал, что многих уцелевших после гражданской войны латышей-революционеров товарищ Сталин, бывший их соратник по революционной борьбе, впоследствии «убрал» — переродились, дескать, со временем.

Дальше от Старого города я шёл под перезвон и стук трамваев по улице Кришьяниса Барона, на ней было много диковинных для меня шляпных салонов. Не мог я не заметить и то, что в Риге, как и во всей Прибалтике, был настоящий культ цветов — в букетах и букетиках, в горшках и горшочках, больших и маленьких, они радовали глаз буквально повсюду. Любопытно, что у латышей принято дарить цветы и мужчинам. Впервые в жизни мне вручили букетик жёлтых нарциссов на 23 февраля — я с некоторым недоумением и с удовольствием принял такой непривычный для себя подарок. Причём, все продаваемые на улицах цветы были не привозными, и торговали ими местные, а не кавказцы, что также было для меня внове. Зимой букеты и горшочки с цветами прятали в небольших закрытых этажерках из прозрачного оргстекла, в каждой ячейке с букетом горела маленькая свечечка. В тёмное время суток уличные цветочные ряды мерцали ровными рядами приветливых тёплых огоньков. Красота!

За Рижским драматическим театром, где блистала тогда знаменитая Вия Артмане, по улице Миера, за трамвайной линией я набрёл как-то на довольно большое заброшенное русско-немецкое кладбище. Оно просто заворовало меня обилием шикарных, но, к сожалению заросших и сильно обветшавших могильных памятников с довоенными датами смерти. Под ними — могилы русских эмигрантов: офицеров русской армии, коллежских асессоров, титулярных советников и словенных купцов (это было высечено с трогательными «ятями», «и» с точкой и твёрдыми знаками).

Немецкие захоронения находились, как правило, в склепах, оказавшихся пустыми. Двери были распахнуты, и я, любитель приключений, не поленился спуститься в некоторые из них, осторожно ступая

по кованным, спиральным лестницам. Кругом — мусор и запустенье. До сих пор помню тоскливое, щемящее чувство, охватившее меня после изучения кладбища. Уж не ведаю, уцелело ли оно до наших дней. Не исключено, что на его месте сейчас сверкает переливами огней какой-нибудь бизнес-центр — кладбище находилось рядом с центром города.

Удивило меня обилие действующих храмов: католических, протестантских, православных. Однажды я зашёл на вечернюю службу в храм Адвентистов седьмого дня. Меня заметили, дали псалтырь, и после проповеди на русском языке я с удовольствием попел с прихожанами в сопровождении небольшого органа. Правда, потом долго не мог отвязаться от общительного пресвитера, решившего, что я — их потенциальный прихожанин.

А за одной из православных церквей я обнаружил небольшой погост — захоронение погибших при обороне Риги в Первой мировой войне. Даже сейчас в России, пытающейся вспомнить свои корни, я ни разу не слышал о существовании мемориальных кладбищ или памятников павшим в Первую мировую, а ведь их poleglo тогда почти два миллиона человек! Они отдали жизни за свою Родину, не задумываясь о том, какой ярлык «приклеят» им неблагодарные потомки, отказавшие в памяти. И не вина павших в том, что так и осталось определение той войне «несправедливая, империалистическая». Эти мысли у меня возникли именно тогда.

Рига произвела на меня яркое впечатление не только духом старины и бережным отношением к прошлому, но и продуктовыми магазинами. В Казани я такого изобилия тогда никогда не видел. А в Москве — больше впечатляли огромные очереди провинциалов.

Изучил я и окрестности Риги: Сигулда, Бауска, Рундале. С приходом весны я не уставал знакомиться с Юрмалой, исходил её всю от Лиелупе до Кемери. Помню, как открывал купальный сезон в апреле, пройдя босиком к морю по ещё не растаявшей снежной грядке, сопровождаемый зябкими взглядами немногочисленных отдыхающих.

Я так увлёкся Ригой, что мне даже захотелось слиться с местной публикой, и я отрастил бородку «а-ля латыш». А какие были рижанки! Светленькие, статные, модные и невероятно элегантные. Да, я бы не отказался тут пожить!

Приехавший по весне шеф Куриненко обрадовал новостью: он договорился насчёт целевой аспирантуры для меня в той же лаборатории, где я делал дипломную работу. То есть, числясь аспирантом Казанского университета, я продолжал бы работу в Риге, набирая материал теперь уже для кандидатской диссертации — что ж, «система», похоже, действительно «давала добро». Сотрудницы рижской лаборатории тоже были довольны этой новостью: я успел вписаться в коллектив. Они даже уверяли то ли в шутку, то ли всерьёз, мол, невесту уж мы тебе точно подыщем! И латышская речь мне была интересна. В лаборатории я приветствовал всех по-латышски. Старшая научная сотрудница Вайра Калныня даже похвалила как-то: «Молодец! Ну абсолютно правильно произносишь!» Со временем, ещё не понимая языка, я стал чувствовать, угадывать смысл латышских фраз, с которыми ко мне часто обращались на улице.

Латышский язык, в отличие от эстонского и даже почти родного татарского, показался мне очень лёгким: он относится к балтийским праславянским языкам. Мелодичный, благозвучный, легко произносимый, с простой грамматикой, многие латышские слова почти совпадали с русскими — выучить его не составило бы большого труда. И с русским языком, благодаря многочисленности нашего брата, дела там обстояли лучше, чем во всей Прибалтике. Да и вообще, чтобы жить в Риге, тогда необязательно было знать латышский. Одним словом, я воодушевился.

Кроме Латвии, побывал я в Эстонии — в Таллинне и Тарту. В Литве — в Вильнюсе и Каунасе. За два выходных или праздничных дня успевал познакомиться с тем или иным городом. Даже нравилось: вот я выхожу на перрон вокзала совершенно незнакомого города, а уже вечером следующего дня почти свободно в нём ориентируюсь.

Все три республики заметно отличались друг от друга, несмотря на общий «фасон», одинаковую всюду аккуратность. Но всё-таки больше всех мне нравилась Латвия, и не только из-за того, что я изучил её лучше. Эстонцы, говорящие на совершенно «тарабарском» языке, показались мне чересчур медлительными, недаром про них ходит столько анекдотов. Литовцы, напротив, остались в памяти экспрессивными и националистичными, хотя по типуажу они, пожалуй, ближе к славянам, чем к классическим скандинавам. Латыши вос-

принимались мной, как золотая серединка — тактичные, спокойные, выдержанные, даже внимательные.

Я всё старался найти для себя ответ: почему у прибалтов во всём порядка больше, чем у нас. Ну, с одной стороны, понятно: во-первых, культурное влияние Европы; во-вторых, не утраченное чувство хозяина. Третий фактор я осознал после того, как увидел дом Скайчи: прекрасный, по меркам тех лет, окружённый садом двухэтажный коттедж, где она жила вдвоём с сыном. Зная, кем работает сын и что у неё самой небольшая зарплата в институте, я вслух подивился наличию такого дома. Хозяйка объяснила: «Знаешь, Петерис, в этот дом вложен труд четырёх поколений. Мой дед взял здесь землю, и домик сперва был скромным, зато дед сразу заложил хороший фундамент. Поэтому мой отец задумал большой двухэтажный дом, но сумел построить только один этаж. Второй этаж достроили мы с бывшим мужем. Теперь сын, вернувшись из армии, сделал мансарду, переложил крышу, он вскоре собирается жениться, будем обустраиваться дальше».

Вот! Вот она — соль! Люди поколениями живут на одном месте, срастаются с ним, обихаживают и радеют за свою малую родину. Латвия — страна маленькая, латыши живут её категориями и масштабами. Правда, многим из них Иосиф Виссарионович «предоставил» новую «малую родину» — за Уралом... А что же мы? Девизом моего поколения и поколения моих родителей были слова из песен: «Мой адрес — не дом и не улица, мой адрес — Советский Союз!» Или: «Старость меня дома не застанет: я в дороге, я в пути!» Потому-то и вышло так, что моя мать родилась в Белоруссии, а отец, совсем не по воле своих родителей, — в Комсомольске-на-Амуре. Я — в Казани, супруга — в Иркутской области, а мои дети — уже в Новосибирской. От подобных пертурбаций у многих, видимо, и возникает философия временщиков. Что же, в итоге, лучше? Газончик перед окнами своего дома, или когда «диктуют колёса вагонные», особенно, если с их стука «начинается Родина»? Пусть каждый ответит сам. Своего мнения не навязываю, но оно очевидно. По крайней мере, лично мне стало понятно, почему моя прародина, Кировская область, проигрывала Латвии по многим позициям.

Но в один «прекрасный» день моя латвийская перспектива накрылась «медным тазом». Завлаб доктор Индулен сообщила, что ставки

в штатном расписании для меня на ближайший год не найдётся, несмотря на достигнутую договорённость с Куриненко: их собственная целевая аспирантка переводилась по семейным обстоятельствам из Москвы домой, в Ригу, на обещанное мне место. Тем более, со мной возникали определённые проблемы: я — не латыш, рижской прописки не имею, добавить к этому, что у института микробиологии не было собственного общежития, арендовались квадратные метры жилья у физиков, причём не в Риге, а в Саласпилсе. Известие стало для меня полной неожиданностью. И прозвучало оно буквально за неделю до государственного распределения, на котором я должен был присутствовать в университете лично.

И вот я снова в Казани. Большинство студентов, в отличие от меня, заблаговременно позаботились о своём будущем трудоустройстве, предоставив государственной комиссии по распределению так называемые «вызовы» на конкретные места. Так Андрюша Ширшов возвращался домой в родную Чувашию, в Новочебоксарск, на местный химвпр, где работал его отец. Я же, лишившись рижского варианта, шёл по общему распределению. Предлагаемые места трудоустройства особой радости у меня не вызывали. Куриненко, извинившись за то, что «так вышло», посоветовал переждать годик где-нибудь поблизости для повторной попытки «захвата» Риги. Он предложил мне место старшего лаборанта в организации «КазНИИтехфотопроект», оговорившись при этом, что ему даже совестно предлагать такой вариант. Тут я с ним охотно согласился.

Честно говоря, остаться в Казани труда бы не составило. Но мне хотелось самостоятельности. Думал, если что — вернуться домой всегда смогу. И вот, буквально за день до судьбоносного выбора, стало известно о вакантном месте в НИИ Молекулярной биологии НПО «Вектор», что под Новосибирском. Подумав вечерок, я дал «добро». Бог с ним, с Западом. Как там гласил рижский плакатик? «Наш девиз — высокое качество на каждом рабочем месте». Во-во, именно так, на каждом.

Что ж, двинем прямо в противоположном направлении — на восток. В Сибирь!

А пока предстояли завершение экспериментов в Риге, оформление рукописи дипломной работы, её рецензирование, защита и, наконец,

получение вожденного диплома. Последние две недели пребывания в Риге я прощался с городом, Латвией, институтом, лабораторией. До сих пор от воспоминаний о погожей балтийской весне 1984 года у меня теплеет в груди. А тогда, меряя шагами каменную мостовую враз зазеленевшей красавицы-Риги, я даже гладил рукой стены домов Старого города. А выйдя на набережную Даугавы, провожал взглядом ледоход, с удовольствием, с чувством прощания вдыхал лёгкую речную свежесть. Что ж, любой период жизни однажды подходит к своему завершению. Буду надеяться, что всё, что ни делается — к лучшему.

В день отъезда вся лаборатория дружно вышла меня провожать. Подарили сувенир, книгу об институте микробиологии со своими автографами. Даже доктор Дзегузе взгрустнула и, обняв, сказала полатышски что-то ласковое — видимо, слова шли из глубины души.

Ну, «драугес» (друзья), за всё — «палдиес» (спасибо)! «Уз редзешанес» (до свидания)!

3

В апреле 1991 года, буквально за полгода до развала Советского Союза, я, уже в ранге научного сотрудника, вновь оказался в Риге, в командировке от «Вектора». В городе тогда было беспокойно: всего лишь месяц прошёл после мощных антиправительственных выступлений, закончившихся их разгонами. Были жертвы, но не такие, как незадолго до этого в Баку, Тбилиси и Вильнюсе. «Союз нерушимый республик свободных», к сожалению, как-то разом затрещал по швам. Некоторые улицы Старого города были перегорожены бетонными блоками, а стены домов исписаны лозунгами. Заметив, что в них повторяется слово «krevis» и, зная его значение — «русский», я попросил одну проходную женщину перевести.

Она замялась:

- Я не могу, мне неудобно.
- Но всё-таки, пожалуйста.

Она перевела. Я поблагодарил. Что там было написано? Повторять не хочется, но, как говорится, «из песни слов не выкинешь». Самый

обидный из этих лозунгов, написанный явно каким-то недоумком, гласил: «Хороший русский — мёртвый русский!» Как говорится, без комментариев.

Заглянул я и в свою родную лабораторию ингибиторов вирусной активности — встретили меня там, по старой памяти, очень тепло. Однако несколько русских сотрудниц, включая «мою» Наталью, оставшись наедине со мной, поведали: «Отношение латышей к нам сильно ухудшилось, даже в лаборатории, несмотря на многолетнее сотрудничество». А Вайра Калныня, когда-то хвалившая меня за правильное произношение латышского, вообще была «на баррикадах», удостоившись за это прозвища Гаврош.

Интересно, что в следующем, 1992 году, она заходила ко мне в гости, будучи в командировке в нашем институте. Мы душевно посидели, как полагается, винца немножко выпили, я познакомил её с супругой, детьми. Вспомнили лабораторию, я с улыбкой помянул её «гаврошество» — Вайра, замахав руками, засмеялась: «Ой, что ты, что ты, Петерис!» Вот только не поверил я этой искренности смеха. Ну, а чего, собственно, я хотел? Мы — это мы, а они — это они.

Вожделенная цивилизованность пришла на латвийскую землю в виде членства в «миролюбивом» блоке НАТО. А местная продвинутая «демократия», упразднив льготы ветеранам Отечественной войны, стала чествовать сборища и вакханалии фашистских недобитков, закрыла мемориал лагеря смерти в Саласпилсе, оскорбив память его жертв официальным переименованием в «исправительно-трудовой». Ввела жёсткие ограничения по русскому языку, массово закрывая русские школы, а во всех бедах минувших, настоящих и, авансом, будущих обвинила русских и Россию. Оказывается, настолько всё просто! Более того, новоявленный латвийский апартеид разделил жителей страны на «граждан» и «неграждан», сокращённо — «негров», да ещё и «оккупантов».

Кем бы я был в нынешней Латвии? Естественно, «негром». Почему? Потому что я — внук обоих павших на войне дедов (тут мне хочется встать), получивший в их честь своё имя (оба были Петрами), обязательно бы участвовал в обструкции шествий латышских фашистских ветеранов-недобитков и их молодых последователей, скандируя: «Гитлер капут!». Обязательно бы шумно праздновал де-

вятого мая День Победы, стоял бы в пикетах, участвовал бы во всех протестных мероприятиях. Обязательно бы предпочёл российский паспорт латвийскому «фиолету», как там говорят.

Отсутствие избирательного права? Да и чёрт с ним! Без этого можно прожить. Но ведь без местного гражданства ты не сможешь проживать, где захочешь, выезжать за границу (назад могут не пустить — вот и попробуй навестить родителей в Казани). Сложно с трудоустройством, а многие профессии вообще — «табу». И что особенно актуально для меня — не имея гражданства, нельзя заняться предпринимательской деятельностью.

Довольна ли Латвия своим сегодняшним «белокожим» состоянием? Вопрос очень непростой, особенно сейчас. Нет, конечно, спорить не стану: аккуратность, опрятность, чистота — всё осталось при латышах. Эти качества вне времени и строя. А в остальном? Уж не знаю, как там сейчас ситуация с наукой вообще и микробиологией в частности, но некогда могучая латвийская промышленность почти умерла, а вполне развитое сельское хозяйство влечит жалкое существование, не выдерживая конкуренции с евросоюзовским и уже не имея возможности от него заслониться. Так, побираются дотациями Евросоюза, обильно поставляют туда гастарбайтеров, разглагольствуют о торжестве демократии в некогда «порабощённой и несчастной» Восточной Европе, лязгая зубами на Пыталовский район Псковской области и мечтая о высосанных из пальца компенсациях России «за оккупацию».

Не сомневаюсь, время всё поправит. И Ушаков — ныне первый русский мэр Риги, надеюсь, — предвестник этого. Ведь, по большому счёту, в чём отличие Латвии и Прибалтики советской от Латвии и Прибалтики «евросоюзовской», если отбросить в сторону сладкие слюни праздных рассуждений: есть демократия — нет демократии, есть «швобода» — нет её, родимой, и прочее. Принципиальное отличие, господа хорошие, только в одном: Советский Союз, как бы его сегодня не костерили, инвестировал, вкладывал огромные средства в Прибалтику, зачастую даже в ущерб соседним областям российского Нечерноземья. А Евросоюз — фигушки! И чем дальше — тем больше, ему бы некоторых членов «старой» Европы из финансового болота вытащить. Не до страждущих новобранцев. Наблюдается

ошарашивающая закономерность: чем хуже сегодняшние дела, несмотря на солидный, двадцатилетний возраст постсоветской «самостийности», тем больше виноваты в этом почивший Советский Союз и его правопреемница Российская Федерация. «Терзают смутные подозрения», что в ближайшие времена наша «вина» перед многими постсоветскими странами, как ни странно, ещё более усилится.

Всё познаётся в сравнении. Сложно сравнивать, например, Сибирь с Латвией. Но родной Татарстан — вполне возможно: и климат схожий, и размеры территории, и численность населения, и титульная нация имеется, даже процент русских приблизительно одинаковый. Но Татарстан как производил, так и производит грузовики и самолёты, оптику и вертолёты, бытовую химию и часы, перерабатывает нефть и газ, а хлебушка в благоприятные годы вообще выращивает с хорошим избытком. Да и по уровню жизни не уступит.

А Латвия? Вылавливает и шлифует янтарь, проводит «Юрмалины» и через терминал в Вентспилсе гонит нашу нефть. Даже некогда знаменитая Рижская киностудия фактически приказала долго жить — затерялась в «дюнах её долгая дорога». Не сомневаюсь в том, что и нынешняя красавица Казань не уступает Риге. И ни один латвийский клуб не способен сыграть в Лиге чемпионов по футболу, тем более выиграть, в отличие от казанского «Рубина», у «Барселоны».

Бывшему «советскому западу» досталось его истинное место — на северо-восточных задворках Европы. Кто они сейчас? Так, статисты Евросоюза. А нынешней российской молодёжи о чём ныне говорят имена трёх балтийских стран? Трудно сказать...

4

Вновь вернусь в 1984 год.

Когда я вернулся в Казань, меня полностью захватила круговерть преддипломной лихорадки. На самое начало июня была назначена долгожданная защита.

Стоял жаркий денёк, в аудитории было душновато, людей собралось много: руководители, рецензенты, «болельщики»... да! — и самые

главные — члены дипломной комиссии. Для них в центре аудитории стоял длинный стол, накрытый зелёным сукном. На столе — цветы. Всё было торжественно. Кроме меня в этот день защищались ещё шесть дипломниц, я — последний.

Итак, защиты начались. Чинненко да ладненко: гладкие выступления, поверхностные вопросы, отрепетированные ответы на них, положительные отзывы рецензентов, выступления руководителей. Всё это напоминало мне отчётный концерт в музыкальной школе, где я когда-то учился.

В завершение каждой защиты звучало заключительное слово заведующей кафедрой микробиологии Лещинской Инны Борисовны, сменившей на этом посту одержимую микробиологией Римму Павловну, «приторочившую» на заре студенчества нас с Ширшовым к науке. Инна Борисовна виртуозно умела «мягко постелить», потому и завкафедрой стала, сместив ещё при нас прямолинейную и не всегда, видимо, «просекающую» политический момент Римму Павловну. Вот и теперь Инна Борисовна восхищалась каждой дипломницей. Финал каждой защиты — логичная ответная благодарность выпускницы преподавателям кафедры и факультета по принципу «кукушка хвалит петуха». Все довольны. Получай, Родина, новых дипломированных, квалифицированных молодых специалистов для своего обширного народного хозяйства!

Когда очередь дошла, наконец-то, до меня, всех уже порядком разморило. А два члена комиссии — профессора сильно почтенного возраста — во время моего выступления малость закемарили.

Солнце поднялось ещё выше, занавесок не было, в окно тыкалась жирная муха, её ленивое жужжание усиливало общее умиротворение. Одно слово — сонное царство.

Я закончил доклад. Воцарилась тишина. Пауза затягивалась. Я решил чуть-чуть «подтолкнуть» членов комиссии дипломатичным покашливанием — первые вопросы должны были задать именно они. «Члены» немножко приосанились, кое-кто, кашлянув, едва заметно потянулся. Один из профессоров, смахнув предательски выползшую на уголок губы сладкую сонную слюнку, протёр ладонями глаза. Меня это стало веселить: я почувствовал, как от лёгких конвульсий внутреннего хохота стала подрагивать грудная клетка. Поэтому закашлялся,

чтобы хоть немного сбить неуместный в данной ситуации смех. «Система» выглядела что-то уж совсем потешно.

Наконец, долгожданный первый вопрос прозвучал. Какой? Универсальный. Его обычно адресуют с очень многозначительным видом.

— Каково практическое значение Вашей дипломной работы?

Я в упор глянул на задавшего этот знаковый вопрос. Снятые с носа очки, немного напряжённая переносица, — он всем видом показывал, что просто-таки жаждет услышать ответ. Не помню, с какой кафедры был профессор, интересовавшийся «практической стороной дела», но его дисциплина была далека и от микробиологии и, тем более, от вирусологии.

Представляю себе микробиолога или генетика, вздрагивающего на какой-нибудь обязательной конференции от научной терминологии ихтиологов с кафедры зоологии позвоночных: «размер ячеей сети», «распил плавника». В узкоспециализированных институтах, например, в моём, молекулярной биологии, таких проблем не возникает — все, в той или иной мере, обсуждаемым вопросом владеют. Но биологическая наука настолько обширна, что, скажем, преподаватель-почвовед может разбираться в генетике или физиологии животных исключительно на уровне статьи научно-популярного журнала «Наука и жизнь». По большому счёту, это естественно и понятно. А тут никуда не денешься — дипломная комиссия, ей нужно придавать вес и своим именем, и своей степенью, и своей должностью.

Помню, как мой однокашник Рудаль Кадыров рассказывал про свою защиту дипломной работы, посвящённой методам математической статистики и теории вероятности в генетике. Во время его доклада на лицах членов комиссии читался только один вопрос: «Господи, да как во всём этом, в принципе, может разбираться защищающийся студент-биолог?» Но ведь такой вопрос на защите не задашь! М-да уж, незавидное положение!

Итак, вопрос о «практическом значении» мне был задан.

Ответить на него, согласно принятым канонам и правилам, следовало приблизительно так. «Данная работа выполнялась с целью дальнейшего изучения и совершенствования методов по созданию новых лечебных препаратов для защиты от вирусных заболеваний. Было важно изучить, насколько изменится токсическое действие

фермента РНКазы, имеющего выраженное противовирусное действие, но не применяющегося из-за своей токсичности в медицинской практике, в результате модифицирования его другим компонентом, также обладающим химиотерапевтическим противовирусным действием, но тоже несколько токсичным. Ожидалось, что повысится противовирусный эффект, вместе со снижением общей токсичности». И в завершение, в обязательном порядке: «Работа имеет важное практическое значение в контексте решения задач, стоящих перед советской медициной».

Я открыл было рот, но поскольку меня уже разбирал смех, решил прозвучать немножко по-иному. Посмотрим, думаю, как отреагирует «система», если чуть-чуть изменить правила игры. А что? Уезжаю далеко и надолго. Могу я, наконец, позволить себе это, я же экспериментатор, в конце-то концов! Пять лет учился! Поэтому, улыбнувшись, ответил следующим образом:

— Да в общем-то, никакого практического значения не имеет. Взяли две токсичных составляющих, в результате появилось соединение, хоть и с повысившимся противовирусным действием, но ещё более токсичное, а потому — бесполезное.

Воцарилась гробовая тишина. Жирная муха на стекле продолжала своё сольное выступление. Зато полусонное оцепенение с членов комиссии как рукой сняло. Прозвучал второй вопрос:

— И чем же тогда Вы руководствовались, когда выбирали рибонуклеазу *Bacillus intermedius* и хлор, э-э-э, хлор... — тут интересующийся надел очки и прочитал по бумаге, лежавшей перед ним, — «хлорангидрид адамантанкарбоновой кислоты» в качестве связываемых компонентов?

Мне стало ещё веселей: ну чем, скажите на милость, мог голопузый студентик руководствоваться, кроме как указанием своего руководителя? Или на кафедре задавшего вопрос преподавателя студенческая демократия выросла настолько, что студенты сами выбирают, чем конкретно желают заниматься на дипломной практике? Никогда не поверю. Потому опять ответил по существу:

— Да ничем не руководствовался. Шеф мой Борис Михайлович Куриненко дал. Свяжешь, — говорит, — и посмотришь, что получится.

Бенефис на тему «каков вопрос — таков ответ» набирал обороты. Потому прозвучал третий, вполне логичный вопрос, ещё хлеще второго:

— И Вы вот так бездумно взяли и связали?

Я опять закашлялся, пытаюсь скрыть смех. Потом взял небольшую паузу, обвёл взглядом всех присутствовавших в аудитории. Поднимался всё более усиливающийся гомон. Куда только подевались царившие пару минут назад покой и умиротворённость? А передо мной бешено вращающейся каруселью в мгновение ока промелькнули и «взошедший на пьедестал» Володя Ульянов с сюртучком на плече, и определение интеллигенции согласно теории научного коммунизма, и аппарат витаминной муки в Алслободе, и «большой» комитет комсомола с серьёзными минами Снашкова и Горянина, и «сделавшая ручкой» рижская аспирантура...

*Наши аспирантки, ныне профессора
университета – С. Ю. Селивановская (слева)
и О. Н. Ильинская*

И вот, наконец, завершающий аккорд танца под названием «галоп системы» прозвучал: удивлённые простыми, нестандартными, по-детски правдивыми ответами дипломника члены дипломной комиссии сбросили полусонное оцепенение и недоумённо захлопали глазами. А наглец в моём лице исчерпывающе ответил:

— Нет, я с первого класса средней школы мечтал связать РНКазу *Bacillus intermedius* с хлорангидридом адамантанкарбоновой кислоты!

Девчонки из моей группы осуждающе смотрели на меня, мол, Петя, не надо,

ты что, завязывай! Сидевшие в первом ряду знакомые аспирантки нашей кафедры, а ныне маститые профессора — Светлана Селивановская, Альфия Фаттахова, когда-то отпустившая нас с Ширшовым в первое историческое путешествие из Заинского района в Сармановский, и Ольга Ильинская, ныне завкафедрой микробиологии — показывали мне кулак.

Гомон стал перерастать во всё более слышимый ропот.

И тут прозвучал четвёртый вопрос — в тему. Задал его из зала очень мною уважаемый доцент нашей кафедры, ныне профессор и декан одного из факультетов московской «Менделеевки» Офицеров:

— Вы везде упоминаете хлорангидрид адамантанкарбоновой кислоты в качестве носителя, но принимая во внимание его небольшую, по сравнению с РНКазой, молекулярную массу, правильнее было бы говорить о нём не как о носителе, а как о модификаторе. Вы так не считаете?

Меня он любил. Однажды, отвечая на вопросы шутливой анкеты преподавателей факультета в стенгазету «Бигль», назвал меня идеальным студентом. Да и на «Вектор» по распределению я попал, во многом благодаря нему. Но... Во-первых, ранее с дипломом уже подробно ознакомились человек семь — руководители дипломного проекта, научные сотрудники, рецензент — и определение «носитель» проходило. А во-вторых, меня «понесло»...

Уважаемый Евгений Николаевич — уж более чем через четверть века — простите великодушно!

Но тогда, на защите я ответил просто и без затей:

— Может быть это и модификатор, но я считал, считаю и буду считать его носителем. — И, в конце «обурев», решив, что дал исчерпывающий ответ, добавил. — Следующий вопрос!

И тут раздался раздражённый голос, — медленно вставала со своего места корифей микробиологии, профессор Маргарита Ильинична Беляева. В мои студенческие годы она уже не преподавала на нашей кафедре, мы с ней никогда не пересекались, я просто знал, что она — «бабушка» казанской микробиологии.

— Молодой человек! Я бы попросила Вас проявлять уважение к дипломной комиссии и аудитории!

— А я разве не проявляю? — продолжил я свою «борзоту». — Грамотно доложился, стою тут, отвечаю, как могу, на ваши вопросы!

Маргарита Ильинична судорожно вдохнула воздух и возмущённо открыла рот, намереваясь что-то продолжить. Но тут раздался сладенький голосок Инны Борисовны:

— Я прошу прощения у членов дипломной комиссии и всех присутствующих за нашего дипломника и сожалею, что мы так...

Тут она сделала паузу и, глянув на меня в упор поверх чуть сдвинутых на кончик носа очков, членораздельно и жёстко произнесла:

— Прощаемся с ним. — И снова, уже совсем другим, обычным ласковым, елейным голоском, продолжила, надев свою фирменную еврейскую улыбочку. — Ну, вот такой он у нас, что ж поделаешь! Но вообще его работа выполнена на очень хорошем уровне, он совсем немного не дотянул до красного диплома, был членом комитета комсомола, политинформатором, активным участником художественной самодеятельности, увлекается туризмом.

Я нагло заулыбался и чуть не продолжил её мысль дальше: «А также хорошо кушает и моет перед едой руки». Но благоразумно решил, что на сегодня — хватит. К тому же, всегда приятно послушать про себя хорошие, тем более, правдивые слова.

А Лещинская продолжала в том же духе. И возбуждённая аудитория стала успокаиваться — Инна Борисовна (ныне проживающая в Израиле) выступила мастерски. На своём месте человек! Правда, в тот момент она спасала, в первую очередь, своё лицо: дипломник-то уедет по распределению далеко-далеко, а она останется. Вот и выслушивай потом упрёки: мол, плохо студентов воспитываете, уважаемая Инна Борисовна! Добавить к этому, что моё выступление было последним, и всем уже давно хотелось «до ветру».

И вот, наконец, заведующая кафедрой выбросила главный успокоительный аргумент:

— Распоределлся наш дипломник в Сибирь, в НИИ Молекулярной биологии.

В Сибирь! «Система» может быть спокойна: этот непонятный «бузотёр» уезжает так далеко, что никоим образом оттуда потревожить её не сможет.

Сухо прозвучали положительное заключение руководителя и хощий отзыв рецензента. И — «финита ля комедия». Я поблагодарил всех присутствующих за внимание, а преподавателей — за их труд.

Однако профессор Беляева во время примирительной речи Лещинской с нескрываеомой неприязнью смотрела на меня, её совершенно не успокоил воркующий речитатив заведующей кафедрой. И когда уже все расходились, она подошла ко мне:

— Молодой человек, я бы на Вашем месте извинилась перед уважаемыми членами дипломной комиссии!

Многие из них ещё сидели за своим длинным столом, что-то обсуждая. И хотя запал уже вышел, я, ухмыльнувшись, решил продолжить «защиту». Одним словом, извиниться у меня всё равно не получилось бы. Так иногда бывает, когда слова вроде бы необходимого извинения просто застревают в глотке.

Инна Борисовна разговаривала с кем-то в другом конце аудитории, но она буквально затылком увидела, что у вредного дипломника начинается новая «тёрка» с «бабушкой казанской микробиологии», поэтому, кинувшись к нам, боевым кораблём встала между сторонами. О чём-то заворковав с Беляевой, Лещинская рукой за спиной энергично стала жестикулировать мне: «Быстро с глаз долой!»

Да пожалуйста, защита окончена. Я направился в здание «проблемки». Увидев меня, Наталья Калачева — мой непосредственный руководитель — сразу стала как-то нервно смеяться. А заглянувший к нам Куриненко, верный Лещинской человек, сказал, глубоко вздохнув, лишь одну фразу: «Запомните, Петя: «лезть в бутылку» — удел не очень умных людей!».

Что можно было ему возразить? Что я изначально не планировал подобного выступления, всё вышло экспромтом. Что если бы он отбил для меня аспирантуру в Риге, я бы не «полез в бутылку». Но это верно лишь отчасти. Самое главное, как выразить в двух словах представителю «системы» в её адрес всё то, что копилось долгие пять университетских лет? Что ж, уважаемый Борис Михайлович, ошиблась во мне «система», дала небольшой, ну, совсем микроскопический сбой. Но не беда, ведь общеизвестно, что «опыт — сын ошибок трудных». Ладно, думаю, день сегодня торжественный: дипломный

проект защищён, процесс получения высшего образования завершён. Как говорится, будьте здоровы, живите богато.

А почему, собственно, не может быть просто интересно: а что там, «в бутылке»? Ну, немного пошевелил «систему», провёл «против шерсти» — мне не хотелось бы считать себя её оппонентом, другой тогда не было, и не просматривалось даже в отдалённой перспективе. Любая система должна уметь не только себя сохранить, но и воспроизвести, тем более, многие, очень многие страстно жаждали стать её частью, мгновенно схватывая принятые в то время правила игры. К тому же, она, система-матушка, соглашусь, была не самой плохой: относительно приличные стипендии, бесплатное высшее образование, гарантированное трудоустройство по специальности.

Единственное, что мне не нравилось в ней — обилие «добровольно-принудительных» повинностей и жёсткая смычка между наукой, образованием и классовой идеологией. Ведь не случайно звучало: «Не хотите овладевать научным марксистско-ленинским мировоззрением — не место вам в рядах советских учёных»!

Кое-кто из преподавателей нашего факультета тоже играл в эти игры: экс-лысенковец Михаил Стекольщикова, доцент кафедры генетики, громил в своё время генетиков, а Инна Борисовна в ту же пору заимела, по слухам, репутацию активной комсомолки — непримиримого борца со стилягами и рок-н-ролом. Бог им судья.

Не исключено, что преподаватели-ветераны, которые по-прежнему преподают, могут и не вспомнить отличия государства диктатуры пролетариата от государства всенародного. Я, кстати, и сам подзабыл. А то вообще могут пожать плечами: мол, что-то не припомню, неужели так в самом деле было? И не сомневаюсь, что сегодня согласятся с непреложной истиной: наука и высшее образование должны быть беспартийными.

Но так ли уж сильно я рисковал на своей защите? Не думаю. Ведь не ругался же матом. К свержению существующего строя не призывал, в отличие от Главного Студента Казанского университета, что на постаменте. Именно на его примере учили нас быть честными и принципиальными. А теперь улыбнитесь: моя дипломная работа была оценена на «отлично», хотя, как выразилась Инна Борисовна:

«Пять, но с большим-большим минусом». Правда, «минусы» любых размеров во вкладыше к диплому никак не обозначаются. Государственный экзамен по научному коммунизму — святая святых — был также сдан на «отлично», распределение состоялось. В деканате уже был оформлен диплом, и нагрудный синий ромбовидный знак выпускника ВУЗа ждал своей гордой демонстрации. Требовалось лишь зайти их получить, буднично расписавшись в каких-то документах. А через недельку — почти на два месяца в военные лагеря под славный город Вольск, что в Саратовской губернии. И всё! А потому — «вопросов больше не имею»...

Эпилог

Ну вот, друзья, я и рассказал всё или почти всё, что хотел, о моей студенческой поре и о времени, в котором она состоялась. И как ни уютно мне было на орбитальной станции с названием Память, надо спускаться на Землю, на космодром, имя которому Действительность. Всё, хватит — полетал. Да, я напрягал свою уже немолодую память. Углубившись в воспоминания, испытал, можно сказать, состояние изменения сознания, так как снова и снова переживал моменты прошлого, имея возможность смотреть на них с высоты прожитых лет. Но какой бы ёмкой ни была моя память, многие детали со временем стёрлись. Я заглядывал в Интернет, обращался к друзьям, соратникам по университету, так что в некотором смысле эта книга — труд коллективный. И мысленно с головой окунулся в неповторимый колорит той Казани, города моего детства и юности, почти побывал там, глубоко вдохнув его воображаемый аромат, так что даже запахи иногда чудились.

Что, молодёжь, согласитесь, наше студенчество было более насыщенным! Да, без компьютеров и мобильных, зато мы чаще встречались, общались, пели, плясали, двигались, да и просто больше дышали свежим воздухом.

Написать воспоминания я решился в год 25-летия окончания университета, после традиционной встречи однокашников, послужившей мощным толчком для творчества. В июне мы, как полагается, встретились на «Сковородке». Повизжали, пообнимались, сходили на кафедру, посидели в кафе. Собралось нас больше полугруппы. Жаль, не все сумели вырваться на встречу.

Вот и одnogруппница Розочка Ибрагимова, та самая, что всегда жутко волновалась на экзаменах, приехать не смогла. Зато она была

Встреча через 20 лет. А. В. Шишов и П. Ю. Муратов

представлена своей «реинкарнацией» — дочерью, тоже студенткой-микробиологом КГУ, пардон, ПФУ (Приволжского федерального университета).

За 25 лет много перемен произошло в жизни каждого. Мы с Люцией Ассадуллиной уже стали дедушкой и бабушкой. А с поэтессой Скипой, оставленной на кафедре после окончания ВУЗа, и с Ниной Тарасовой, ныне москвичкой, — кандидатами биологических наук. И Леночка Лихачева тоже москвичка, а в прошлом — мастер ответов на семинарах по общественным дисциплинам. Это мастерство ей пригодилось, она стала писательницей и журналисткой, но в отличие от вашего покорного слуги, профессиональной. К великому сожалению, безвременно ушла из жизни Наташенька Белогривцева, Царствие ей Небесное. Но символично, что её дочь тоже не так давно окончила наш универ, нашу кафедру. Лена Ильина, та самая неприступная Дульсиня, вышла замуж за испанца и уехала к нему на Пиренейский полуостров.

Развал Советского Союза перевернул судьбы некоторых студентов нашей группы. Карина Осиян из Сумгаита приняла к себе своих родителей, бежавших из Азербайджана. Мзии Дanelия из Гагры со всей семьёй пришлось, бросив всё, бежать из Абхазии в Казань. Рустем Хайрутдинов, женившись на литовке и переехав к ней в Литву, стал старательно «косить» под литовца и «по форме, и по содержанию», представляясь всем Рустемасом Хайрутдиновасом.

По-разному сложились судьбы у моих одноклассников: кто-то из них вышел замуж, кому-то так и не удалось, многие обзавелись детьми, некоторым, к сожалению, это тоже не удалось. Некоторые сумели сохранить свои первые браки, но большинство, как и в целом по стране, — нет. Развалились первые браки и у наших мужиков: у «Рустемаса» (с литовкой у него второй брак) и у Андрея Ширшова. Да-да, несмотря на воспетую мной его феерическую любовь с Лидуськой, из-за которой мы столько километров намотали по родному Татарстану, и рождение сына Антона. Но жизнь продолжается, и окончание моих воспоминаний почти день в день совпало со знаменательным событием: у Андрюши во втором браке родился сыночек Мишка! Быть может, это совпадение тоже символично.

Я не скрываю, что питаю особо тёплое отношение к людям, сумевшим сохранить свои студенческие браки. Мне всегда обидно, когда по-настоящему пылкую любовь двух молодых сердец разбивает угрюмая проза жизни. Хотя в прозе ли только дело? Ведь мои друзья женились-то в юном возрасте. Но потом, по-разному взрослея и развиваясь, зачастую супруги отдалялись друг от друга. Да и перипетии «лихих девяностых» подлили масла в огонь разлада многих семей.

Каждый живёт свою жизнь. Некоторых я не видел с момента окончания университета, кто-то изменился заметно, кто-то нет — в любом случае, все остались мгновенно узнаваемыми и родными. Ведь встреча в Альма-матер через годы — это как возвращение к любимой театральной постановке, где и участники спектакля, и декорации те же самые.

Но почему человек, пройдя через десятилетние пласты жизни, по-прежнему продолжает столь трепетно относиться к своему студенческому прошлому? Не школьному, не армейскому, не трудовому, а именно студенческому? Почему взрослые, состоявшиеся люди, солидные дяди и тёти, свидетели друг с другом, начинают смеяться, как дети, скакать,

как юные козлики, визжать, как поросята? Забавно наблюдать за этим зрелищем со стороны. Ведь выпускниками ВУЗов мы, как правило, становились в 22-23 года, в расцвет молодости. И несмотря на то, что почти все из нас проработали потом в трудовых коллективах не меньше срока учёбы — пяти лет, а то и больше, — но таких отношений в них, в подавляющем большинстве, и близко не было и нет. С другой стороны, почему отношения между бывшими однокашниками, оставшимися в одном городе, тем более, работавшими в одном месте, спустя годы, часто становились будничными, прохладными? В чём причина? В том, что они, оставшиеся рядом, с годами всё меньше и меньше воспринимали друг друга как просто вчерашних студентов. Как и в ранних студенческих браках, не прямые линии судеб шли по-разному и, по мере развития сценария жизни каждого, «разводили» их...

Напротив, разъехавшиеся после ВУЗа однокашники крайне редко виделись, но во время встречи мгновенно «вернулись» в такое радужное, такое уютное студенческое прошлое. Вскользь осведомившись, кто кем стал, и кто кого родил, мы, захлёбываясь словами, начали «токовать»: а помнишь то, а помнишь это.... Мы снова, пусть всего-то на несколько часов, стали, как и прежде, просто студентами-однокурсниками...

Да, студенчество уже далеко позади. Вместе с присущими молодости открытостью, романтизмом, наивностью и оптимизмом. Мы искренне дружили. Были равными в интеллектуальном плане, нас объединяла общность интересов. Это и есть, на мой взгляд, основные причины идеализации того периода жизни — студенческое равенство и объединявшая нас всех надежда на светлое будущее.

Равенство социального статуса обеспечивало нашу общность в мировосприятии и житейской философии. Никто из нас (никто!) не приезжал на занятия на личном авто, тем паче, в сопровождении охраны. Никто не платил за учебный процесс, абсолютно все были, как сейчас говорят, «бюджетниками». Никто «не башлял» экзаметнаторов, не учился заочно на очной форме обучения. А ведь у нас на факультете вместе со мной учились дети очень известных родителей. Ну и что из того, что ты носишь известную фамилию? Покажи прежде, что сам-то из себя представляешь!

Всё у нас было предельно ясно. Вот мы — студенты. Вот они — преподаватели. И никаких вопросов: они учили — мы учились, ониставляли — мы усваивали уроки, они экзаменовали — мы старались их перехитрить, разыграть, если требуется, комедию или драму. А потом радовались, прижимая к груди зачётку, когда фокус удавался. Они постоянно напоминали нам, что мы уже взрослые, мы, естественно, с этим соглашались, а в глубине души оставались детьми, даже если кто-то уже отслужил в армии или после школы успел поработать. Именно детьми, несмотря на то, что сами, случалось, женились и заводили собственных ребятшек. Это вполне созвучно голосу подсознания: позавчера была группа детсада, вчера — группа продлённого дня в школе, сегодня — тоже группа, пусть и академическая. И так хотелось хоть ещё немного побыть на этой стороне изгиба неведомой и даже немного пугающей своей неизвестностью непрямой линии жизни.

И окрыляла надежда. Ведь впереди, после окончания ВУЗа, как нам всем, честолюбивым и немножко самонадеянным, тогда представлялось, будет интересная работа, непременно плодотворная созидательная деятельность, профессиональное совершенствование и, конечно же, достижение определённых высот в жизни.

А жизнь идёт дальше. Год, два, пять, десять, двадцать пять... Кто-то взлетает, черствея и становясь циничным по «пути наверх», кто-то терпит фиаско, понимая, что ничего в жизни не добился. И тоже соответственно реагирует на это. Что ж, в жизни, как некогда при сдаче экзамена: каждому — своё.

И только воспоминания о студенчестве никогда не поблекнут в памяти, не вызовут чувства досады или сожаления. Университет навсегда занял достойное место в последовательной череде святых для каждого понятий: мать — Родина — Альма-матер — семья... С годами эти воспоминания — как форпост бастиона памяти, на волне которой, как на машине времени, легко уносишься в молодость.

«Слава вам, профессора, стойким рыцарям пера, всем студентам — слава!»

2010 год

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВСТУПЛЕНИЕ

3

Воспоминание первое

«ЧЕЛОВЕЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК»
И ИДЕЙНАЯ НАКОВАЛЬНЯ УНИВЕРСИТЕТА

9

Воспоминание второе

«И ВСЁ КРУГОМ КОЛХОЗНОЕ, И ВСЁ КРУГОМ — МОЁ!»

64

Воспоминание третье

КАК Я НАРУШАЛ ГОСУДАРСТВЕННУЮ ГРАНИЦУ

118

Воспоминание четвёртое

МЕСТЬ НЕУДАЧЛИВОГО УХАЖЁРА

136

Воспоминание пятое

ПАМЯТИ ИРИНЫ МИСЮРОВОЙ

140

Воспоминание шестое

КАК Я РАБОТАЛ ЛЕСНИКОМ

149

Воспоминание седьмое

КАК Я ЗАЩИЩАЛСЯ

178

Эпилог

202

Литературно-художественное издание

Пётр Юрьевич Муратов

Встретимся на «Сковородке»

Воспоминания о Казанском университете

Предпечатная подготовка	Татарстанское отделение Союза российских писателей
Редакторы	Николай Алешков, Ольга Кузьмичёва
Корректор	Наталья Первова
Дизайн, вёрстка	Виталий Павлов
Офис-менеджер	Оксана Кравченко

Подписано в печать 10.06.2011. Формат 60х84 $\frac{1}{16}$.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,46.
Тираж 1000. Заказ Р-775

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в типографии филиала ОАО «ТАТМЕДИА» «ПИК «Идел-Пресс»
420066, Казань, ул. Декабристов, 2